

[Polaris]

Рене Трот де Баржи



В СТРАНЕ МИНУВШЕГО

Затерянные миры
Том I

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

XIX



Salamandra P.V.V.

Рене Трот де Баржи

В СТРАНЕ МИНУВШЕГО

Затерянные миры

Том I

Salamandra P.V.V.

Де Баржи Р. Т.

В стране минувшего: Роман: (Затерянные миры. Том I). Пер. с франц. А. и Н. Губских. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2013. – 220 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. XIX).

Четверо ученых, цвет европейской науки, отправляются в смелую экспедицию... Их путь лежит в глубь мрачных болот Бельгийского Конго, в неизведанный край, где были найдены живые образцы давно вымерших повсюду на Земле растений и моллюсков. Но экспедицию ждет трагический финал. На поиски пропавших ученых устремляется молодой путешественник и авантюрист Леон Беран. С какими неслыханными приключениями столкнется он в неведомых дебрях Африки?

Захватывающий роман Р. Т. де Баржи достойно продолжает традиции «Затерянного мира» А. Конан Дойля. Книга «В стране минувшего» открывает в серии «Polaris» ряд публикаций произведений, которые относятся к жанру «затерянных миров» – старому и вечно новому жанру фантастической и приключенческой литературы.

ТРОТ-ДЕ-ВАРЖИ

В СТРАНЕ МИНУВШЕГО

РОМАН



«ПУЧИНА»

КТ

В СТРАНЕ МИНУВШЕГО

Часть первая

ТАЙНА БОЛОТА

Глава I

ПОСТ ИНОНГО

В час, когда раскаленное солнце медленно спускалось к горизонту, в Инонго, перед домом начальника одного из участков в Бельгийском Конго, сидели в качалках пять европейцев.

Один из них, высокий, сухой, с красной физиономией, с длинными рыжими усами, с глазами стальной голубизны, голосом слегка гортанным спросил:

– Итак, господин администратор, это болото тянется среди экваториального леса?

Он обращался к человеку лет тридцати пяти, с мягкими, привлекательными чертами лица, в которых, однако, просвечивала твердость и энергия.

– Да, мистер Беккет, – ответил администратор и обратил внимание присутствующих на темную воду озера, которое справа, казалось, сливается с горизонтом.

– Вот, посмотрите. Следуя по берегу озера, вы замечаете мыс, который протянулся в воду. Этот мыс, покрытый огромными деревьями, скрывает от вас болото. Оно оттуда начинается и занимает огромную поверхность. Какую – точно вычислить невозможно...

– Но почему же? – перебил Беккет.

– Его размеры зависят, конечно, от времени года; в периоды дождей площадь болота иногда удваивается. Но что особенно затрудняет измерение, – это непроходимый тропический лес, которым оно окружено...

Невысокий приземистый человек, с бородой, пожелтевшей от табаку, с серыми живыми глазами, поблескивавшими из-за круглых очков, сдержанно спросил:

– Но, любезный господин Райнар, если к болоту нельзя пробраться через лес, почему бы в него не проникнуть по озеру Леопольда II и дальше следовать вдоль берега?

– Вы ошибаетесь, господин Шифт, этот путь еще менее удобен, чем первый... Вы удивляетесь? Но это потому, что вы не знаете, как опасно для плавания озеро Леопольда II...

– Неужели? – удивился доктор Карл Шифт. – Глядя на него, не скажешь, что оно может грозить опасностью или воздвигать препятствия...

Поль Райнар пояснил:

– Дело в том, что озеро расположено в чрезвычайно плоской местности и недостаточно глубоко... Оно, по-видимому, высыхает, его воды изливаются в Луксней, приток Кассай, которая течет там, вдали, направо, и пересекает большой лес.

– Я, кажется, читал об этом... – вмешался бельгийский ученый, соотечественник Райнара, доктор Леопольд Мессон. Он был довольно высок, хорошо сложен, с густыми светлыми волосами, с широким лбом и бледно-голубыми глазами, слегка лукавыми. Его гладко выбритая физиономия казалась совсем молодой, хотя ему было около пятидесяти лет.

– Да, – продолжал он, – прежде, чем пуститься в это путешествие, я просмотрел отчеты знаменитого исследователя страны Конго – Стенли. Если я не ошибаюсь, озеро Леопольда II было открыто им в 1882 году? Он рассказывает очень любопытные вещи... Площадь озера, я думаю, занимает более 2500 квадратных километров!

– По моему мнению, любезный доктор, – ответил администратор, – озеро и болото – одно и то же, это подтверждается также и тем, что реки Батваба и Богонгова берут начало в болоте и впадают в озеро... если только не наоборот.

Четвертый член экспедиции, французский ученый Жан Норе, не принимал участия в разговоре и молча созерцал темные воды озера Леопольда II... Оно не имело ничего общего с прозрачными, голубыми озерами его родины, с озерами Вогезских гор... все же оно притягивало к себе его взоры и взоры его ученых коллег.

Каждый из четырех ученых на своей родине пользовался заслуженной известностью; авторы многих замечательных работ, весь смысл своей жизни видели они в занятиях геологией, биологией, антропологией, гистологией и, особенно, палеонтологией. И во имя науки они, люди уже не молодые, не задумываясь, сменили покойный кабинет ученого на трудное и опасное путешествие по малоисследованной части Африки.

Оживленные, отрывистые речи, блестящие взоры, лихорадочные жесты и самая манера держать себя свидетельствовали о том восторге, какой испытывали ученые в этот вечерний час. Направо перед ними, за извилистой линией деревьев, открывался тропический лес.

Завтра они пойдут туда.

Завтра они будут там.

Между тем солнце скрылось, и очень короткие сумерки сменились лунной ночью.

Вслед за заходом солнца спустилась роса, крайне неприятная в этих широтах.

Множество moskitov с жужжанием толклось в воздухе.

– Войдите, господа, – предложил администратор. – Укусы этих насекомых нестерпимы, и ваша нежная кожа была бы для них слишком изысканным угощением, какого они не заслужили.

В эту самую минуту бой доложил «коменданту», что обед готов.

В большой столовой, скромно меблированной, их ожидал накрытый стол.

Они разместились, радуясь прохладе и яркому свету.

Обед, приготовленный одним из негров Райнара, был вкусен и, несмотря на некоторые кушанья, не совсем обычные для европейцев, ученые ели с большим удовольствием.

– Итак, – начал вдруг Жан Норе, – завтра в этот час мы будем плыть по водам таинственного болота.

Его слова резюмировали помыслы присутствующих, и оживленный разговор завязался.

– С какого времени живете вы, господин администратор, в Инонго? – спросил Леопольд Мессен.

– Скоро будет четыре года, – ответил Поль Райнар. – Вначале, должен признаться, мне очень не нравилось в этой затерянной стране. Теперь я начинаю привыкать, и мне было бы жаль покинуть Инонго. Негры меня знают и любят... Они – большие дети, со всеми недостатками детей.

Но не негры интересовали доктора Мессена, и он дал это понять администратору, продолжая расспросы:

– В таком случае, за эти годы вы должны были слышать разговоры о находках, сделанных по берегам болота?

– Конечно... По дороге сюда у начальника округа мне рассказывали об интересных открытиях, сделанных в болоте... О следах человека четвертичного периода, о растениях и скелетах рыб...

Ученые слушали с большим интересом.

– Но, – продолжал хозяин, – так как я не более, как профан в палеонтологии, я решил хранить все любопытные материалы, которые приносят сюда мои подчиненные с берегов болота. Но лишь немногие из негров отваживаются плыть по этим предательским водам, среди необыкновенно густой растительности. Таким образом, я мог собрать некоторое количество костей исчезнувших животных, которых можно отнести к концу плейстоценовой эпохи.

– Несомненно, – говорил своим мелодичным голосом Жан Норе, – это – открытия волнующие, и все-таки интерес их сравнительно узкого характера. Следы доисторических времен находят и в других местах земного шара...

– Даже и в Европе, – вставил сэр Эдвард Беккет.

– Но то, что заставило прийти в эту страну меня и моих уважаемых коллег, – продолжал член французской академии наук, – это находки живых животных и растений, которые целиком относятся к четвертичной эпохе.

– Несомненно, – подтвердил Мессен. – Наша задача состоит в отыскании причин этой аномалии, если можно так выразиться. Вы понимаете, дорогой господин Райнар, в настоящее время могут иметься живые следы эпох, отстоящих от нашей по крайней мере сотни на три веков.

– Я понимаю, что это может вызывать огромный интерес, – неуверенно проговорил администратор, – однако же,

доктор... дело идет ведь не более, как о раковинах, о наиболее простых зародышевых растениях, то есть о животных и растениях, стоящих на самой низкой степени развития...

– Э, милостивый государь, не в этом дело, – решительно вмешался Карл Шифт, – они живут – эти растения живут... Не правда ли, чудесно, неправдоподобно, невероятно?.. Подумайте только... После всех переворотов, перенесенных земель за ряд тысячелетий, когда исчезло все, что относится к их эпохе, и остается лишь в ископаемом виде, они все еще живы...

Ученый доктор был в большом возбуждении, он выпил глоток шампанского и продолжал:

– Господин администратор, непосвященный, как вы, не может постигнуть всю необычайность этой находки... Вы не допускаете, не правда ли, что возраст этих раковин измеряется тысячелетиями?

– Конечно, нет, – согласился Райнар.

– Прекрасно, – воскликнул с восторгом немец. – Тогда, значит, эти раковины сохранились благодаря тому, что поколения их продолжали непрерывно появляться на свет, вплоть до наших дней, не так ли?

– Конечно, – согласился Райнар.

– В таком случае, – продолжал еще горячее Шифт, – в таком случае, дорогой мой, это значит, что раковины находятся в таких же самых условиях, со всех точек зрения, как их предки четвертичной эпохи...

– Мне это кажется вполне логичным, – оказал Поль Райнар, – но... я не вижу...

– Подождите. Итак, если эти раковины живут, если они размножаются наперекор переворотам, значит – они остались в прежних условиях, физических, физиологических, климатических и других, какие были тысячи лет тому назад... Но тогда почему же нельзя найти других животных, высших современников этих раковин, и, как эти последние, происходящих от особей, из века в век повторяющих старые формы?

Другие ученые молчали. На лицах одних выражалось сомнение, тогда как другие, видимо, были согласны с говорившим.

Но доктор Шифт еще не кончил:

– Я утверждаю, – с жаром продолжал он, – так как благоприятные условия позволили раковинам и растениям четвертичной эпохи размножаться до сего дня, то нет ничего невозможного, чтоб мы нашли если не все виды животных и растений этой эпохи, то по крайней мере те из них, какие существовали в этой стране в те геологические века жизни земли. Вот что я утверждаю.

Глава II

МУЗЕЙ

С этими словами господин Карл Шифт поднял голову и поочередно поглядел на своих коллег, как бы приглашая их опровергнуть его утверждение.

Бельгийский ученый отнесся к ним с большим скептицизмом, но француз и англичанин поддерживали высказанное утверждение.

Чтобы положить конец спору, который мог разгореться, господин Райнар предложил:

– Не желаете ли вы посмотреть маленький палеонтологический музей, который мне удалось собрать в одной из комнат дома?

Коллеги поднялись с трогательным единодушием. Десерт был уже давно окончен, и им нечего было делать в столовой.

Они последовали за хозяином в зал, обращенный в музей.

– К сожалению, мне удалось классифицировать только немногие предметы из коллекций, – говорил Райнар, слегка конфузясь, – у меня нет необходимых знаний. Я ограничиваюсь тем, что на каждой находке обозначено время и приблизительное место ее нахождения. Вы без труда установите происхождение этих костей и других ископаемых.

На пороге комнаты Поль Райнар посторонился и пропустил вперед своих знаменитых посетителей.

Вошли два боя и поставили лампы; зал осветился и можно было начать осмотр собранных вещей.

Полки, сделанные из драгоценного дерева, каким богат тропический лес, были заботливо вытерты. Множество разного рода остатков животного и растительного мира было на них разложено.

В маленьких витринах размещены были скелеты рыб, ветви растений, мелкие кости.

В середине комнаты стоял аквариум, в котором жили растения и раковины.

Ученые начали рассматривать коллекции. Сначала они молчаливо склонялись над полками, как бы желая сосредоточить свое внимание, осторожно касались рукой обломков костей, внимательно их рассматривали, некоторые брали в руки...

Первым нарушил молчание Шифт.

– Ни малейшего сомнения! В моих руках позвонок носорога... предка современного носорога...

– Вот еще интересная вещь. Возможно, что это зуб гиппопотама-амфибии, который жил в плиоценовую эпоху, – тоном радостного удивления проговорил Жан Норе.

Немецкий ученый бросил позвонок и побежал рассматривать зуб. В большом волнении он протирал свои очки, со всех сторон рассматривал зуб, вертел его в своих пальцах, пожелтевших от табаку, и, наконец, восторженно сказал:

– Вы правы, дорогой друг. Это один из больших внутренних зубов, принадлежавших гиппопотаму-амфибии... Смотрите, вы видите внешнюю гладкую сторону со скошенными краями? Это необычайно... Живой след плиоценовой эпохи...

Но в эту минуту из противоположного угла зала раздался голос мистера Беккета:

– Это невозможно. Ведь это... это череп первобытного человека.

Господин Шифт привскочил с такой живостью, какой трудно было ждать от него. Он возвратил зуб Жану Норе, бросился к Беккету и чуть не вырвал у него кость, которую тот держал.

Теперь ученый немец задыхался, капли пота выступили на его плешивых висках...

Все приблизились к нему и, наклонившись, пытались разглядеть обнаруженный череп... С смутным чувством смотрел Поль Райнар на четырех ученых. В их энтузиазме не бы-

ло ничего ни смешного, ни ребяческого, ни неуместного. Он сам бы хотел разделить с ними их настроение, но, к сожалению, он не знал палеонтологии, а она открывает источник радости только своим избранникам.

Наконец заговорил доктор Шифт:

– Да... да, это череп антропитека. Да, мои друзья. Как хорошо, что мы пришли сюда. Все описания тут сходятся. Единственно, что смущает меня, это величина этой кости...

– Да, – улыбнулся Норе, – обладатель этого черепа был колоссального роста.

– Еще выше и коренастее гориллы, – добавил Беккет.

Мессен молча созерцал череп. Лоб ученого прорезался глубокой морщиной, его обычное веселое и ироническое выражение исчезло, и теперь он имел вид ученого, поглощенного мыслью.

Доктор Шифт говорил без умолку. Веселый, возбужденный, он обращался с своими коллегами, как с закадычными друзьями, хотя до настоящего времени, несмотря на совместное путешествие, ученые проявляли друг к другу лишь сдержанную любезность. Вдруг Мессен подошел к группе и обратился с вопросом:

– Заметили ли вы, как этот череп... нов, если можно так выразиться? Вы видите, кость гладкая, нет следов порчи, а его цвет... он почти белый.

– Да, это верно, – проговорил кто-то.

Мессен добавил:

– Все старые кости обычно бывают цвета желтой меди; на них попадают пятна плесени, царапины, дыры; кость часто бывает прозрачна, а во внутренние отверстия забивается земля, или они по крайней мере сероваты и тусклы... тут ничего этого нет...

– Можно подумать, что он только вчера был отделен от тела, лишеного жизни всего несколько лет тому назад, – сказал Норе.

– Быть может, – в виде предположения высказал Беккет, – это зависит от болотной воды. По своим химическим свойствам некоторые воды способствуют сохранению трупов.

– Возможно, – пробормотал Мессен.

– Во всяком случае, – ликовал Шифт, – это лучшая вещь в вашем музее, господин Райнар. Где вы нашли этот череп?

Администратор взял карточную папку и прочел:

«26 декабря 1920 года, на западном берегу болота, за устьем реки Бенговы».

Ученые подошли к аквариуму, где жили растения и раковины. Но ими ученые были менее заинтересованы, тем не менее, они долго обсуждали живые следы минувшего и охотно их классифицировали.

Действительно, эти маленькие животные под своей известковой защитой казались безжизненными, они, прицепившись к корням растений, были неподвижны. Представители последней ступени живых существ – они были в полном расцвете своего растительного существования и, как заблудившиеся, жили в эпохе, о которой давно забыли.

Карл Шифт не преминул воскликнуть тоном пророка:

– Вы увидите... вы увидите. Наше обследование готовит чудесные сюрпризы... Я предчувствую это, господа.

Теперь его коллеги были в другом настроении, и даже Леопольд Мессен ничего не возражал.

В своем увлечении они забыли о времени и долго еще обменивались своими предположениями.

– Однако, господа, – сказал, улыбаясь, Мессен, – завтра мы хотели пуститься в путь очень рано. В таком случае мы сделаем хорошо, если пойдем на отдых; уже очень поздно.

Норе посмотрел на часы:

– Черт возьми, половина первого. Мы ведем себя, как дети. Спать, господа.

Раздался смех. Настроение было веселое. Оживленно разговаривая, они вышли из музея и разошлись по приготовленным им комнатам.

Глава III

ОТЪЕЗД

На другой день, к пяти часам утра, экспедиция была готова к отъезду.

Солнце еще не взошло. Было свежо и сыро.

Неприятно было ученым проснуться в туманные, грязные, печальные сумерки, пропитанные сыростью.

Но они немедленно были поглощены мелочными заботами. Приходилось торопить негров, наблюдать за погрузкой многочисленных ящиков на лодки, спущенные на воду около здания поста. Лодки эти были построены специально для плавания по водам болота. У них было плоское дно и высокий борт, спереди и сзади были устроены крытые помещения, в которых можно было хранить припасы, спать или скрываться от проливных дождей, очень частых в этих широтах.

Было четыре таких судна. На них был размещен личный багаж каждого из членов экспедиции, съестные припасы, оружие, научные инструменты, фотографические аппараты и многое другое.

Каждой лодкой управляли два негра.

Все было готово.

Несмотря на прохладу, доктор Шифт неистово вытирал свой влажный лоб. Он был занят все время, бегал от одного к другому, давал по десять раз одни и те же советы, проверял надписи на ящиках.

Поль Райнар решил сопровождать своих гостей до болота.

Все заняли свои места, и негры двинули вперед тяжело нагруженные лодки.

Негры – мужчины, женщины, дети – толпились на берегу и со страхом смотрели на этот странный караван.

Направились к югу, шли осторожно вдоль откоса, по известному пути, не представлявшему опасности.

Вскоре можно было видеть выступающую со дна озера густую растительность, корни, стволы деревьев, а в другом месте ила было так много, что лодки могли завязнуть.

Вперед двигались медленно. Вскоре с правой стороны миновали что-то вроде залива, который терялся в болоте. Но экспедиция направлялась по другому пути. Действительно, позади залива снова показался берег. На этот раз он был покрыт густым лесом. В это время показалось солнце. Впечатление было необычайно, хотя и не продолжительно; в то время, как ночной туман исчезал, все более и более согреваясь в воздухе, туманная дымка все еще висела на высоких ветвях громадных деревьев.

Лучи восходящего солнца окрашивали черную воду озера и бросали голубоватые отблески в густую тень лесной заросли.

Повсюду вдруг возрождалась жизнь.

Показались громадные крокодилы; они выставили свои продолговатые чешуйчатые головы из воды и своими невыразительными серо-зелеными глазами смотрели на лодки. Недалеко от берега стадо гиппопотамов фыркало и ворчало от удовольствия, несколько не смущаясь близким присутствием людей.

Из лесу вдруг вышли два единорога, направляясь к озеру. При виде лодок они с ужасом повернули обратно и скрылись во мраке деревьев. В траве, в кустах, в темной густой листве пробуждались от сна всевозможные виды животных. Они отряхивали от себя капли воды и выпускали крики, как бы приветствуя свет.

А из лесу продолжали показываться звери.

— Забавная страна. Посмотрите только, как жизнь повсюду бьет ключом. Что-то сильное, чувственное, волнующее.

— Смешанные ароматы под жгучими лучами солнца — это удивительно экзотично, профессор, — улыбаясь, сказал Райнар, — можно различить запах мускуса, плодов, жженой травы, резкий аромат цветов и листвы, затхлость гниения

лесных зарослей, зловредные испарения болота, отвратительный запах ила, все запахи животные и растительные, прогретые, сильно действующие...

– Да, – сказал серьезно Мессен, – обилие ароматов понятно. В этой пышной природе есть что-то странное, жестокое, слепое, чего не встретишь ни в каком другом месте.

– Я люблю это, – объявил флегматично Беккет. – Мне кажется, что я купаюсь в живой воде. Поистине, воздух этой страны обворожителен, даже сладострастен. Это напоминает опьянение... Не правда ли, дорогой Шифт, как будто бы все пьяно?

– Может быть... но это вредно для здоровья, дорогой мистер Беккет. Надо остерегаться этих гнилых миазмов.

Восклицание Жана Норе изменило направление разговора.

В густой листве одного громадного дерева, ветви которого свешивались над водой, кувыркалась и гоготала стая обезьян. Тут были обезьяны разных родов и величин. И все беспорядочно двигались в густой листве: подвешивались на хвосте, бегали вдоль веток, карабкались по стволу и снова спускались к озеру, – и все это с неподражаемым проворством и удивительной гибкостью. Их крики вспугивали множество птиц в пестром и блестящем оперении. Ученые, заинтересованные, любовались этими животными, которых раньше видали только в клетках зоологического сада.

– И в самом деле, – сказал Мессен, улыбаясь, – глядя на эти оригиналы, начинаешь верить, что человек произошел от обезьяны. Вы видите эту большую макаку, сидящую на камне с серьезным и задумчивым видом? Разве она не похожа на негра, который работает веслами на второй лодке?

Поль Райнар рассмеялся:

– В тропических лесах живут черные племена, очень похожие на обезьян по своим свойствам... а также и порокам.

В это время негры закричали:

– Батваба! Батваба!

– А, вот мы и прибыли к тому месту, где река Батваба впадает в озеро. Скоро мы увидим болото, господа.

Ученые жадно всматривались в лес. Показался новый залив, лодки повернули в него, и гребцам пришлось бороться с довольно сильным течением.

Теперь по обоим берегам росли громадные деревья: начиналась область тропического леса. А впереди необозримо расстиралась ровная поверхность, чистая, серо-зеленая, блестящая; солнце зажигало на ней необыкновенные красноватые отблески. Лодка подвигалась между берегами, которые суживались. Озеро кончилось. Начиналась река, лодки вошли в знаменитое болото.

В лодке администратора было тихо, его гости не без волнения созерцали картину, которая была перед ними.

Вскоре можно было ясно различить, что озеро сменялось болотом. Лес отошел в сторону.

Вдруг исчезла земля... деревья. Направо и налево открылось обширное пространство – ровное, одноцветное, с легкой зыбью.

Да, это уже было болото. Ученые, стоя, прислушивались к торжественной, волнующей тишине. Теперь они достигли цели своей экспедиции и готовы были переступить таинственный порог. Прежде всего они хотели наглядеться на необычайное зрелище, их окружающее.

Это болото совсем не походило на те, какие они могли видеть в своих странах.

Здесь не было той ровной голубизны, усеянной там и сям златохворостом, белыми лилиями, желтыми кувшинками, не было песчаных островков, прозрачностей, где бы видно было дно; нет, – это скорей было море ила.

И сквозь ил протекала теперь Батваба, желтоватая и быстрая, – свободный проток в этом море. А по обеим сторонам реки видно было болото – угрюмое, подозрительное, тревожное.

– Это любопытно, – проговорил Жан Норе, – положительно, можно думать, что в одних водах погребен целый лес... верхушки торчат; здесь вся растительность тропических стран... Я уверен, что громадные деревья пускают ростки в этом иле...

– Быть может, вы и правы, господин профессор, – ответил молодой администратор, – возможно, что лес, покрывавший холмистую местность, был поглощен водами, нахлынувшими из озера и прилегающих рек?

– Это конечно. Но посмотрите на эти лианы. Да, теперь я начинаю понимать, почему плавание по этому болоту не может быть удобным. К счастью, наши лодки специально для него приспособлены...

– И тем не менее это причинит вам немало вреда, и вы не можете рассчитывать на быстрое передвижение, – заметил Поль Райнар.

– Ба! – беззаботно воскликнул Леопольд Мессен. – Все время наше. Мы запаслись провизией на много недель...

– Да, – проворчал Шифт, делая гримасу, – но питаться только одними консервами, сухарями, сгущенным молоком, консервированным мясом, – я боюсь, что наши желудки заставят за пребывание на болоте дорого заплатить.

– Но, дорогой коллега, – насмешливо заметил Жан Норе, – наука требует жертв...

Что касается Эдварда Беккета, он оставался бесстрастным, спокойно созерцая окружающую его картину.

Илистые воды, полные растительности, извергали крокодилов, и каждую минуту можно было видеть, что длинные морды с зубами острыми, как у пилы, высывались из воды и тупо двигались справа налево, как бы втягивая в себя воздух,

– Противные животные, – сквозь зубы ворчал Шифт.

– Они все время будут вашими спутниками, – сказал Поль Райнар. – Но им и в голову не придет нападать на вас... Только я не советую вам купаться в болоте; тогда они не замедлят раздробить вам ногу.

– Хотелось бы мне в них выстрелить, – промолвил Жан Норе.

– Лучше берегите порох на дичь более съедобную, – посоветовал Райнар. – Мясо гиппопотама или носорога внесет разнообразие в ваш стол и заменит консервы.

Между тем лодка Райнара все с большим трудом подвигалась вперед; она не была достаточно приспособлена и сидела слишком глубоко.

Один из негров, который работал на веслах, счел необходимым предупредить своего начальника, что плыть дальше почти невозможно, лодка может увязнуть.

– В таком случае, господа, – заявил Поль Райнар, – мне надо проститься с вами здесь. Мне бы очень хотелось проводить вас еще дальше, но вы слышали, что говорит мне бой...

Все запротестовали и предложили администратору вернуться.

– Счастливого пути, господа, – пожелал Поль Райнар, – и обильного сбора всех родов и видов.

– Благодарю вас, любезный друг, – ответил Жан Норе, – все пройдет хорошо. Я в этом уверен. Кроме того, ведь решено – не правда ли? – мы будем извещать вас о нашей экспедиции...

– Да, – сказал Мессен, – почти каждую неделю один из негров будет возвращаться на пост, чтобы осведомлять вас о наших новостях, привозить добычу, если таковая будет, – и брать вещи, которые, быть может, нам понадобятся.

– Таким образом, – спросил администратор – негр, которого вы ко мне пришлете, немедленно должен будет вернуться к вам?

– Нет, – сказал Беккет, – он не должен возвращаться один, он подождет второго курьера и поедет с ним вместе. Не правда ли, господа? Это будет благоразумнее, мне кажется?

Эту мысль одобрили все.

Обменялись прощальными приветствиями... Поль Райнар крепко пожал руки ученым, и они, покинув лодку, заняли места на одном из своих судов.

Администратор остался один с своими неграми.

– До свиданья! – кричал он на прощанье.

Ему ответили приветствиями, и, медленно сдвинутые с места гребцами, плоскодонные барки тронулись вперед, все более и более удаляясь от лодки.

Неподвижный, выпрямившийся Райнар смотрел, как четыре судна удалялись в болото.

Его сердце невольно сжалось.

Странное предчувствие волновало его...

«Увижу ли я этих людей?» – почти бессознательно сказал он сам себе.

Он был охвачен настроением смутным, тяжелым, тревожным и, стоя в лодке, не спускал глаз с судов, которые с минуты на минуту становились менее явственными.

Один из негров проворчал, качая головой:

– Начальник, белые господа не будут хорошо.

Администратор вздрогнул.

– Замолчи, дурак, – приказал он.

Лодки ученых исследователей исчезли, скрытые растительностью болота.

Тогда Поль Райнар с озабоченным видом опустил на сиденье и приказал:

– В дорогу, вернемся на пост.

Глава IV

КУРЬЕРЫ

Дни проходили за днями. На посту молодой администратор испытывал необычайное нервное возбуждение. Его рассудок, вопреки ему самому, был поглощен, преследуем навязчивой мыслью. Ему бы хотелось уже знать новости об экспедиции, он должен был сдерживать свое волнение.

Из своих окон Поль Райнар смотрел теперь на озеро гораздо чаще прежнего. До сих пор он смотрел на это обширное серо-зеленое пространство почти безучастно, неопределенно... до сих пор оно ничего не говорило ему.

А теперь бесконечное пространство постоянно притягивало к себе его взоры, он вспоминал четырех палеонтологов и думал о том, что они делают, где они, удалось ли им сделать какие-нибудь интересные открытия, не столкнулись ли они с непредвиденными опасностями?

Ему хотелось быть с ними... Эта смелая экспедиция в неизведанную страну имела в его глазах несказанную прелесть.

И все чаще молодой чиновник заходил в свой музей, долго останавливался перед костями, органическими остатками всех родов, которые он накапливал методически, но без той лихорадочной страсти, которая стала мучить его со времени посещения четырех ученых.

* * *

Как-то утром появился один из боев, с широчайшей улыбкой, с сияющими от радости глазами, с бесконечными, весьма оживленными жестами.

– Начальник... начальник... Бана-Бере... Бана-Бере прийти... скоро тебе идти видеть Бана-Бере...

– Что ты мне там рассказываешь? – сказал Поль Райнар с некоторым раздражением. – Кто это Бана-Бере?

На лице боя одновременно отразились и удивление, и огорчение, и, пожалуй, даже негодование.

– О, тебе знать Бана-Бере, начальник... Ему уехал с четьрьмя белыми господами в болота...

– А, один из негров экспедиции.

Ему вдруг вспомнился этот Бана-Бере, его он сам рекомендовал ученым, так же, как и всех остальных негров, которые с ними уехали.

С внезапной поспешностью он взял свой шлем и вышел из дому, а бой, болтливый и услужливый, семенил возле.

Негры бежали к озеру, и Райнар также направился туда, быстро шагая и желая разглядеть, что происходило впереди – на берегу.

Когда он туда пришел, он заметил человека высокого роста, которого все окружили, осаждали с выражениями сочувствия и удовольствия.

Райнар узнал Бана-Бере.

Неповоротливый, с важным видом, сознающий свое превосходство, Бана-Бере расталкивал своих соплеменников, но, как только заметил начальника, немедленно поспешил к нему.

Его смеющаяся и важная физиономия выражала почтение, между тем его большой рот раскрылся в широкую улыбку, показавшую зубы ослепительной белизны.

– Здравствуй, господин начальник... Бана-Бере пришел... Бана-Бере принес письмо для начальника...

– А, давай скорее, – сказал Райнар, протягивая руку.

Черный начал перебирать свои одежды со всех сторон, возвращаясь по десяти раз на то место, которое уже было осмотрено.

Он искал с убийственной медлительностью, его лоб омрачался все более и более по мере того, как он не находил знаменитого послания, подателем которого должен был быть.

– Ну, что же... Где письмо?

– Вот, господин начальник... Бана-Бере ищет.

Наконец, уже после того, как он старательно обыскал все части своего костюма, довольно элементарного, ему пришла в голову мысль приподнять свою соломенную шляпу, и письмо упало на землю.

– А, Бана-Бере нашел письмо.

Десять рук овладели бумагой, но негр вырвал письмо и важно подал Райнару, который нервно разорвал конверт. Показался большой лист, молодой человек его развернул, и можно было видеть полстраницы, исписанной мелким и убористым почерком.

Райнар посмотрел на подпись и прочел: «доктор Леопольд Мессен».

Писал ему его соотечественник. Это было приятно бельгийцу.

И он жадно принялся за чтение послания.

«Дорогой господин Райнар. Мы отправляем Бана-Бере с нашими первыми находками. Есть между ними вещи в высокой степени интересные. Было бы скучно их перечислять, да и этот перечень ничего бы вам не сказал... Но наш знаменитый коллега Шифт был вполне прав. Мы находимся среди четвертичной формации эпохи плейстоцена... быть может, даже плиоцена...

Все же было бы еще слишком смело подводить итоги этой чудесной удачи. Болото засорено растительностью, которая сгущается по мере того, как продвигаешься к его центру.

К счастью, наши суда приспособлены к плаванию по воде, усеянной препятствиями.

Можно думать, что мы в самом деле находимся над девственным лесом, поглощенным каким-то потоком. Действительность превзошла все наши ожидания, предположения, и мы начинаем думать, что путешествие будет гораздо труднее и продолжительней, чем казалось раньше. Несмотря на это, мы чувствуем себя прекрасно, и наши надежды непоколебимы. Мои спутники поручают мне напомнить вам о них и еще раз выразить всю их благодарность за ваш ласковый прием и добрую помощь...

Я пользуюсь случаем, чтоб...» и т.д.

Письмо Мессена несколько разочаровало Райнара; он ждал, что ученые в мельчайших подробностях опишут эпизоды их экспедиции, картины природы; наконец, сообщат ему некоторые более увлекательные подробности.

Он решил расспросить негра.

– Бана-Бере, – позвал он.

Бана-Бере был занят уже выгрузкой с лодки довольно объемистых ящиков. В них помещались находки, добытые экспедицией и, по выражению лица Бана-Бере, внушительному и озабоченному, можно было понять, что ученые должны были дать ему немало наставлений по поводу этих драгоценных ящиков.

По приказанию Райнара слуги взяли тюки и перенесли их в здание поста. В помещении музея администратор велел открыть ящики, и в них он увидел старательно размещенные кости и различные обломки, собранные палеонтологами.

Молодой человек пожалел, что у него нет знаний достаточно серьезных, чтобы понять ценность всех этих вещей.

– Я не более, как профан, – сам себе говорил он, – и поэтому, конечно, господин Мессен прислал мне такое банальное письмо.

Тем не менее, убрав как следует ящики, он отправился на веранду и велел Бана-Бере следовать за ним.

Поместившись в качалке, он принялся расспрашивать негра.

Рассказ курьера сводился, в общем, к следующему.

Он оставил экспедицию шесть дней тому назад. Каждую минуту кому-нибудь из ученых нужно было обследовать дно болота. Самым ревностным был Шифт. Если б его слушать, то нужно было бы исследовать каждый квадратный метр ила.

Таким образом, переезд очень затянулся. Тем не менее, по словам Бана-Бере, экспедиция проделала от четырех до пяти миль.

Это было, конечно, очень мало для десяти дней. Лицо Поля Райнара выразило неодобрение.

– Если они так будут продолжать, – думал он, – то им не хватит и года, чтобы достигнуть другого берега болота. Хорошо, если их первый пыл остынет, и они скоро поймут, что им лучше делать, вместо того, чтобы останавливаться каждую минуту.

Но, в общем, молодой чиновник успокоился.

Недостаточно сведущий в палеонтологии, он сомневался, чтоб безумные до известной степени чаяния Шифта оправдались. Он думал, что едва ли удастся ученым найти что-нибудь такое, чего не находили раньше. Быть может, они и найдут три или четыре обломка... растения или раковины, какие не доходили сюда, но это и все. К своим предположениям Райнар добавил:

– Во всяком случае, экспедиция выполнит полезное дело, совершенно отличное от того, какое хочет. Она покажет, что болото проходимо и может быть исследовано. Без сомнения, по их следам другие предпримут это путешествие, но с единственной целью занести на карту болото, измерить его, изучить его особенности и установить, не сможет ли оно быть использовано.

С этих пор прошло то беспокойство, которое он испытывал с отъезда экспедиции. И незаметно восстановился обычный порядок его занятий, нарушенный приездом четырех ученых. Он даже уезжал на шесть дней инспектировать некоторые деревни своего участка.

По возвращении он спросил, не был ли новый курьер прислан учеными?

И Райнар не испытал теперь ни малейшего беспокойства, узнав, что никто не приезжал.

– Очевидно, – думал он, – суда находятся на расстоянии по крайней мере пятнадцати миль. Если предположить, что они подвигаются с прежней скоростью, их посланный не будет здесь раньше будущей недели.

* * *

Прошло около восемнадцати дней после приезда Банабере, когда на пост Инонго прибыл второй курьер.

Как и его предшественник, негр доставил ящики с предметами, найденными в болоте, и письмо, на этот раз от Жана Норе.

Француз очень любезно сообщал Райнару подробности о своих спутниках и их работах. Письмо было полно воодушевления. Экспедиция постепенно достигла такого пункта болота, где пейзаж совершенно изменился.

«Представьте себе, дорогой господин Райнар, – писал Норе, – мы видели, как менялась постепенно растительность, открывались новые виды, число которых увеличилось, тогда как прежние незаметно исчезали. И вот уже в течение четырех дней вокруг нас ошеломляющий ландшафт... в буквальном смысле слова. Громадные базальтовые скалы воздвигаются среди меловой формации. Следовательно, мы находимся в окружении миоцена. Я сожалею, что мало внимания уделял минералогии и геологии. Но наш осведомленный коллега, сэр Эдвард Беккет, утверждает, что эти формации не подвергались новым переворотам в течение веков. Это было бы удивительно, конечно. Но в природе все возможно. Во всяком случае, эти исключительные обстоятельства укрепляют наши надежды, особенно надежды господина Шифта, который буквально ликует. В этих местах мы собрали неопределимые остатки, и большая часть их совершенно отлична от тех, какие мы видели до сих пор. Только из-за этих скал, возникших среди воды, мы принуждены будем еще более задержаться на нашем пути. Нам нужно обогнуть это препятствие. Однако часто бывает, что уровень воды стоит очень низко. Обнажается земля, покрытая деревьями и растениями, которые возбуждают наше любопытство...

Мы открыли многочисленные образчики четвертичной флоры, начала плейстоцена. Не правда ли, как все необычайно? Вы порадуетесь за нас, я в этом уверен, а я, признаюсь, испытываю большую тревогу, продвигаясь в это таинственное болото...»

В тоне письма просвечивала какая-то сдержанность, колебание.

Получалось впечатление, что Жан Норе не давал воли своей радости, своим сокровенным мыслям...

– Ну что же, – проворчал администратор, – я вижу, что безумие господина Шифта охватило и его компаньонов. В сущности, это небольшая беда. Несомненно, что отрезвление наступит, и все они своевременно выздоровеют.

И Поль Райнар с иронической улыбкой пошел наблюдать за разгрузкой новых ящиков и расстановкой присланных учеными коллекций.

Глава V

МОЛЧАНИЕ

Бана-Бере уже уехал, чтоб присоединиться к экспедиции и передать необходимые вещи и провизию.

Второй курьер дожидался нового посланца, чтоб ему отправиться в путь.

А между тем прошло пятнадцать дней и никто не являлся. Райнар думал:

– Еще несколько дней, и я получу известия. Вот уже больше месяца, как ученые оставили Инонго. Они должны быть уже далеко. Быть может, они достигли противоположного берега болота?

Затем, поразмыслив, он возразил себе:

– Нет... это невозможно. Самое большее, если они достигли центра болота... Так продвигаясь, как они, и с теми трудностями, какие выпадают на их долю, они не могли, конечно, перейти все это обширное пространство, да притом, изучая его всесторонне... Я думаю, что не скоро увижу их вновь.

Прошла еще неделя. Известий не было.

Молодой человек стал чаще думать о путешественниках.

И еще одна неделя прошла, не нарушив молчания.

Тогда Райнара охватило беспокойство; оно росло по мере того, как дни проходили и посланный не являлся.

Теперь беспокойство администратора не знало пределов.

– Быть может, случилось какое-нибудь несчастье? Кто-нибудь заболел? Или негр сбился с дороги на обратном пути?

Прошло целых два месяца. Со времени получения письма от Жана Норе Райнар не знал ничего о судьбе экспедиции.

Нельзя было сомневаться, что произошло что-то очень серьезное.

Иногда Райнару приходила в голову мысль, что он немедленно должен организовать экспедицию, которая отправится на розыски ученых.

Но это было и трудным и опасным делом. Пост в Инонго не имел судов, подобных тем, какие были у исследователей, а без них нельзя было пускаться в такое путешествие.

К тому же, администратор не имел права оставить свой участок и ринуться на поиски, которые могли быть очень продолжительны.

Прошло три с половиной месяца, как уехало четверо палеонтологов, и они до сих пор не вернулись. Да и вернутся ли когда-либо?

Поль Райнар начал в этом сомневаться. Он окончательно уверился, что произошло какое-то несчастье, и он не знал, что ему следует предпринять. А время шло. Молчание ученых тяготило Райнара, тревога его росла, но не было возможности выйти из создавшегося положения.

* * *

Как-то вечером, когда администратор собирался сесть за обед, один из боев донес ему о приходе белого. Действительно, в конце галереи показался молодой человек, одетый по-европейски, и быстрыми шагами направился к Полю Райнару.

— Извините, что я являюсь так поздно, господин администратор, но я только что приехал в Инонго и мне хотелось, несмотря на все, приветствовать вас сегодня же вечером... Я — исследователь Леон Беран, ваш соотечественник.

Райнар протянул руку молодому бельгийцу.

— Я очень рад познакомиться с вами, господин Беран, и я благодарен вам, что вы сразу же пришли ко мне. Это не только не беспокоит меня, но доставляет мне большое удовольствие. Мы сядем вместе обедать и одновременно поболтаем.

Леон Беран сначала отказывался, но дал себя быстро уговорить.

Через две минуты молодые люди сидели за столом и дружески разговаривали.

– Не могу ли я чем-нибудь быть вам полезен, господин Беран? – любезно спросил Райнар.

– Благодарю за ваше милое предложение. Возможно, что вы действительно сможете мне кое в чем помочь. Хотя я и исследователь, но в настоящий момент я объезжаю эту страну лишь в качестве туриста, для своего удовольствия, и чтоб отдаться моей главной страсти – охоте.

– В таком случае, – сказал смеясь Райнар, – я могу предоставить вам всю крупную дичь, какую только вы захотите. Я, конечно, составлю вам компанию, так как и я ведь тоже «великий ловец перед Господом».

Завязался оживленный разговор.

Молодые люди рассказывали о своих охотничьих удачах, а от этого, как известно, захватывает дух у всякого истинного охотника.

Администратор, наблюдая своего гостя, почувствовал к нему живую симпатию, как к соотечественнику, внезапно появившемуся на фоне тихой и однообразной жизни.

Берану было двадцать восемь лет. Он был высок, хорошо сложен, строен и крепок. Его белокурая шевелюра обрамляла веселую физиономию с здоровым цветом лица. Открытый взгляд его голубых глаз, немного насмешливых, блистал живым огнем, в них отражался ум, отвага и вместе с тем какая-то нежность.

Легко было догадаться, что человек этот обладал хладнокровием и беззаветной смелостью. Просто, тоном дружеской откровенности, рассказал он о себе, о своем прошлом. Сирота с детства, богатый, свободный, он тосковал по озаренным солнцем странам, покинул Бельгию и объехал кругом света.

Особенно привлекали его жаркие страны.

Это действительно был исследователь, а не любитель, так как ему были знакомы и усталость, и опасности, и риск этой опасной профессии. Он проехал через Судан и там выдержал нападение грабителей пустыни. Он поднялся

вверх по Замбези, сто раз рисковал погибнуть в страшных стремнинах, переплывая их в утлой лодке.

Конго он уже знал, но возвращался сюда из-за любви к опасной охоте на слонов и носорогов.

Райнар слушал его внимательно.

Он не сомневался, что перед ним натура горячая, увлекающаяся, упорная и способная на самый отчаянный поступок.

И вдруг он вспомнил ученых. Они также со своего рода героической бессознательностью оказались перед лицом неведомой опасности.

Райнар не мог не рассказать о них исследователю, и тот сейчас же живо заинтересовался.

– Каково, – воскликнул он, – эти иностранцы в свои годы, уже немолодые, рискнули предпринять подобное путешествие?

Администратор улыбнулся.

– Надо заметить, – ответил он, – что их вдохновляет любовь к науке; палеонтология – их конек. Вот что двинуло их в путь и вместе с тем затушевало для них все трудности экспедиции и возможные опасности. А в результате, сомнительные перспективы.

– Ну что ж, – проговорил Беран, – прекрасно, что ученые отважились на это... И вы говорите, дорогой господин Райнар, что не имеете от них никаких сведений около двух месяцев?

– Ровно девять недель.

– Черт возьми, – промолвил Беран, – это вызывает опасения.

– Я очень озабочен, – признался Райнар. – Я не знаю, что и думать. Во всяком случае, я хочу подать рапорт своему начальству, чтоб оно приняло меры к розыску ученых. Но не прежде, как все будет подготовлено.

Администратор махнул рукой:

– Пройдет немало недель до тех пор, а за это время ученые сложат свои кости рядом с животными давно минувших времен.

Молодой исследователь, казалось, разделял опасения Райнара. Резкая морщина обозначилась на его широком, чистом лбу.

Вдруг он спросил:

– Посмотрим; вы говорите, что на посту есть негр, который был к вам отправлен с последними известиями, какие вы получили?

– Да. Негр этот, Мадемба, прибыл сюда почти два месяца тому назад. Он ожидает прибытия нового курьера, которого все еще нет, чтоб ехать снова.

– Хорошо, – сказал Беран. – И этот негр прибыл на этот пост в лодке, приспособленный для плавания по болоту?

– Совершенно верно. Это судно устроено было для экспедиции.

– Прекрасно, в таком случае, – неожиданно воскликнул Беран.

Восклицание гостя было так радостно, что Райнар вздрогнул, не понимая, почему обстоятельство, скорее прискорбное, могло так развеселить гостя.

Но молодой исследователь, уже несколько возбужденно, объяснил:

– Господин Райнар, я вас прошу, не извещайте начальство о своих опасениях по поводу экспедиции. Или, если вы непременно должны подать рапорт, задержите его только на два дня, вот о чем я вас прошу...

Администратор в недоумении проговорил, запинаясь:

– Но... но я не вижу... почему?..

– Подождите, – проговорил Беран тем же возбужденным тоном.

– То, что вы мне говорите, уже задело мое любопытство в сильнейшей степени. Да, меня, как исследователя, влечет к себе это болото, через которое еще никто никогда не проходил. К тому же, это странное молчание ученых вызывает к моим человеческим чувствам. Оно толкает меня идти на поиски этой несчастной экспедиции...

– Как? – с изумлением проговорил Райнар. – Вы хотите...

– Ехать, в свою очередь, чтоб проникнуть в тайну этих загадочных болот, – подхватил Беран. – Да, мой дорогой Райнар, вот почему я прошу вашего содействия.

– Но это – безумие, – воскликнул администратор.

– Почему же?

– Подумайте, господин Беран. Четверо ученых, уже пожилые, осторожные люди, снабженные инструментами, провизией, в специально приготовленных лодках, в сопровождении полудюжины негров, уехали и не вернулись.

– Ну что ж, – спокойно заявил Беран, – я также поеду... и приведу вам их обратно. Выслушайте меня, я вас прошу. Я хочу убедить вас двумя словами.

И так как Райнар растерянно молчал, молодой исследователь продолжал:

– Этот негр, Мадемба, знает направление, взятое судами. Это во-первых. Он отправится со мной и будет моим проводником. Во-вторых, есть лодка, прекрасно приспособленная для плавания по болотам, и в этом отношении она уже испытана... Я воспользуюсь этой баркой, черт возьми! А так как я опытен в экспедициях подобного рода, в достаточной степени самоуверен и оптимистичен, то я убежден в успехе... Да, да, дорогой Райнар, будьте уверены. Я отыщу членов экспедиции.

– Или исчезнете так же, как и они, – живо воскликнул Райнар, – нет, поистине, я не могу согласиться на безумие подобного рода.

Видно было, что молодой Беран серьезно задет за живое.

– Как, – сказал он с горячностью, – вы думаете, что можете мне помешать попытать счастья в этом предприятии? Вы не сможете этого сделать, господин Райнар.

Администратор, сам взволнованный, не говорил ни слова.

Беран настаивал, подбирал сотни резонов наиболее убедительных.

– Вы должны признать, – утверждал он, – что в моей практике были случаи, более опасные, чем теперь. Ведь я уже не ребенок. В данном положении есть серьезное преимущество – лодка и Мадемба. Я у вас прошу только сорок во-

семь часов, чтоб сделать нужные приготовления. Вы можете быть уверены, что я не поступлю легкомысленно. Я приму все необходимые предосторожности. К тому же со мной мой багаж, там есть оружие, обычные инструменты, походная аптека, запас нужных вещей и мое довольствие. Остается только все погрузить в лодку, и я могу отправиться в путь.

Райнар, несмотря на настояния своего гостя, не сдавался.

И долго еще, то шутя, то серьезно, убеждал его молодой исследователь.

Наконец Поль Райнар не без колебания проговорил:

– Отложим до завтра.

– Зачем так долго ждать утвердительного ответа? Подумайте, Райнар, вы сами только что сказали, что ваше начальство организует правительственную экспедицию, но это потребует много времени. А я, я послезавтра уже еду. И я уверен, что через месяц я вернусь и привезу вам известия о четырех ученых, если их не будет со мной...

Администратор грустно покачал головой.

– Вы увлекаетесь, – сказал он серьезно. – Вы не представляете себе тех опасностей, с какими сопряжена эта экспедиция. Те, кто до вас отправились туда, также не предвидели этих опасностей.

– Опасности, – с удивлением повторил Беран. – Но какие же?

– Я не знаю, – признался Райнар. – Только я смутно предвижу грозные препятствия. С ними пришлось уже столкнуться четверем ученым. Столкнетесь с ними и мы.

– Вы хотите запугать меня, – сказал он беззаботно. – Что касается меня, то я уверен в благополучном конце... Итак? Вы даете согласие?

Но Райнар все еще противился и, вставая из-за стола, объявил:

– Завтра мы возобновим наш разговор... Я должен как следует подумать. Со свежей головой. Потерпите еще несколько часов... Эта отсрочка вас не удержит, тем более, что, по вашим словам, вы готовы пуститься в дорогу...

Беран с унылым жестом поспешил ответить:

– Пусть будет так. Завтра мы увидим, каков будет ваш ответ. Но, как бы там ни было, вы не заставите меня отказаться от моего намерения, теперь оно уже запечатлено в моем мозгу. Я уеду один, без Мадембы, и на первой попавшейся лодке, если вы не разрешите мне воспользоваться баркой, принадлежащей экспедиции, и вашим негром.

Райнар, вздохнув, подумал:

– Теперь его ничто не удержит... Разве только завтра придет посланный, так давно ожидаемый. По крайней мере тогда мне нечего будет беспокоиться за экспедицию, а Леон Беран, без сомнения, откажется от своего плана.

Глава VI

БЕЗ РУЛЯ И БЕЗ ВЕТРИЛ

Утро вечера мудренее, говорят. После долгих размышлений, проснувшись на другой день, Поль Райнар пришел к решению. Приходилось согласиться на отважное предприятие, на которое решился Леон Беран... Да и как можно его удержать?

С этим настроением встретил администратор своего гостя.

– Ну что ж, дорогой господин Райнар, каков ваш ответ?

Поль улыбнулся и, хлопнув по плечу Берана, сказал дружеским тоном:

– Пусть будет так, как вы хотите. Но при одном условии...

– При каком?

– Вы должны отложить свой отъезд из Инонго на четыре или пять дней. Сейчас период самых сильных дождей. Уровень воды в болоте стоит очень высоко, так как реки, в него впадающие, несут громадное количество воды.

– Ну так что ж, – воскликнул Беран, пожимая плечами, – я уж вам говорил, что я поднялся вверх по течению Замбези?

– Хотя бы и так, но это я вам говорю не только из чувства предосторожности. Выслушайте меня: размеры болота от дождей увеличиваются, появляются особого рода течения, еще не исследованные. И эти течения часто выбрасывают на берега самые разнообразные обломки. Может быть, в эти дни нам попадутся какие-нибудь предметы, которые нас наведут на след экспедиции.

Исследователь с сомнением покачал головой.

– Нет, – проговорил он. – Если только я хорошо помню, что вы мне рассказывали про эти болота, мне кажется невозможным найти что бы то ни было, что нас может осведомить о четырех ученых. На берега могут быть выброше-

ны предметы из мест мало удаленных. А экспедиция должна была пробраться если уж не до центра, то, во всяком случае, на расстояние более чем значительное, чтоб что-нибудь могло быть выкинуто течением.

– Во всяком случае, – сказал Райнар, – лучше отложить отъезд на несколько дней. За это время вы лучше подготовитесь. На следующей неделе, почти наверное, дожди прекратятся или, по крайней мере, ослабеют. Вам легче будет плыть.

– Пусть будет так, – согласился Леон. – Я откладываю свой отъезд до начала следующей недели.

* * *

Леон Беран, не торопясь, занимался подготовкой к своей поездке.

Мадемба оказывал ему разумное содействие и преданность, так как скоро привязался к своему будущему господину. Беран долго расспрашивал негра о болоте, о направлении, по которому следовала экспедиция, о происшествиях в дороге. Ответы Мадембы для него были очень ценны, они пополняли различные указания, наиболее полезные для его цели.

Лодка, на которой должны были плыть исследователь и Мадемба, была довольно вместительна, но большой груз уменьшал ее скорость и подвижность на воде, засоренной растительностью.

– Я ехал на этой лодке с белыми господами, их было трое, и в лодке было много тяжелых ящиков. Я ею управлял, и это было очень утомительно и очень трудно. Но когда я на той же лодке возвращался на пост один, только с небольшой поклажей, лодка могла идти по болоту со скоростью, раз в двадцать большей, чем прежде.

– Прекрасно, – сказал Беран. – Мы возьмем только самое необходимое, дорогой мой Мадемба. Таким образом, за день мы будем проходить большое расстояние. И, кроме того, я не буду останавливаться и рассматривать то, что находится на дне болота, как это делали ученые; меня это

совсем не интересует. Я хочу только возможно скорее догнать ученых, если только они еще живы, или отыскать, что от них осталось, в том случае, если они погибли.

Беран решил не брать с собой ничего громоздкого, без чего он мог легко обойтись. И все-таки каждый день он снимал какой-нибудь ящик, признавая его бесполезным. В лодке в конце концов он оставил только четыре ружья и достаточное количество боевых припасов, пучки веревок и проволоки и необходимые инструменты, чтобы чинить лодку, чтоб рыть, рубить, резать и др. Он долго раздумывал, как поступить с ящиком, в котором был динамит. Но потом решил его оставить на судне. Бинокль, подозрная труба, секстанты, компас и другие ценные для всех моряков вещи, ящики с консервами и провизией, с одеждой и с бельем, и еще кое-что из вещей составили в конце концов весь багаж Берана. Таким образом, лодка, действительно, была нагружена легко.

От времени до времени Райнар приходил посмотреть, как шли приготовления, и по мере того, как приближался день отъезда, его беспокойство возрастало. К своему гостю он испытывал настоящую дружбу.

Райнар не мог без волнения относиться к тому, что молодой исследователь на авось пускался в эту таинственную экспедицию. В настоящее время администратор был убежден, что члены экспедиции погибли. Вследствие чего? Загадка. Но сомнений больше не могло быть. И Поль Райнар боялся, что те же опасности – непонятные, неведомые, ужасные – разразятся над смелой головой Берана, который решил испытать судьбу.

* * *

Четвертый день пришел. И как бы в подтверждение того, что говорил Райнар, дождь, который лил в течение нескольких дней без перерыва, перестал, и солнце быстро высушило почву, пропитанную влагой. В этих тропических странах одно время года от другого отличается количест-

вом дождя, который они с собой приносят. Нет ни зимы, ни лета, только период гроз и дождей и период суши.

Грозы бывают внезапны и ужасны, иногда очень продолжительны, но кончаются они так же внезапно, как и начинаются. Администратор уже настолько изучил климат этой страны, что с уверенностью мог за несколько дней вперед предсказать, какова будет погода.

– Bravo, – воскликнул Беран. – Вот хорошая погода... Небо за меня.

Администратор улыбнулся и проговорил:

– Я вам желаю этого от всей души. Но не слишком доверяйте этому солнцу. Сегодня вечером может разразиться ужасная гроза над Инонго.

– Я знаю, – беззаботно ответил Леон. – Но не в том дело. Самое существенное в том, чтоб я был готов. И я готов. А остающиеся два дня я могу теперь посвятить вам. Что скажете вы о небольшой охоте в окрестностях Инонго? Это поразмяло бы мои ноги и дало бы мне лишнюю тренировку.

– На охоту, так на охоту, – согласился Райнар. – Я пойду распоряжусь, и мы отправимся после завтрака.

– Благодарю. Вы самый любезный хозяин, какого я только знаю. Погода очень хороша, и мы проведем чудесный день.

Администратор позвал одного из боев и отдал ему разные распоряжения насчет загонщиков, как вдруг раздался возглас на галерее.

– Мессиз комендант. Мессиз комендант.

Молодые люди поспешили выйти на этот взволнованный и возбужденный зов.

Перед ними был негр, встревоженный, с растерянной физиономией.

– Что случилось? – спросил Райнар.

– А! Мессиз... Ты иди смотри! Лодка!..

– Как? Лодка? Где она? – произнес начальник поста, едва переводя дух.

– Там, – ответил негр, указывая рукой на край болота.

– Черт возьми, – проворчал Беран, – уж не экспедиция ли это возвращается? Или один из ее посыльных?

Поль Райнар, в сильном волнении, уже спешил к болоту, Беран его сопровождал, раздумывая, не придется ли ему отказаться от своей экспедиции.

Молодые люди, руководимые негром, быстро достигли берега.

Негр, все еще возбужденно, показывал подвижную точку на горизонте, на гладкой, серо-зеленой водной поверхности.

– Там... лодка...

Точка была так мала, что оба молодых человека с трудом ее разглядели. Как ни напрягали они свое зрение, они не могли признать в ней лодки.

– Беги в мой дом, – приказал Райнар негру, – скажи бою Самби, чтоб он тебе дал мой бинокль. Ты понимаешь?

И привычным жестом администратор разъяснил, какой предмет ему нужен.

Негр побежал и скоро вернулся, вооруженный биноклем. Поль Райнар поднес его к глазам и долго смотрел, потом передал своему спутнику со словами:

– Нет никакого сомненья. Это одна из лодок экспедиции. Но пока еще нельзя различить, кто управляет ею.

Он говорил необычным, лихорадочным голосом. Беран совершенно спокойно направлял бинокль на означенную точку, рассматривая ее с большим вниманием и, повернувшись к администратору, сказал:

– Что касается меня, то я вижу очень хорошо человека, сидящего в лодке... но вот что странно: незаметно, чтоб лодка двигалась вперед.

– Как же так? – удивился Райнар. – Вода стоит высоко, и лодка должна была бы быстро идти.

Он опять взял бинокль и, погодя немного, произнес с удивлением:

– Вы правы, мой друг, баркой никто не правит, она плывет – без руля и без ветрил, как говорят. И все-таки она приближается, я в этом уверен. Я могу разглядеть теперь человека, сидящего на дне судна; я не сразу его заметил.

В течение нескольких минут молодые люди оставались на месте, передавая друг другу бинокль и рассматривая не без волнения странное судно. Оно приближалось.

Не оставалось сомнения, что на нем никто не работал ни веслами, ни рулем. Даже человек, сидящий в лодке, казалось, мало заботился о ходе своего судна. Оно подвигалось к берегу, движимое, без сомнения, течением или водоворотом, образовавшимся от проливных дождей за последние дни.

Так прошло с полчаса.

Но мало-помалу Райнар и Беран могли отдать себе отчет в том, что делалось в лодке, и не переставали ее разглядывать.

Вдруг Беран проговорил изменившимся голосом:

– В лодке есть еще человек. Он лежит навзничь, во всю длину.

– Другой человек, – повторил в волнении Райнар. И, нервно взяв бинокль, стал всматриваться.

Глава VII

СТРАННОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

– Вы правы, – опять повторил администратор. – Их двое. Но лежащий человек не двигается. Это странно. Он кажется спящим...

– Но что еще более странно, – сказал молодой исследователь, – оба эти человека – не негры.

– Это верно, – сказал с волнением Поль Райнар. – Я ясно различаю шляпу того, кто сидит. И, любопытно, этот человек все время оживленно жестикулирует. Говорит ли он своему компаньону?..

– Может быть, – ответил Леон Беран, – тот все время остается совершенно спокоен.

Долгое время таким образом смотрели бельгийцы на таинственное судно; оно подвигалось медленно, с перерывами, по прихоти течения. Станный пассажир все время не работал веслами.

Его странная жестикуляция продолжалась, а другой оставался неподвижным на дне барки. Администратор, в большом волнении от нетерпения узнать, говорил не переставая и наконец заявил:

– Я больше не выдержу. Надо это выяснить и возможно скорее. Я хочу приказать двум неграм отправиться навстречу лодке и привести ее сюда.

– Да, если только они могут пройти такое расстояние.

– Они возьмут ту лодку, на которой вы завтра должны ехать.

– Прекрасная мысль, – сказал Беран. – Но отчего бы нам самим не поехать на этой лодке? Мы скорее все разьясим. Уверяю вас, мой дорогой, что я безумно хочу знать, что все это значит. Вы едете?

Райнар сразу согласился.

– Конечно, – сказал он, – едем.

Он позвал боя, отдал ему необходимые приказания, чтоб приготовить лодку. Через некоторое время судно подошло, и оба бельгийца поспешно в него прыгнули.

Мадемба сидел на веслах, другой негр стал впереди, раздвигая травы и ветки деревьев с помощью длинного шеста. Лодка шла довольно скоро. Вода стояла высоко, и это позволяло миновать ту растительность, которой обычно было переполнено болото, а иногда и совсем засорено.

Поль Райнар часто смотрел в бинокль и каждый раз повторял:

– Я не могу еще отчетливо различить черты лица. Невозможно узнать, кто это...

Тогда Беран взял бинокль и, в свою очередь, осмотрел лодку, значительно приблизившуюся:

– Дорогой мой, – воскликнул он, – я вижу хорошо, что у сидящего человека длинная седеющая борода. И он в очках...

Администратор привскочил:

– Вы в этом уверены?

– Вполне уверен. Посмотрите сами.

Райнар последовал совету и после того, как он долго всматривался в человеческую фигуру, воскликнул:

– Да, это Шифт... Я его узнал теперь... Скажите пожалуйста... Но кто же с ним?

Беран взял бинокль. И после того, как он в течение нескольких минут с большим вниманием в него смотрел, сказал:

– Мне кажется, можно разобрать, что лицо его – какого-то странного цвета... потом, длинные усы.

– Длинные усы, – повторил возбужденно Поль, – это же сэр Эдвард Беккет.

Затем, повернувшись к Мадембе, он прибавил:

– Скорей, Мадемба, поторапливайся.

– А, мессиз комендант. Мадемба идет скоро, как может, – ответил негр и тем не менее ускорил ритм.

С минуты на минуту было видно, как росла загадочная лодка, плывшая по-прежнему по воле волн.

– Да, это точно Шифт, – заявил Райнар. – Только я не понимаю, почему он все еще жестикулирует. А другой совсем не двигается.

Беран ничего не ответил.

Повернувшись к лодке ученых, он уставился в нее своим холодным пронизательным взглядом наблюдателя.

И вдруг голосом, слегка дрогнувшим, проговорил:

– О... но... этот человек... господин Шифт... он, он сумасшедший.

– Вот что, – отозвался администратор с глубоким изумлением.

– Я вас уверяю. Он становится на колени, затем поднимается, пытается танцевать... Он споткнулся и чуть не упал в воду...

– О, – пробормотал Райнар, – это невозможно, вы ошибаетесь. Быть может, господин Шифт немного возбужден от радости... возврата. Без сомнения, свои изыскания экспедиция выполнила блестяще. Господин Шифт слишком экзальтирован.

Беран его перебил поспешно:

– Смотрите... Он хочет укрыться в задней части лодки, он карабкается на скамейки. У него такой вид, как будто он от кого-то хочет бежать...

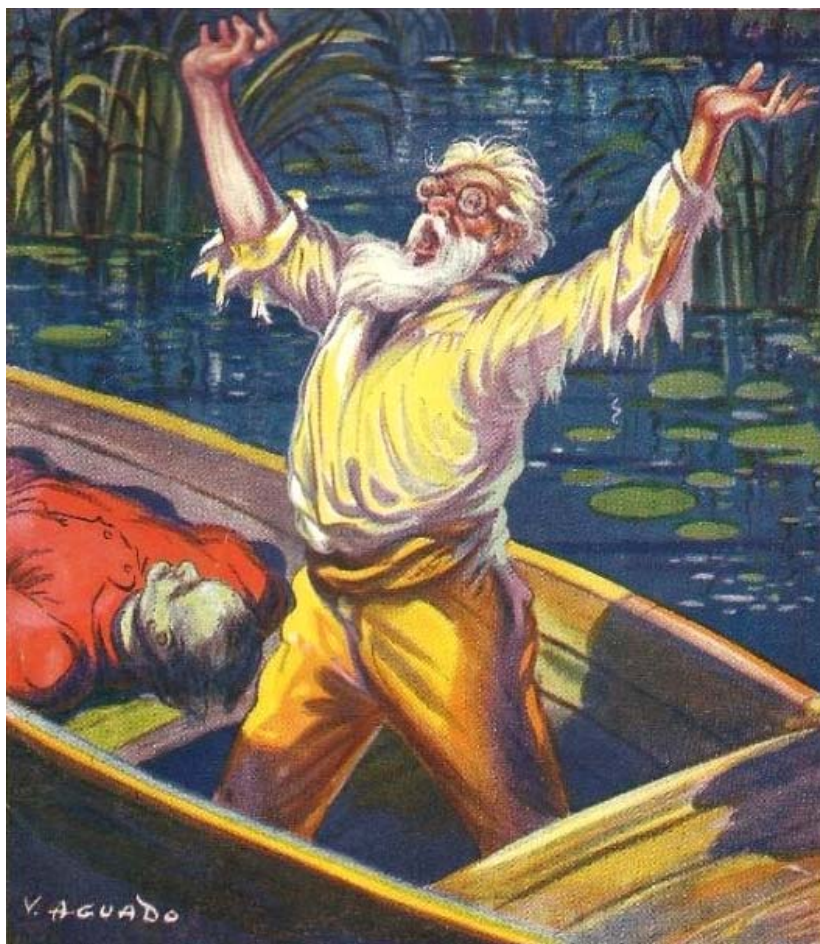
Начальник поста в Инонго в смущении взял бинокль. Действительно, на борту лодки ученых тот, кого принимали за Шифта, все время проделывал самые странные телодвижения. Теперь он держался за заднюю часть судна. Он почти опрокинулся через борт и протягивал вперед руки, как бы отталкивая кого-то.

Райнар мог теперь разглядеть в бинокль его лицо, искаженное ужасом.

Рот был открыт и, должно быть, издавал ужасные звуки.

Беспокойство охватило молодого чиновника при виде такого непостижимого зрелища.

– Решительно, – бормотал он, – я не знаю, что думать. Что означает все это? Шифт не перестает двигаться, предаваясь чуждачеству, а его компаньон остается недвижим...



– Еще немного терпения, – советовал Беран. – Через полчаса или немного более мы узнаем разгадку странного поведения этих людей...

* * *

Беран был прав, рекомендуя терпение.

По мере того, как лодки приближались одна к другой, появлялись новые поводы к беспокойству: прежде всего, на барке ничего не было, кроме двух человек. Не было ни весел, ни руля, ни одного ящика, никакой одежды.

Ничего.

Это было более удивительно, что экспедиция отправилась с большим багажом, который был размещен на четырех лодках.

И между тюками было много таких вещей, которые не могли ни испортиться, ни развалиться: оружие, научные приборы и многое другое.

Но что особенно удивляло – господин Шифт был в жилете без сюртука, а Райнар знал, что палеонтолог был очень зябок. Он видел его даже в жаркое время дня в верхней одежде и с плотным фуляром вокруг шеи. Человек же, лежащий на дне лодки, был совсем голый.

Что это был мистер Беккет, администратор теперь уже не сомневался. По мере того, как они подвигались вперед, до них долетели странные звуки, резкие и глухие, пронзительные или гулкие, и постепенно они сливались в призывы, крики, смех. И все эти звуки издавал один Карл Шифт.

Расстояние между лодками было не более пятисот метров, когда Райнар взволнованным голосом окликнул:

– Господин Шифт.

Ученый повернул вдруг голову к администратору. И при виде тех, кто к нему приближается, с ним случился новый припадок, такой же, как наблюдал Беран раньше. Он пятился назад, бросался на колени со сложенными руками, тело дрожало, рот был открыт, глаза расширены, и он издавал отчаянные вопли.

– О, вы были правы, – проговорил взволнованно Поль Райнар, – он сошел с ума...

– Ну... а тот... Беккет... – нерешительно добавил он, – что делает он с этим несчастным?

– Я не знаю... я боюсь, – говорил со страхом Беран, – но что же такое случилось?

Мадемба и другой негр были также заинтересованы тем, что происходило в другой лодке, и гребли из всех сил, как только могли.

Райнар, возбужденный, стоял впереди у самого края; в его расширенном неподвижном взгляде было желание отгадать, увидеть, понять непроницаемую тайну, которая представлялась ему гибельной, полной ужаса. Возле него, хорошо владея собой, Беран смотрел на дно лодки, где совершенно отчетливо можно было различить теперь вытянутое тело Беккета.

И вдруг, почти одновременно, раздался крик молодых людей:

– Это – труп... Беккет мертв...

Глава VIII

ДВЕ ЖЕРТВЫ

Сомнений больше не было. Тело, которое было неподвижным, вытянутым, казалось негибким, белым, как воск, застывшим в таком положении, в каком не мог ни один человек долго оставаться.

Испуганный администратор, заикаясь, говорил:

– Боже мой... это ужасно! Но какая страшная драма разылась.

Его прервал взрыв смеха. Там, в другой лодке, Шифт безумно радовался и хохотал во все горло. Он уже забыл свой страх. Напротив, склонившись над краем, протягивал руки молодым людям.

– Я понимаю, что этот несчастный мог сойти с ума, – проворкотал Беран. – С какого времени оставался он так, один на одни, с этим трупом?

Не более двадцати метров было между лодками.

Мадемба почти на месте повернул свою лодку, и молодые люди причалили к судну ученых.

– Здравствуйте, здравствуйте, друзья, – кричал, смеясь, доктор Шифт, – я вижу, что все готово. Мы можем ехать. Но где же Жан Норе и Леопольд Мессен?

Он говорил с удивительной живостью, нервно жестикулируя, оглядываясь со все стороны с поразительной быстротой.

Райнар, превозмогая волнение, протянул немцу руку и сказал ему:

– Войдите сюда, господин Шифт. Ваши друзья вас ждут.

Ученый машинально послушался, вошел в другую лодку и повторил рассеянно:

– А, Инонго? Да... да... пост... музей.

И вдруг, как будто слово «музей» вызвало в его воображении ужасные образы, он прыгнул в сторону и закричал:

– Нет... Я не хочу ехать в болото, я не хочу... антропопитеки! Вот они... И с ними все гигантские животные прошедших эпох... взгляните... Норе! Норе... там... глиптодон... это ужасно.

Он дрожал всем телом. Невыразимый ужас отражался через круглые очки в его взгляде.

В мучительной тревоге смотрели молодые люди на этого человека и молчали.

Беран попробовал было удержать ученого и провести в заднюю часть лодки, чтоб там он сел. Но Шифт с такой живостью, какой нельзя было в нем подозревать, вырвался и произнес дрожащим голосом:

– Там... посмотрите... стадо мастодонтов... Господи, мы пропали. Не стреляйте, Беккет... Бога ради, не стреляйте...

– Что он рассказывает? – проговорил Райнар с глубоким изумлением.

Беран с состраданием качал головой.

– Не стоит обращать внимания на эти слова, – говорил он. – Сейчас самое лучшее заставить Мадембу перейти в другую лодку. Он отвезет в Инонго останки Беккета.

– Да, – согласился администратор, – а мы вернемся на пост с доктором Шифтом. Я помогу грести, если нужно, тогда как вы возьмете на себя этого несчастного душевнобольного.

– Мы будем сменять друг друга, – сказал Беран.

Администратор отдал приказ Мадембе, и негр перешел в другую лодку, в которой оставалось только тело англичанина.

Мадемба проявил некоторую боязнь, оставаясь в лодке один на один с мертвецом, но Райнар приказал, и он послушался. На другой лодке исследователь поместился возле палеонтолога, тогда как Поль Райнар взялся за весла и начал грести.

Другой негр продолжал бесстрастно править.

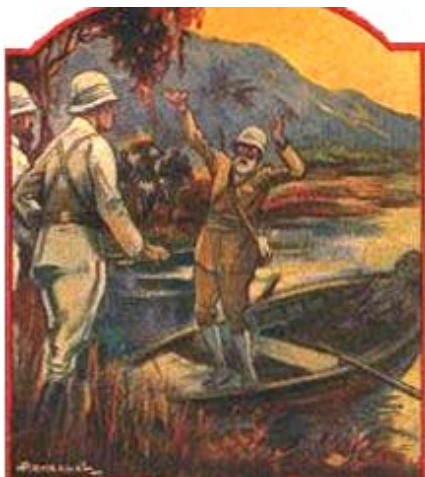
Но доктор Шифт не соглашался сесть. Стоя в лодке, он продолжал свою странную речь, выказывая все признаки глубокого возбуждения.

– Я вам говорю, что это крик динорниса. Я в этом уверен... Мессен... Не показывайтесь... Если они почуют наше присутствие здесь, мы пропали... Не двигайтесь, мистер Беккет...

Молча слушали молодые люди, пытаясь проникнуть в мучительную тайну.

Ученый издал мрачное рычание и вдруг заговорил в другом тоне:

– А, а, а! Я их видел... да. Я, Карл Отто Шифт, профессор Боннского университета, доктор палеонтологии, член Берлинской академии наук, ассистент многочисленных ученых обществ, член-корреспондент всех иностранных академий, удостоенный многих отличий.



Он остановился, как будто эта фраза, которую он произнес, не переводя дух, его истощила. И сейчас же, наклонившись к исследователю, он ему сказал таинственно:

– Я их видел... видел, как вижу вас.

– Кого же? – спросил Беран, который все время старался уловить какие-нибудь проблески сознания в этом хаотическом мозгу.

С исказившимся лицом, дрожащим голосом Шифт ответил:

– Кого? Их, ей, ей... Антропопитеки... Я был прав... Я знал, что я был прав. Человеко-обезьяны... Я видел прародителей человечества. Поверите ли вы в возможность этого, мой дорогой друг...

Райнар, продолжая грести, пробормотал:

– Бедняга. Его безумие неизлечимо.

– Я этого боюсь, – сказал Беран. – Но, к счастью, оно не опасно. Он не буйный сумасшедший. В его мозгу произо-

шел какой-то резкий шок, он испытал мозговое потрясение.

– Конечно, – согласился администратор. – Я вам уже говорил, что доктор Шифт и тогда, за его краткое пребывание на посту, производил на меня впечатление возбужденного, слишком экзальтированного человека... Эта ученая экспедиция возбудила в нем нервность, почти болезненную... Он же занимался всеми приготовлениями... Он хотел все видеть, обо всем позаботиться, всем распоряжаться... Он горячее своих коллег относился к цели путешествия. Он выглядел более жизнерадостным, исполненным больших надежд, грезил о необыкновенных открытиях.

– Но... мистер Беккет? – спросил нетерпеливо Беран. – Где нашел он смерть? Как и когда?

– Доктор Шифт не способен, к сожалению, нам это рассказать, увы, – ответил Райнар.

– А оба других ученых? А их негры? Сколько острых вопросов, и ни на один из них этот несчастный не в состоянии пролить свет.

Между тем лодка подвигалась под ударами весел, которыми ловко управлял Поль Райнар.

Проехали уже половину пути, и Леон Беран поднялся, чтоб сменить гребца, а тот, в свою очередь, занял место возле сумасшедшего.

Он попробовал, говоря с ним медленно, мягко, направить разговор на предметы простые, чтоб сосредоточить внимание несчастного ученого и пробудить в его помраченном мозгу проблески разума. Он говорил о Германии, расспрашивал ученого о Бонне.

Больной сначала слушал с застывшей улыбкой, утвердительно покачивал головой, казался довольным, что слушал о своей родине. Затем вдруг воскликнул:

– Когда я вернусь и расскажу о том, что я видел, какая будет сенсация. Откажутся мне верить... У меня есть враги, завистники. Неспособные коллеги завидуют моей репутации ученого. Они попробуют бранить меня. Но я им скажу, что я сам видел, своими глазами, видел доисторических

чудовищ... Я смогу им описать динозавров, мамонтов, мегатериев, периссодактилей...

– Ничего не поймешь, – прошептал Райнар сокрушенно. – Он опять сел на своего конька.

Беран возразил:

– Дорогой друг, это естественно. До отъезда ум этого человека был во власти несбыточной мечты. Он верил, что найдет следы животных самых необыкновенных, живших в наиболее отдаленные эпохи. Вследствие какого-то потрясения, какого – мы не можем знать, – им овладело безумие. И с этих пор он вообразил, что действительно видел всех этих доисторических животных, какими бредил раньше.

– Нет другого объяснения. Но это очень печально, так как доктор Шифт был из самых выдающихся мировых ученых. Он был авторитетом в палеонтологии и опубликовал замечательные работы о флоре и фауне третичного периода и, по преимуществу, эпохи плиоцена...

– Ему лучше было оставаться в Бонне, – проворчал Беран, – мне очень жаль этого несчастного, уверяю вас, но участь мистера Беккета меня трогает больше, а также и двух других ученых. Они теперь, без сомнения, на дне болота, если тут не вешались крокодилы...

Администратор грустно добавил:

– Да, все это очень печально... Они уезжали такими жизнерадостными, довольными... Можно было думать, что они едут на прогулку. Что же могло с ними случиться?

– Кто знает? – сказал Беран... – Буря, может быть – на последней неделе мы наблюдали страшные бури, – а на болоте они разыгрываются еще с большей силой. Это видно по поднявшейся воде. Я думаю, что экспедиция подверглась какой-нибудь катастрофе, и все погибли, кроме доктора Шифта, да и ему, в сущности, лучше было бы не уйти от смерти, так как сумасшествие – хуже.

Пока молодые люди обменивались мнениями, палеонтолог их слушал, и ласковая улыбка не сходила с его губ...

– Скажите ему о мистере Беккете, – сказал исследователь, – может быть, он скажет что-нибудь, что наведет нас на след?

Райнар решил попробовать.

– Дорогой господин Шифт, – сказал он дружеским тоном, – что случилось с вашим коллегой, Эдвардом Беккетом?..

При этом имени немец, который уже было тихо сидел возле администратора, в ужасе вскочил. Сейчас же черты лица приняли то самое выражение, какое у него было раньше. И прерывающимся голосом, задыхаясь, он ронял фразы:

– Беккет... ах, зачем он не послушался меня. Неосторожный... Он хотел с ними говорить... Ах, почему я не сумел его удержать.

Оба бельгийца посмотрели друг на друга.

– Бесполезно, – прошептал Беран, – мы ничего не узнаем.

– Я этого боялся.

– Ну вот, мы уже почти приехали. Кто знает, быть может, после ночи, проведенной и тишине, его измученный дух успокоится.

Райнар сомневался.

Лодка подходила к берегу.

Все население Инонго толпилось с любопытством на берегу. Короткими приказаниями администратора очистилось место вокруг белых, которые высаживались.

Беран подал руку Шифту.

Последний радовался, увидав негров, собравшихся к его приходу. Он раскланивался направо и налево, улыбался, приветствовал жестами, а так как толпа следовала за ним, обмениваясь замечаниями на его счет, то он остановился и важно произнес:

– Дорогие мои коллеги, мои друзья, следуйте за мной. Я осведомлю вас о результатах моего путешествия. Теперь я могу это вам сказать. Я видел самых необыкновенных животных... я мог наблюдать живых прародителей человека. Я

намереваюсь созвать многочисленные конференции по этому вопросу и...

Но Беран с помощью Райнара увел наконец несчастного умалишенного в здание поста.

Вокруг дома негры смеялись.

– Белый старик, он с ума сошел, – говорили насмешливые голоса.

Бельгийцы поместили Шифта в одну из комнат под надзор боя, который должен был подавать ему питье и еду, а сами вернулись на берег болота.

Мадемба уже причалил.

Взволнованные, Райнар и Беран подняли тело сэра Эдварда Беккета и в сопровождении негров, на этот раз потрясенных и серьезных, печальное шествие направилось к посту.

Тело покойного, одетое подобающим образом, было положено на постель...

Молодые люди, погруженные в раздумье, не спали. Их беспокоила одна и та же неотвязная мысль.

– Почему умер Беккет?.. Почему сошел с ума Шифт?

Это была тайна, тайна несомненно трагическая, может быть, непостижимая: тайна болота...

Глава IX

ПОГАСШИЙ СВЕТ

На другой день английского ученого похоронили на участке земли, предназначенном для европейцев.

По возвращении с этой печальной церемонии администратор взял Берана под руку и взволнованно ему сказал:

– Мой друг, я сегодня всю ночь думал о том загадочном происшествии, свидетелями которого мы являемся... я думаю, что ваши предположения справедливы: вся экспедиция погибла.

– Это только одна из гипотез, – возразил живо Беран, – но могут быть и другие.

– Но это одна из наиболее вероятных. Я почти убежден теперь, что доктор Шифт один остался в живых... Увы! От него мы не узнаем ничего. Я видел его сегодня утром. Он все такой же, каким был и вчера.

– Да, – проговорил Леон. – Ненормальное состояние духа слишком глубоко, и я боюсь, что оно неизлечимо.

– Итак, я хочу уведомить мое начальство об этой непредвиденной катастрофе. Думаю сослаться на вас, как на свидетеля, если вы позволите.

– Несомненно, – воскликнул Беран. – Вы можете, не колеблясь, воспользоваться моим именем.

– Благодарю, дорогой друг. Я надеюсь, что в скором времени приедут за господином Шифтом... Признаюсь, я не могу без грусти смотреть на него...

– Я вас понимаю, – говорил Беран, – и не могу не одобрить, что вы не хотите надолго оставлять на посту этого бедного немецкого ученого. Со вчерашнего дня он – посмешище для всех черных Инонго... Ваши бои по всей деревне рассказывают о его странностях. Я слишком хорошо знаю, что это для вас тяжело. Я достаточно изучил негров и знаю, что белый во всем и всегда должен превосходить их.

– Это совершенно верно, – подтвердил Райнар. – Присутствие в Инонго белого, впавшего в безумие, уменьшает престиж людей моей расы и, следовательно, мой собственный. В глазах черных, которые наблюдательны, белый должен выказывать себя безукоризненным и физически и морально. Печальное состояние господина Шифта – плохой тому пример.

– Подавайте скорей рапорт, мой друг, – советовал Леон. – А пока не приедут за вашим гостем, мы сами, насколько можно, будем около него... Мы будем стараться, чтоб бои к нему не приближались. А так как он не будет выходить из своей комнаты, то о нем ничего больше не узнают. Можно будет всегда найти объяснение его вчерашнему поведению.

– Я рад, что вы разделяете мою точку зрения, – признался Райнар, – я не хотел, чтоб вы меня считали большим эгоистом, равнодушным к страданиям других. Мне чрезвычайно грустно видеть сумасшествие ученого... Но я бессилен помочь ему... У меня от этого сердце обливается кровью.

Они дошли до поста, вошли в помещение, и их разговор пресекся, так как другие дела требовали их внимания.

* * *

Пока администратор отдавал неграм различные приказания, Беран направился в комнату, где находился доктор Шифт.

Он нашел ученого за письменным столом; он спокойно сидел и прилежно писал. Около него уже лежали многочисленные листы, исписанные мелким почерком.

– Тише, – сказал он, прикладывая палец к губам, – я работаю. А столько всего надо записать.

Удивленный видимостью здравого смысла, Беран спросил, наклоняясь над листочками:

– Что ж вы делаете?

Тот ответил с неожиданным воодушевлением:

– Я делаю наброски своих воспоминаний... результаты моих наблюдений... рассказ о моих беспримерных приклю-

чениях... я сейчас описываю антропитеков... Я не хочу пропустить ни одной мелочи. Это вопрос капитальной важности... Подумайте только.

И, не обращая больше никакого внимания на своего посетителя, он принялся за работу. Леон, заинтересовавшись, взял несколько листков, уже исписанных, и пробежал их глазами. Пораженный, он читал:

«Они – среднего роста; по крайней мере те, которых я мог видеть, – до двух метров высоты. Их торс развит лучше, нежели ноги, они почти несоразмерны, такими кажутся они хрупкими в сравнении со всей фигурой, широкой и приземистой. Руки мускулисты, но и они малы по отношению к торсу. Руки и ноги покрыты рыжей шерстью, довольно густой, недлинной, темной и мягкой. Грудь также в волосах, но меньше, так же, как и спина. Но шерсть гуще на позвоночнике и на передней части грудной клетки. Сосцы выдаются вперед и у некоторых очень велики. У женщин они слегка висят. У некоторых они такие же, как у негритянок, и несоразмерно длинны: без сомнения, эти женщины кормят грудью... Кисти рук громадны, узловаты, костисты, покрыты шерстью. Ногти длинные и кажутся крепкими. Я не знаю, могут ли они заменять когти. Что касается головы, она принадлежит к разряду долихоцефалов. Челюсти выдаются вперед. Все антропитеки отличаются ярко выраженным прогнатизмом. Зубы сильны, и клыки выдаются вперед, как у обезьяны. Нос приплюснут, лоб отлогий, глаза углублены под громадными арками бровей, где выступает линия волос. Волосы длинные и густы. Уши отделяются от черепа...»

Беран перестал читать. Эти несколько строк его удивили до крайности. Говоря по правде, доискаться признаков помешательства в этих фразах нельзя. Несомненно, они идут в беспорядке и чувствуется, что ученый набрасывал эти воспоминания, как они возникали в его памяти, не пытаясь классифицировать. Но в них заметна работа логической мысли, правдоподобие в событиях, кажущаяся вероятность которых с полным правом может быть заподозрена, так как нельзя отрицать безумие господина Шифта.

И тем не менее в его записках этого не видно, за исключением самого предмета повествования; степень его сумасбродства только и выявляет помешательство, совсем не доказывая повреждения мозга.

– Быть может, он выздоровеет, – сам с собой рассуждал Беран.

* * *

Он так был поражен своим открытием, что немедленно пошел к Райнару, чтоб рассказать о том, что он прочел.

Администратор внимательно слушал и сказал, когда Беран замолчал:

– Я держусь того же мнения. То, что вы говорите, очень интересно и в то же время это хороший признак. Тем лучше, если бедный доктор Шифт поправится.

– Ах, как бы я хотел, чтоб это случилось скоро.

– Почему же?

– Чтоб услышать от него о тех событиях, какие разразились. Чтоб узнать, почему умер Беккет... Чтоб узнать, что случилось с двумя другими учеными, с четырьмя неграми. Наконец, чтоб узнать, почему он сам потерял рассудок?

Райнар скептически улыбнулся.

– Друг мой, – сказал он, – не следует рассчитывать на случайности подобного рода. Рассудок господина Шифта может вернуться, но чтоб он не заболел опять, надо тогда избегать всякого напоминания о тех событиях, которые вызвали сумасшествие. Такие случаи бывают часто.

– Да, – согласился Беран. – Но тогда он должен навсегда распрощаться с палеонтологией, а также и с другими науками. Малейший повод может напомнить ему экспедицию, страну болот, то событие, которое его потрясло, и он опять станет душевнобольным. Лечение будет поистине трудным.

* * *

В эту минуту подошел Мадемба.

Улыбаясь во весь рот, он остановился перед Бераном и спросил:

– Господин... лодка. Мадемба грузить багаж внутрь... Тебя ехать сегодня.

Беран вздрогнул.

Но администратор с лихорадочной поспешностью перебил:

– Нет, оставь нас в покое... А лодку поставь на якорь вместе с другими, и этого довольно.

Леон улыбнулся и протянул руку, чтоб удержать негра, который уже удалялся.

– Простите, – сказал он. – Этот человек пришел мне напомнить, что я хотел ехать на поиски экспедиции. Я чуть было об этом не забыл, уверяю вас.

– Это бесполезно теперь. Экспедиции не существует больше.

– Наоборот. Более, чем когда-либо, необходимы поиски. Посудите сами. Если не было достаточных оснований идти разыскивать ученых, чтобы увидеть их живыми и спокойно занятыми собиранием научных и палеонтологических остатков, то теперь важно исследовать то необычайное происшествие, которое могло уничтожить всю экспедицию.

– Да вы с ума сошли! – воскликнул Райнар с большим возбуждением. – Что можете вы открыть? Кто разъяснит вам причину исчезновения двух белых и четырех негров, убийство одного ученого и безумие другого?

– У меня нет предвзятой идеи, но я полагаю, что попытка может быть бесконечно интересна...

– Рассудим, друг мой, – сказал администратор сердечно, очень мягко, взяв Берана за руки. – Посмотрите. Подумайте же, черт возьми! Лодка доктора Шифта плавала несколько дней, прежде чем она достигла мыса. Вы заметили, как он исхудал, изголодался? Наверное, в течение четырех или пяти дней он блуждал на этой лодке по воле капризного течения. Таким образом, надо думать, катастрофа случилась несколько дней тому назад. Что же вы можете найти, кроме трупов, которые так же, как и тело сера Эдварда Беккета, не смогут вам открыть их тайны?

– Не в их тайну хочу я проникнуть.

– Тогда в чью же?

Молодой бельгиец ответил серьезно:

– В тайну болота, дорогой мой. Болото всегда одинаково, всегда неизменно. И я спрошу его. Нужно, чтоб оно мне ответило, чтобы оно открыло мне истину.

– Несчастный! Бойтесь, как бы тайна не открылась вам тогда, когда с вами случится то же, что с сэром Эдвардом или с доктором Шифтом.

– Ба, – сказал Беран весело, – так что же, если я могу пережить интересные часы, проникнуться тем пылом, который питает жизнедеятельность и воодушевляет к раскрытию тайн.

Затем, обращаясь к Мадембе, он спокойно добавил:

– Милый мой Мадемба, грузи багаж... Спешите... мы выедем сегодня вечером...

Негр скрылся, тогда как встревоженный администратор воскликнул:

– Но это безумие! Мой друг, вы ни о чем не думаете, вы не должны этого делать.

– Вот так так, – сказал смеясь Беран, – если бы я был суеверен, то немедленно отказался бы от своего намерения. Вы, кажется, предвидите такой же мрачный исход для меня, как и для членов экспедиции. Это не очень подбадривает.

Райнар был бледен и молчал.

– Ну, полноте, – сказал дружески Беран, – я хочу провести с вами последние часы, мой дорогой друг. Все мои приготовления окончены, а в остальном я полагаюсь на Мадембу: он решительно чудесный малый.

– Да, – согласился администратор. – Он разумен, смел, честен и предан. Вы можете ему доверять. А я, зная, что он возле вас, буду спокойнее... В нем вы будете иметь ловкого и верного товарища. Это много значит.

Затем, немного помолчав, он добавил:

– Итак, вы окончательно решили ехать вдвоем с Мадембой? Я могу отпустить с вами еще двух других, которым я также доверяю. А вчетвером будет безопаснее.

Леон рассмеялся.

– Какие опасности? Их вовсе не существует, мой дорогой. Или, вернее, только те, которых я так опасался и которые вырастут от присутствия еще двух человек. Главная опасность – в перегруженности. А вы предлагаете еще двух негров. Нет, мой друг, я предпочту увеличить некоторые запасы.

Он смеялся, и его смех – молодой и беззаботный – придавал его физиономии что-то удивительно детское. Райнар не мог не любоваться этим человеком, его естественным спокойствием и непоколебимым огромным хладнокровием.

А Леон Беран пускался в рискованное путешествие, длинное, утомительное и опасное. Он знал, что до него трагически потерпела неудачу в такой же попытке экспедиция ученых, он не забывал, что его ждет таинственная неизвестность, быть может, безумно страшная. И он смеялся от всей души, по-мальчишески, легкомысленно.

Глава X

ДРУГОЙ ОТЪЕЗД

После завтрака оба бельгийца направились в комнату, где был заперт господин Шифт.

Когда они вошли туда, палеонтолог не двинулся из-за стола, за которым он сидел. Он все еще лихорадочно писал. Возле него скопилась куча листов, черневших исписанными строчками.

– Он все еще пишет, – удивился Беран. – Что он пишет, хотелось бы мне знать?

Они подошли к столу. Резким движением палеонтолог повернулся к ним, и на его добром лице появилась веселая улыбка. Его маленькие глаза за круглыми очками блестели. Он положил перо на стол и с чувством удовлетворения потер руки.

– Дело идет, идет на лад, – сказал он радостным тоном. – Ах, какая работа. Только мне хочется кончить ее как можно скорее. Я так боюсь забыть какие-нибудь важные подробности или интересные указания... Я не хочу слишком полагаться на память.

– Как жаль, – прибавил он после непродолжительного молчания, – что там не было господина Норе и господина Мессена. Они могли бы сообщить мне много других подробностей.

Райнар наклонился к своему спутнику и шепнул ему на ухо:

– Любопытно, что он не говорит о Беккете. Помнит ли он, что тот умер?

– Возможно, – ответил Беран.

Ученый продолжал с еще большим воодушевлением:

– Громадная работа. И какие неизмеримые результаты. Целая революция в науке, и не в одной только палеонтологии. Геология, антропология, минералогия, ботаника, –

да что я говорю? – все смежные отрасли знания испытают колоссальный сдвиг.

И, как бы удовлетворившись таким эпитетом, он повторил его еще два раза, покачивая головой.

– Да... колоссальный... колоссальный...

Беран и Райнар переглянулись.

– Что, если я ему скажу, – шепнул Беран, – что я также отправляюсь в болото? Как вы думаете, можно проделать этот опыт?

Райнар колебался.

– Бедняга. Эта новость может вызвать у него новый припадок. Сейчас он более спокоен.

– Кто знает, – настаивал Леон. – Мы все же попробуем. Если даже мои слова вызовут припадок безумия, бояться нечего. Оно не перейдет в бешенство.

– Пожалуй, попробуйте, – согласился Райнар.

Беран подошел к Шифту, осторожно положил руку на плечо ученого и произнес твердо, уверенно, с расстановкой:

– Господин Шифт, я еду сегодня же вечером на поиски Норе и Мессена. Я еду через болото.

Мертвенно-бледный, с глазами, блестящими сквозь круглые очки, с искажившимися чертами лица, ученый, задыхаясь, встревоженно лепетал:

– Вы... вы едете?.. Несчастный... О, не делайте этого... Они там... Они вас убьют... Ах, как это ужасно. Не ездите туда, мой молодой друг... Бедный Беккет... Они его убили...

Он схватил руки Берана и устремил на него взор, полный тоски. Он сильно дрожал всем телом. Голос у него пропал, но он продолжал двигать губами, выпуская невнятные звуки.

– Я предвидел это, – вздохнул Райнар. – Опять начался припадок. Оставим его лучше.

– Да, это правда, – согласился Беран. – Один он скорее успокоится.

Бельгийцы сейчас же направились к двери, но ученый бросился к Берану и, уцепившись за его рукав, закричал:

– Вы хотите отправиться туда, невзирая ни на что. Ну что ж! Будьте осторожны. Не сопротивляйтесь, если они на-

бросятся на вас. Что бы они ни делали с вами, не сопротивляйтесь... О, какой ужас!..

Он выпустил рукав Берана, согнутыми пальцами вцепился в свою голову и яростно стал ее сжимать.

Бельгийцы отскочили к порогу, переступили его и захлопнули за собой дверь.

* * *

Около дома Мадемба мирно поджидал их прихода.

– Все готово, месье комендант, – сказал негр с обычной своей улыбкой.

– Хорошо, – ответил Беран. – Спустись к лодке и подожди там меня.

Негр повернулся и стал спускаться к озеру. Райнар посмотрел на часы.

– Три часа, – сказал он. – У вас еще много времени. Мадемба может грести всю ночь. После этих дождей растительность залита водой, и плыть будет легко.

– Да, – ответил Беран. – Я предпочитаю на заре быть уже далеко от берега. Мы будем плыть весь день, а ночью будем отдыхать.

– Ах, как я буду тревожиться. Когда четверо ученых покидали Инонго, я также испытывал беспокойство. Но тогда ехало много людей. Каждые десять-пятнадцать дней они должны были отправлять посыльного с сведениями о себе. А вы... Один с Мадембой. И я ничего о вас не буду знать. Сколько недель будет ныть мое сердце, сколько всяких предположений будет приходить в голову.

Молодой исследователь дружески похлопал его по плечу.

– Чтоб отделаться от беспокойства, вы старайтесь думать, что все идет хорошо.

– Это легко советовать, а выполнить трудно.

– Положим, так. Но все пойдет хорошо. Члены экспедиции были людьми в высокой степени учеными, но они не знали самых простых вещей, какие надо знать, пускаясь в подобного рода предприятия. Фауна и флора третичной и четвертичной эпохи знакома была им до мельчайших под-

робностей, а о климате этой страны они ничего, в сущности, не знали. По какому-нибудь обломку позвоночника или по одному зубу они, подобно Кювье, могли восстановить форму доисторического животного, а вот предвидеть приближение бури – они были не в состоянии. Они могли определять самые редкие растения, самые мелкие кости, но они понятия не имели ни о существовании течений, ни о стоке конголезских вод, ни о сотне других вещей, не менее важных для людей, собирающихся плавать в течение долгих недель по здешним болотам...

– До известной степени вы правы. Соглашаюсь, что вы в этом отношении осведомлены бесконечно лучше. Но, по правде говоря, я не доверяю и вашему знанию всех этих условий.

– Как так? – спросил удивленный Леон.

– Зная о своей неосведомленности, ученые отдавали себе в этом отчет и проявляли большую осторожность. А относительно вас можно опасаться обратного. Вы не будете принимать всех мер предосторожности: слишком вы отважны и слишком привыкли преодолевать препятствия, те препятствия, какие можно в этой стране предвидеть.

– Да нет же. Я умею быть до крайности осторожным, если это надо, – уверял со смехом Беран, а затем уже серьезно добавил:

– Пойдемте. Пора. Мадемба теряет терпение. Вы проводите меня, дорогой друг?

– Еще бы.

Они вдвоем направились к озеру и в несколько минут дошли до него. Около лодки, причаленной к берегу, на земле сидел Мадемба и, казалось, дремал. При виде администратора и его спутника он встал и с веселой миной стал ждать.

– Молодец Мадемба, – сказал Беран, обращаясь к Райнару. – У него такой вид, точно он едет на прогулку. А ведь шестеро его соплеменников исчезли вместе с экспедицией. Это как будто должно было ему внушать некоторую боязнь?

В это время они уже подошли к озеру, и Беран прыгнул в лодку, чтобы проверить сложенный в разных местах ба-

гаж. Мадемба заботливо разложил его так, чтоб багаж не мог стеснять.

Все было в порядке. Удовлетворенный осмотром, Леон подошел к своему другу и с искренним порывом протянул ему обе руки.

– До скорого свиданья, – сказал он своим свежим, слегка дрожащим голосом. – Будьте спокойны, Райнар. Мы увидимся.

– Ах, я надеюсь, – воскликнул Поль, пожимая протянутые руки.

Одно мгновение они, оба молодые, сильные, с волнением смотрели друг на друга. Затем внезапно, по одному и тому же побуждению, они нагнулись друг к другу и обнялись...

За те несколько дней, которые они провели вместе, они сблизились так, как будто бы прожили годы.

После этого Райнар объявил:

– Вы должны помнить, мой друг, что я даю вам не больше двух месяцев. Если по прошествии этого срока вы не вернетесь, я один поеду разыскивать вас.

Беран, смеясь, ответил:

– Хорошо! Двух месяцев мне довольно. Это решено.

Мадемба с важностью занял место в лодке и остался в сидячем положении, с кормовым веслом в руке.

Собрались и негры. Удавленные, любопытные, они пытались расспрашивать Мадембу.

Но он с внушительным видом ограничился лишь тем, что рукой указал на широкое болотное пространство.

– До свиданья, – повторил Беран, более тихим и несколько сдавленным голосом. – Благодарю за вашу доброту ко мне.

– Возвращайтесь ко мне скорее, – ответил Райнар. – Это будет лучшим доказательством, что я оставил в вас кой-какие приятные воспоминания.

Оба дружески улыбнулись.

Леон сделал рукой прощальный знак и прыгнул в лодку.

Кончено... Лодка отплыла от берега.

Взволнованный, с тяжелым сердцем, Райнар жадно следил за тем, как удалялся этот, столь ему симпатичный и столь к нему расположенный человек.

Ловкими и сильными ударами весла негр далеко уже двинул лодку, и она приближалась к области болота. Стоя в середине лодки, Беран посылал прощальные приветы, приподнимая шляпу.

А через несколько минут он скрылся за густой массой водяных растений.

Несмотря на это, Поль Райнар продолжал стоять неподвижно с глазами, устремленными на ту точку, где лодка скрылась из виду. Но его глаза ничего уже не видели, а лицо приняло задумчивое, мрачное выражение.

Итак, он уехал, Леон Беран, и в сердце Райнара осталась пустота. Вернется ли он? Увидятся ли они когда-нибудь? Вернет ли его проклятое болото?

Он вспомнил вдруг отъезд экспедиции. Перед ним летали веселые лица Жана Норе, Леопольда Мессена, Беккета, Шифта... Они также отправлялись туда возбужденные, полные надежд...

Из четырех – двух не доставало, один вернулся, но мертвым, другой находился здесь, но в состоянии безумия.

– О, нет, – бессознательно прошептал Райнар. – Судьба Берана не будет так ужасна... Этого не должно быть...

Он на минуту закрыл глаза, чтобы отогнать страшный призрак, потом повернул назад и машинально направился к себе.

Но на сердце было тяжело...

Часть вторая

**СКВОЗЬ МРАК
ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ**

Глава I

ПО ДОРОГЕ В НЕВЕДОМОЕ

Лодка подвигалась быстро.

Мадемба работал усердно, и часто Беран должен был умерять его пыл из боязни, что негр скоро переутомится.

По мере того, как они углублялись в болото, пейзаж становился все более диким, все более странным. Громадному пространству не видно было края, и только с трудом, при помощи бинокля, Леон мог разглядеть на горизонте темную линию тропического леса. К тому же, как это бывало и раньше в болотах, линия эта никогда не выделялась отчетливо.

Как на море – ничего не было видно, кроме неба и воды, но воды, поросшей растительностью, уносящей огромные стволы и массы хворосту, такой воды, где иногда показывались целые стада гиппопотамов, семьи единорогов, особенно часто крокодилов. Крокодилы изобиловали. Издали их, недвижно лежащих на поверхности, можно было принять за лесные пни, покрытые мохом. Они казались сделанными из металла, негибкие, сутуловатые, неуклюжие. Затем, приблизившись, можно было различить их твердое укороченное туловище с огромным чешуйчатым хвостом.

Тем не менее, увидав судно, их желтые глазки начинали быстро двигаться под выпуклыми дугами бровей. Их острые челюсти от времени до времени открывались, скаля зубы, как бы в зевоте, и можно было видеть двойной ряд зубов в форме пилы.

Подвижные и упорные, эти ужасные животные лавировали вокруг лодки, далеко сопровождая ее.

Иногда они осмеливались так близко подходить к лодке, что рассерженный Беран пускал в них две или три пули.

Но задетый крокодил погружался и вновь показывался вдали, с тем же тупым и свирепым выражением безучастных и жестоких глаз.

Иногда случалось, что кожа, хотя и крепкая, как кираса, оказывалась пробитой пулей Берана. Тогда животное оставалось, а вода вокруг окрашивалась кровью.

Затем, как бы охваченный злобой, крокодил начинал быстро плавать около лодки, и его челюсти щелкали грозно, с резким пугающим шумом, действующим на нервы.

Чтоб отделаться от их преследования, необходимо было всадить ему вторую пулю, и, если она попадала в один из чувствительных органов, чудовище могло быть убито.

Но другие, не менее упрямые, продолжали преследовать лодку, ожидая, без сомнения, что хоть один человек из двух упадет в тинистую воду, откуда ему уже не выбраться. Тогда он стал бы их добычей. Поистине, эта илистая вода была противна на вид. Беран понимал ту страшную опасность, которую она представляла: в случае крушения, выбраться из гнилостного ила невозможно. Неужели таким образом погибли остальные члены экспедиции? Быть может, легкие лодки, захваченные ураганом, были опрокинуты и оба ученых, француз и бельгиец, вместе с неграми, их сопровождавшими, были ввержены в эти липкие волны?

Это было вполне возможно. Беран рассматривал со вниманием эту густую черноватую воду.

Он представлял себе под этой ровной серо-зеленой гладью миллионы перепутанных корней, коварных лиан, которые сжимают и связывают члены, представлял себе ту зловонную грязь, которая липнет к ногам, как жидкое тесто.

Там, под водой, живут тысячи подводных растений, враждебных и угрюмых.

Тут была водяная чечевица, размерами и цветом совершенно непохожая на нашу, были гигантские злаки, вскормленные этой плодородной землей, полной перегноя, росшие здесь в самых благоприятных для них условиях – среди теплой болотистой сырости.

Здесь были тростники с копьеобразными листьями, острыми, как бритва, их прямой цветоносный стержень выступал над поверхностью воды и увенчивался рыжим султаном. Было множество кустарников, колючих и отвратитель-

ных, которые разрастались здесь в деревья и перепутывались своей густой листвой...

Проход через эту громаздящуюся растительность был очень утомителен и труден.

Плыть можно было вдоль протоков, которые образовывались здесь. Иногда эти проходы, более или менее узкие, между двух зеленых оград, были возможны для плавания, но переходы эти вились змееобразно, часто круто поворачивали или внезапно суживались, а иногда выходили в просветы, похожие на лесные прогалины.

Местами, наоборот, лодка выходила неожиданно как бы на громадную водную гладь, но так сильно заросшую, что она казалась сплошным зеленым ковром. Движение тогда сильно задерживалось. Гладкое дно лодки все же скользило по этой ровной поверхности, но спереди скоплялись травы, получалась пробка, и движение останавливалось.

Казалось, что все эти стебли хотели приковать лодку, принудить остаться тут, втянуть в таинственную глубину этой чернеющей, зловещей пропасти.

Нужно было, чтобы Мадемба багром снимал эту прицепившуюся спереди массу, обрезал тонкие волокна, отбрасывал груды травы и проделывал, наконец, в ней нечто вроде канала.

А дальше вдруг вырастала сплошная листовенная изгородь.

И так далеко, как только мог видеть глаз, нельзя было ничего различить, кроме этой зеленой массы, которая как бы загораживала лодке путь вперед.

Приходилось останавливаться.

Беран исследовал препятствие.

Если преграда не была слишком плотна и состояла из гибких кустарников, пытались обрубать топором сучья и проделывать таким образом проход.

Но если заросль оказывалась слишком широкой, если ее составляли колючие и толстые породы, лодка объезжала ее, отыскивая нечто вроде брода через эти кустарники.

Множество птиц населяло эти заросли. При приближении лодки они взлетали с своих становищ и кружились

вверху, оглашая воздух испуганными и гневными криками. Но они не улетали прочь. Многие возвращались скоро, усаживались на ветки и спокойно рассматривали людей, видимо, заинтересованные.

Едва ли можно сомневаться, что они никогда не видали человеческих созданий. Среди этого разнообразия птиц были попукаи разных величин и окраски.

Когда Леон Беран выстрелил в этих птиц, выстрел смутит ближайших, и они выразили свое волнение сильным писком, тогда как в хлопанье крыльев чувствовалось колебание, как будто бы они спрашивали себя, нужно ли было улетать?

Две из них, — настигнутые врасплох, упали в воду. Другие все же не стали осторожнее. Очевидно, эти неповинные пернатые ничего не поняли; Леону стало жаль их, и своих выстрелов он не повторял. В течение трех дней и трех ночей плыли таким образом исследователь с негром.

Но характер местности незаметно менялся.

Деревья становились выше, многочисленнее, роскошнее. Трава почти исчезла под их свежей тенью.

Кое-где оставались еще кусты по берегам больших островов, образованных сплетавшейся растительностью.

Продвигаться вперед стало гораздо легче.

Теперь казалось, что проезжали через лес по одной из речек, как это бывает в Америке.

Но вода была везде.

Она просвечивала через листву, между стволами, сквозь густые заросли.

Теперь это было одно из чудеснейших мест.

Беран испытывал блаженство, почти инстинктивное, проезжая в этой приятной свежей тени, под зелеными сводами, между громадными стволами, ветки которых иногда спускались до самой воды...

Необычайным одиночеством веяло от этого пейзажа. В сумерках леса, в переливах света и тени, там, где блестела вода, в торжественном безмолвии, царящем тут, было что-то печальное, пустынное, тоскливое.

Даже Мадемба, до сих пор веселый и беззаботный, был подавлен, мрачен, озабочен.

Таинственная давящая тишина тяготила и это непосредственное создание.

Нигде и никогда Беран не чувствовал себя таким далеким от всех, затерянным, как бы навсегда отрезанным от мира...

Грусть овладела им, он испытывал странную тревогу.

Как всегда в этих широтах, глубокая ночь наступила сразу, без сумеречных переходов. И среди высоких деревьев она, казалось, была еще загадочнее и тревожнее.

Серо-зеленая вода отражала причудливые силуэты, странные тени, забавные отсветы.

И вдруг Беран почувствовал, что тяжелое, необъяснимое беспокойство овладело им.

Если б он мог, он бы немедленно вернулся на пост Инонго, в гостеприимный уют прохладных комнат, в общество Райнара, дружески к нему расположенного. Если б он не сдержал себя, он бы закричал Мадембе, чтоб он поворачивал.

Негр молча продолжал грести. Иногда он вдруг поднимал голову и со страхом и подозрительностью вглядывался в окружающие предметы.

Быть может, его почти животный инстинкт подозревал какую-нибудь опасность?

Беран, удивленный, спросил:

– Что с тобой, Мадемба?

Тот тихо, дрожащим голосом проговорил:

– Мадемба не знает... Мадемба думать, здесь нет хорошо...

Итак, бессознательно негр и утонченно образованный европеец испытывали одни и те же ощущения чего-то нелепого, тревожного, наводящего на подозрение.

Однородность их впечатлений удивила Берана. Чтоб отделаться от томивших его болезненных ощущений, он намеренно громко приказал:

– Бесполезно плыть дальше в такую ночь, Мадемба. Мы остановимся здесь. Мы пообедаем и переночуем среди этих деревьев.

Леон указал на гигантский фикус; его ветви пускали в воде корни, они разрастались в иле, на дне болота, и, в свою очередь, становились стволами, из которых выходили новые веточки.

Это дерево представляло собой нечто вроде потайного убежища, под которым протекала чистая вода.

Мадемба, не говоря ни слова, подвел лодку к одной из этих естественных арок, остановил ее, и в этом защищенном месте можно было не бояться ни диких зверей, ни ветра, ни дождя.

Как бы с усилием Беран встал, взял один из ящичков с провизией и открыл его.

Он не мог освободиться от необычайной тяжести, которая налегла на него.

Он хотел говорить, принудить себя смеяться, вызвать хорошее настроение в своем простодушном спутнике.

Невозможно...

Какой-то внутренний холод, точно саваном, облегал его тело. А в его уме эта глубокая, жуткая ночь воспринималась какой-то таинственной тенью...

Он молча уселся и медленно принялся за еду...

Глава II

КОШМАРНОЕ ВИДЕНИЕ

Они спали по очереди.

Осторожность была необходима.

Конечно, бояться неожиданного появления разбойников или воров не приходилось. Но в этих болотах, где не бывало ни одно человеческое существо, другие опасности подстерегали смелых путешественников. Опасности, порожденные самой природой и животными.

Крокодилы, змеи и другие звери могли появиться и напасть на людей.

Из благоразумия они стерегли друг друга и обычно Беран засыпал первый, а Мадемба бодрствовал. Затем, около полуночи, Леон заменял негра, а тот укладывался на дне лодки и немедленно начинал храпеть.

Уже четвертую ночь путешественники проводили в болоте, и никогда еще на Берана так сильно не действовало окружающее безмолвие и темнота.

Некоторые натуры не могут выносить в одиночестве наступления ночи, но это люди с больными нервами, а Беран к ним не принадлежал. Здоровое равновесие его натуры никогда не знало смутного страха и этой неопределенной тоски.

Недаром он объехал свет, подвергаясь большим опасностям, и страх никогда не колебал его хладнокровия и его спокойной смелости.

Так почему же в эту ночь он испытывал какую-то инстинктивную, тяжелую, нелепую тревогу?

Внутреннее чувство как будто предупреждало его, что ему что-то угрожает.

Но что?

Он этого не знал, и его разум возмущался против этого чисто физического, чисто животного чувства. Он сердился

на себя за этот почти ребяческий страх и пытался от него отделаться.

Но окружающая обстановка, несомненно, производила странное впечатление.

К тому же в болоте была исключительная жара, жара непривычная. Не то чтоб она доходила до крайности, но она отличалась от той, которую Беран привык переносить в этом климате.

Обычно палящая жара излучалась сияющим, горячим солнцем в течение дневных часов. Земля насыщалась им и ночью испаряла сырые туманы.

Здесь было совсем по-иному.

Казалось, что жара исходила от самой почвы, от болота, была ключом из недр земли и затем разливалась в воздухе. Беран опустил пальцы в воду – она была почти теплая.

– Любопытно, – прошептал молодой человек.

Затем еще другое явление удивило его. Последние три ночи звери не переставали бродить вокруг лодки с тупой настойчивостью хищников, которые чувят добычу, подкарауливают ее, терпеливо выжидая.

Среди водяных растений светились фосфорическим блеском маленькие глазки крокодила, стоявшего на страже; птицы усаживались в листве кустарников и по временам чистили свои перья, издавая резкие звуки.

А в эту ночь никого не было видно, ничего не слышно.

Напрасно Леон пытливо вглядывался в царящую темноту.

Ни крокодилов, ни птиц... никого.

– Это удивительно, – думал Беран.

И он не мог заснуть, в глубине души чего-то ожидая. Чего? Он не мог сказать. Но бессознательно он был убежден, что опасность, которая нависла, с минуты на минуту могла явиться воочию.

Но миновала полночь, и не было ничего, что бы подкрепило его беспокойство.

Он растолкал Мадембу и улегся на дне лодки; негр, в свою очередь, стал караулить.

Тем не менее, Беран не мог заснуть.

Необычная нервность не покидала его: он лежал с широко раскрытыми глазами, с настороженным слухом, с бьющимся сердцем. А часы проходили медленно, тяжело, среди неизменного безмолвия, в той же темноте, которая мало-помалу начинала редеть.

День наступал.

Беран удивился, найдя себя под фикусом, удивился и тому, что вокруг все оставалось по-прежнему.

Ничего не случилось.

Берану было смешно за свой ночной страх.

— Однако, я тоже становлюсь неврастеником. Неужели модная болезнь не миновала и меня? Как будто уже поздно, я бы должен был заболеть раньше.

Веселый, с чувством облегчения, почти избавления, он подал сигнал к отъезду.

Мадемба также выглядел бодрым, повеселевшим.

Он снова принялся за свою простодушную болтовню, которая потешала Берана, рассказывал истории, удивлялся всему, что видел.

А между тем местность опять изменилась. Незаметно они очутились в местах, часто непроходимых; продвигаться становилось все труднее и труднее.

Это заставляло предполагать, что экваториальный лес рос под водой болота и иногда становился видимым, выступая на поверхность.

Фикусов было очень много. Пальмы неизвестного вида высились своими гигантскими стволами.

Манговые деревья и огромные пучкообразные кокосовые пальмы, теснясь, выступали из воды и поднимали вверх свои густые кроны.

Появлялись тысячи разнообразных деревьев, вытесняющие те, которые видел Беран раньше, но, в свою очередь, уступающие место новым, более необычным, гигантским видам, — ботанических знаний Берана не доставало, чтоб их классифицировать. Растения также становились необыкновенно сильными и высокими.

Папоротники в изобилии росли в мелких кустарниках и под деревьями. Некоторые достигали поразительной величины.

Показались чудовищные плауны, а по мере продвижения вперед попадались другие, еще более удивительные и чудовищные.

– Очевидно, – думал Леон, – здесь в высшей степени благоприятная почва для роста этих растений. Жара, вода, влажность, жирный пласт, накопленный веками в болоте от перегнивания разнообразных органических остатков: травы, веток и корней... И тем не менее, это совершенно неожиданно... ведь это почти доисторический пейзаж.

Несколько раз пробовал он рукой болотную воду, и каждый раз она была теплой.

Животных никаких не было. За двадцать четыре часа они видели только одного крокодила.

В лианах, обвивавших стволы деревьев, в роскошных зеленых кустарниках не было ни одной змеи, ни одной птицы, ни одной обезьяны.

Полное отсутствие зверей удивило молодого исследователя.

Не исчезли только насекомые. Многие из них могли привести в замешательство своей формой, никогда не виданной, и незнакомой окраской.

Но Беран не знал энтомологию настолько, чтоб отличать их характерные признаки, классифицировать их, даже просто распознавать их.

Он часто думал:

– Если только наши ученые проникли в эти места, – а это почти несомненно, – то их ждало здесь немало интересных неожиданностей при виде этой доселе невиданной флоры, этих редких зверьков, да и всего, что есть здесь необычного. Несомненно, они должны были надолго остановиться в этих краях. Чтоб изучить и определить все эти растения, деревья, всех этих насекомых, им понадобилось много времени. А минералогия? А палеонтология? Я не касаюсь того, что могут скрывать в себе воды болота. Не может быть сомнения, что они содержат следы вымерших животных.

Ученые должны исследовать эти глубины, собрать многочисленные остатки. Все это требует много времени.

Таким образом, он пришел к убеждению, что экспедиция должна была сильно запоздать в своем продвижении благодаря тому, что на пути ей встречалось много интересного... К вечеру лодка остановилась перед громадными гранитными скалами, выступавшими из воды.

Они занимали такое большое пространство, что нечего было и мечтать объехать их до ночи.

Мадемба, однако, колебался причаливать к этим гигантским стенам.

Их склоны были покрыты богатой растительностью.

Громадные глыбы были прорезаны протоками. Точно какая-то гигантская рука проделала безукоризненные каналы через эти крепкие скалы. Вода, протекавшая через эти проходы, казалась густой, плотной, причудливо отсвечивающей, как расплавленный металл.

– Мессиз, – проговорил Мадемба, – почему мы не идти дальше?

И он указал на один канал, более широкий, чем другие, который шел прямо между двумя крутыми гранитными утесами.

– Поезжай, – беззаботно отозвался Беран.

Он любовался чудесной панорамой.

Большие каменные уступы, погружаясь в воду, производили впечатление дикого, нелюдимо-го уединения...

Растения, прицепившись к расщелинам скалы, поднимались вертикально к небу, выпуская свои густолиственные ветви. Ветки других растений вытягивались горизонтально и, переплетаясь с соседними кустами, образовывали зеленые, прохладные своды.

А те, у которых стебли были слабы, те не могли расти в высоту, падали, сползали и свешивались вдоль утесов.

Но и здесь ни одного животного.

Мадембе это не нравилось, и он тревожно покачивал головой.

– Так нам гораздо покойнее, – возражал Леон, – я совсем не гонюсь за компанией змей и крокодилов, мой друг.

Негр не настаивал и умелой рукой направил лодку в узкий проход.

Гранитные глыбы вздымались над водой более, чем на двести и триста метров; в этом коридоре пришлось плыть.

Было душно, недоставало воздуха. Жара увеличивалась, и Беран, коснувшись камня рукой, почувствовал, что он горяч, как песок в пустыне.

Мадемба упорно работал веслами. А конца протоку все еще не было.

Неожиданно встретился изгиб. Лодка повернула влево и, пройдя поворот, Беран заметил что-то вроде бухты, или скорее котловину, образованную скалами.

Она имела продолговатую форму, малая по размерам, и походила на чашку, поставленную между крутыми скалами, сжимавшими ее со всех сторон. Но никакого другого выхода.

Проток кончался, и нужно было повернуть назад, чтоб ехать дальше.

Физиономия негра вытянулась.

Беран, смеясь, ему сказал:

– Вот видишь, Мадемба, я был прав, когда говорил тебе, что лучше дальнейший путь отложить до завтра. Но это не важно. Мы здесь остановимся и проведем ночь. Право, здесь нам будет очень хорошо, и никто нас не потревожит в этой дыре.

Мадемба, не говоря ни слова, поставил лодку вдоль скалы, привязал к густой чаще кустарника и пошел распаковывать ящик с провизией. Обед был скоро изготовлен и съеден.

Но ночь еще не наступала.

Серые сумерки медлили над скалами, и беловатый свет их скупо проникал в пристанище путешественников. А кругом была все та же давящая, жуткая тишина. Всякая жизнь, казалось, ушла из этих унылых, отталкивающих мест.

В этот час не было даже насекомых.

Берану еще не хотелось спать, и он осматривал котловину, исследовал строение гранита и пытался распознать породу кустов, растущих в расщелинах скал.

И вдруг он вскрикнул от изумления, а его палец указывал место на голом камне, где был обозначен большой красный крест. Латинский крест был грубо намазан красной краской.

— А, — воскликнул молодой человек, — экспедиция, несомненно, проходила здесь. Она тоже, конечно, останавливалась в этом месте. Они захотели, очевидно, оставить здесь знак своего пути.

Мадемба, вытаращив глаза, смотрел на красный крест и казался повеселевшим от этого открытия.

Беран и сам был рад.

— А мне и в голову не приходило до сих пор, что ученые могли отмечать подобными значками свой путь. Это так просто, это могло значительно облегчить им обратный путь. Надо думать, что есть и другие такие знаки. Мы не обращали внимания до нынешнего вечера, и это досадно. Отныне помни об этом, Мадемба. Мы попробуем отыскать следы экспедиции и, таким образом, неминуемо придем на то место, где она исчезла.

Мадемба, широко улыбаясь, ответил:

— Мессиз, ты не говори Мадемба. Но Мадемба всегда замечать дорогу...

— Что ты говоришь? — не понял Леон. — Замечать дорогу?

И негр объяснил, что, выехав из Инонго, он от времени до времени отмечал дорогу видимыми значками, главным образом, в местах, трудно проходимых и сбивчивых.

— Неужели? — удивился Беран. — Что ж ты делал, чтоб отметить дорогу?

Ответ Мадембы заключался в том, что он показал лоскут красной материи, который вытащил со дна лодки.

Это была старая люстриновая занавеска, разорванная на куски; негр нарезал из нее тонкие полоски, которые он привязывал там и тут к деревьям, к кустам на болотах, выбирая более заметные места.

Леон Беран, смеясь, пожал плечами.

— Ты что ж, боишься запутаться на обратном пути?

Тот важно ответил:

– Нет, не для этого, господин. Но если бы лодка пропала, другие найти скоро!

– Какие другие? – спросил удивленно Беран.

– Мессиз комендант. Мадемба думать, как это лучше.

Негр простодушно объяснил, что, по его мнению, так будет лучше обозначать их путь на тот случай, если администратор Райнар пойдет на поиски Берана.

По этому признанию Беран мог догадаться о тревожных предчувствиях своего спутника.

Итак, Мадемба боялся, что и эта экспедиция кончится плохо? Без сомнения, он думал, что и их судьба будет такой же, как и судьба ученых. И, несмотря на это беспокойство, негр все же согласился сопровождать исследователя.

Беран был сильно удивлен таким открытием; ему хотелось продолжать свои расспросы. Но Мадемба, несомненно усталый, уже улегся спать, и Беран решил его не тревожить. А сам он, свернув сигаретку, высек огонь и зажег табак.

Красный свет небольшого пламени пронизал белесоватый сумрак, наполнявший бухту.

Небрежно усевшись в передней части лодки у самого края, Леон мечтал, машинально уставившись в воду глазами.

Вдруг он сильно вздрогнул.

Доносился странный шум.

В то же время по поверхности воды, слабо освещенной, двигалась громадная, темная тень, как бы тень гигантской птицы.

Он поднял глаза... Крик изумления замер у него в горле, но он остался неподвижным, окаменелым. Громадная птица действительно поднялась с крутого скалистого обрыва. Описывая в воздухе правильные круги, она спускалась к воде. Ее широко распростертые крылья поднимались и опускались равномерно, медленно, почти бесшумно.

По мере ее приближения Беран мог лучше рассмотреть ее странную форму.

И вдруг он отпрянул на дно лодки, прошептав голосом, изменившимся от испуга и удивления:

– Птерозавр...

Глава III

ПТИЦА ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

Восклицание Берана выявило его сильное волнение, даже нечто большее, нечто похожее на страх.

Если такой человек, как Беран, спокойный, смелый, часто безрассудный, хладнокровный при самых угрожающих обстоятельствах, мог испытать страх, то это было бы ненормально.

И тем не менее это случилось.

Но то, что породило этот страх, было также необычайно, неслыханно, способно было довести до безумия.

Слово, вырвавшееся вдруг у исследователя, объясняло все.

– Птерозавр... – произнес он в возбуждении.

Не будучи палеонтологом, Беран знал приблизительно, что птерозавр – животное, исчезнувшее многие сотни веков тому назад.

Его находят в ископаемом виде, в отложениях мезозойской эпохи. Птерозавры принадлежали к разряду пресмыкающихся, но эти пресмыкающиеся были совсем особого рода. Известны их довольно многочисленные разновидности, из них наиболее знаковая та, которую составляют птеродактили. Одновременно птица, ящерица, хищник, это животное поистине представляло собой кошмарную фигуру. То, которое рассматривал теперь с невыразимым волнением Беран, представлялось очень крупным хищником. Его величина казалась особенно большой благодаря чрезвычайно широким крыльям. Его туловище в отношении к другим частям было средней величины, оканчивалось оно коротким хвостом. Но что казалось особенно поразительным, это его клюв, длинный и острый; он был широко открыт и вооружен крупными зубами.

Клюв, снабженный челюстями и зубами; какое неправдоподобие, граничащее с безумием!

Но это еще не все.

К крыльям были приспособлены очень широкие перепонки, как у вампира. Как у летучей мыши, передние члены оканчивались кистью руки. И эта рука с развитыми пальцами представлялась крайне своеобразной. Мизинец был изумительной длины, чрезмерной, невероятной.

И это туловище, крылья, продолговатая и крупная голова, крепкая длинная шея были покрыты не перьями, а скорее пухом, более похожим на шерсть. Темно-серые отворотительные птицы эти летали при помощи легкого движения своих крыльев, на которых были заметны перепонки, как на лягушачьих лапах.

Птерозавр продолжал спускаться.

В ужасе Беран протянул руку, разбудил Мадембу, зажал ему рот, чтоб он не закричал, и тихо, на ухо, приказал взять уже заряженные ружья. Затем, овладев собой, исследователь смотрел на неожиданное явление, которое, как ему казалось, вышло из глубины зеков.

А в вышине над скалами показались другие тени, подобные первой.

Другие птерозавры следовали за первым, как бы парили, спускались в этот колодезь, где они чуяли добычу.

Беран, встревоженный, насчитал их четыре, затем шесть, десять, пятнадцать.

Как вороны, они слетались на добычу, которую послал им случай.

Леон тоскливо размышлял:

– Что сделать с этими страшными животными? Они кажутся очень опасными. Стальной клюв их должен быть чрезвычайно сильным.

Мадемба весь дрожал. Он подал Берану ружье и прошептал встревоженно:

– Мессизэ! Выстрел ружье нехорошо. Огонь лучше.

– А? Ты говоришь, огонь?

Вдруг он понял, что совет негра правилен.

Конечно, зачем стрелять в этих птиц; быть может, в этих местах их очень много и на место убитых явятся другие с тупостью, свойственной животным, которые не пугаются смерти своих сотоварищей? А затем, конечно, чувствуя свою численность, эти чудовища набросятся все сразу на обоих и помешают даже воспользоваться оружием.

– Да, огонь. Ты прав. Живей.

Беран смотрел на птиц и думал, что как раз пора зажечь огонь.

Птерозавры действительно продолжали спускаться, но насторожившись.

Они услышали человеческие голоса, увидели их движение на барке.

Они почуяли, что добыча бодрствует, что она даст отпор. Кроме того, такую добычу, конечно, в первый раз видело это животное.

Человек, одетый, прямостоящий.

Известно, что все животные, даже и дикие, самые свирепые, боятся человека, потому что он прямо стоит на своих ногах. И птица минувших веков, в свою очередь, теперь не решалась приблизиться к этим людям, которые, стоя в лодке, ждали ее прихода.

Птерозавр слышал над собой полет своих сородичей и, казалось, поджидал их. Как все хищники, он предпочел действовать в сообществе.

И это небольшое опоздание помогло путешественникам. Негр успел побросать на скалу возле лодки скомканные газеты и зажег их.

Вспыхнуло пламя, высокое, светлое, властное. Негр продолжал понемногу подбрасывать в огонь все, что находил под руками и без чего можно было обойтись: бумагу, картон, материю; только бы поддержать драгоценный костер.

В вышине изумленные птерозавры пришли в большое волнение и тревожно перекликались.

С резкими криками, похожими на скрежет, они кружились над лодкой, но на достаточной высоте.

Это пламя, вспыхнувшее возле их добычи, вызывало в них одновременно гнев и удивление.

Так вокруг какого-нибудь лагеря остаются дикари, упрямые, рычащие, злые... но терпеливые.

Конечно, чудовищные птицы не знали, почему появился огонь. Они чуяли, что он исчезнет с минуты на минуту... И они оставались и подкарауливали людей, считая их добычей своей прожорливости.

* * *

При свете костра, при котором бдительной весталкой состоял Мадемба, исследователь мог лучше рассмотреть необыкновенные образчики жизни времен давно минувших.

Восклицание, вырвавшееся у него невольно при виде первого птерозавра, после некоторого размышления показалось ему сумасбродным.

– Нет, это какой-нибудь новый вид вампира? – поправился он немного позднее.

Но он не мог уже более сомневаться. Тут, следовательно, были животные, изучаемые палеонтологией; они внезапно появились среди обстановки волнующей, странной уже самой по себе. Эти гранитные массивы должны были здесь быть также с времен доисторических.

Окружающая жара, тяжелый воздух для легких человека XX века, эта теплая вода, тусклый сумрак. Не присущели все это доисторической эпохе?

– Я сплю, – пробормотал Леон, – или я сошел с ума?

Он говорил, как человек здравомыслящий, разумный. Всякий другой на его месте думал бы так же, произносил бы с сомнением те же слова.

Но нет! При свете пламени можно было до мелочей рассмотреть этих мнимых птиц.

Вдруг они как бы повисли в воздухе и затем все вместе с гортанными криками полетели и повисли на скале, наиболее отдаленной от костра. Они держались там, на камне, как летучие мыши, головою вниз, устремив желтоватые глаза на лодку, где двигались люди.

Беран и Мадемба видны им были отчетливо, освещенные пламенем.

И, быть может, эти чудовища в своей животной бессознательности были смущены присутствием существ, доселе никогда не виданных.

Лоб Берана был покрыт каплями пота.

– Возможно ли? – думал он.

Перед ним в один миг как бы спала завеса и стало видно бесчисленное множество необычайных вещей и непостижимых событий. Вещей, которых отказывается принять разум. Событий, перед лицом которых человек мучительно спрашивает себя, не спит ли он, не сошел ли он с ума.

Итак, доктор Шифт с полным основанием считал возможным, что экспедиция на своем пути встретит следы минувших эпох.

И вдруг Беран вздрогнул и пугливо пробормотал:

– Но... тогда Шифт не сумасшедший... Во всяком случае, причина его безумия не та, какую мы, Райнар и я, ему приписываем... Он видел птерозавров... возможно, что он видел и других животных, не менее фантастических... А антропопитеки, которых он описывал?

Исследователь остановился.

Нет... он не может верить в подобные нелепости.

Он сжал руками лоб, как бы боясь за рассудок, который начинал мутиться. Он боялся сойти с ума. Он взял свой платок, опустил в воду и смачивал свои трепещущие виски и влажный затылок.

Напрасно пытался он подыскивать разумные и убедительные доводы, способные прогнать жуткие образы, которые теснились в его мозгу. Какой-то внутренний голос говорил ему, что впереди его ожидают события неожиданные, невероятные. Он вспомнил странное беспокойство, охватившее его в последние два дня.

В эту минуту около него раздался голос Мадембы, тихий и грустный.

Негр кротко говорил:

– Ты видишь, мессиз? Здесь нет хорошо.

Бедный Мадемба. Он молча, с покорностью дикаря и фаталиста, переносил ужасы и страх, охватившие в этот момент его мозг с той же силой, как мозг исследователя.

– Милый мой Мадемба, видел ли ты таких птиц когда-нибудь?

На физиономии Мадембы отразилось сильное изумление, и он ответил быстро, испуганным голосом:

– Эта не птица, мессииэ...

– Что же это?

– Это... колдун, – проронил негр, дрожа от страха.

Беран улыбнулся. Он знал, как чернокожие племена сильно боятся колдовства.

Колдун, в глазах сородичей Мадембы, существо, одаренное сверхъестественной силой. Он знает тайну всех растений, он знает все, он может все... И потому негр думал, что какой-то могущественный колдун захотел помешать белым людям проникнуть в болота. И вот он просто-напросто воспользовался своим могуществом, чтоб создать необыкновенных животных, которые бы напугали дерзких, желавших осквернить болото.

Между тем незаметно начинало светать. На скале, между птерозаврами, как казалось, шло беспокойное движение.

И вдруг все вместе, с хриплыми и резкими криками, они отцепились от камня.

Тяжелые взмахи крыльев довольно долго раздавались в воздухе и казались каким-то грозным скрежетом.

Они быстро кружились между тесными скалами, постепенно поднимались все выше и выше и, казалось, готовились к отлету.

– Счастливый путь, – проговорил исследователь.

И, обратясь к Мадембе, добавил шутя:

– Ну что ж. Твой колдун совсем не злой. С его стороны было даже любезно прислать подобных птиц. Это нас развлекло.

Но негр, крепко целуя свой талисман, висевший на шее, запинаясь от испуга, проговорил:

– Ах, господин. Не надо смеяться. Подожди. Мадемба думать – это все не конец.

Леон вздрогнул. Неужели инстинкт чернокожего чует новые опасности и новые зрелища столь же необычайные?

Молодой человек замолчал, наблюдая, как последние птерозавры исчезли из вида. Над головой в вышине забелело небо, предвещая близость дня.

Глава IV

ПОДЪЕМ

О сне не могло быть и речи. Опасаясь, что птерозавры снова вернутся, Беран и Мадемба не спали оба.

Но все было тихо.

Путешественники наблюдали, как медленно исчезал сумрак. День занимался, на востоке было тускло. Листья не шевелились. Над стоячей водой поднимался пар и, медленно тая, терялся в бело-сером небе, понемногу начинавшем синеть. Затем поднялся красный солнечный диск, – как бы с трудом проникая в слишком густую атмосферу. Красные полосы бороздили низкий горизонт. Удушливая жара немедленно воцарилась. Прежняя томящая душу тишина нависла над природой.

Леон Беран внимательно исследовал место, где они находились.

– Эта бухта напоминает норвежский фиорд, – раздумывал он. – Такой же маленький залив, те же отвесные скалы, его сжимающие. Только в фиордах несколько прохладнее, к счастью для туристов.

Беран не знал, на что решиться.

Повернуть ли ему на барке обратно и в другом месте искать след экспедиции или попытаться выбраться наверх из узкого прохода?

Он колебался.

– Рассудок, – говорил он сам с собой, – побуждает меня повернуть обратно: кажется невозможным, чтоб ученые пытались взобраться на эти крутые обрывы. И все же крест, которым они отметили этот проход, меня смущает. Такой значок не может быть случайным. Или он должен помочь экспедиции лучше ориентироваться в случае ее обратного путешествия, или он должен облегчить поиски, предметом которых могла стать та же экспедиция. В обоих случаях они

бы остереглись делать пометку, противоречащую принятому ими направлению. Несомненно, тут была их стоянка, и отсюда они взбирались по откосам этих скал. Но как, черт возьми, это им удалось?

Леон Беран решил возможно лучше исследовать береговые обрывы.

Карабкаясь по скалам, он приблизился к тому месту гранитной скалы, где был начертан латинский крест. У него вырвался крик изумления.

– Да здесь лестница.

Сумерки, бессонная ночь, световые переливы утренней зари мешали ему разглядеть легкие скалистые выступы, на некотором расстоянии один от другого, как бы природные ступени, по которым можно было достигнуть вершины берегового обрыва. Легко сказать – лестница. Очевидно, один из чернокожих проводников, держась за лианы и ветки деревьев, совершил успешно восхождение, захватил с собой веревку и, таким образом, устроил удобный подъем и спуск для всех членов экспедиции между уровнем воды и вершиной скал.

– Сомнения нет, – пробормотал исследователь, – здесь их след.

Он повернулся к Мадембе.

Негр, воспользовавшись остатками костра, приготовил горячий завтрак из сгущенного кофе и молока.

– Хорошо кушать, мессиз, – улыбаясь белизной своих зубов, пригласил он своего патрона.

– Ты чудесно придумал, Мадемба, что приготовил много молочного кофе. После пережитых за ночь волнений это нас хорошо подкрепит.

И Леон Беран с большим удовольствием принялся за завтрак.

Затем, осмотрев еще раз бухту, он отдал приказ:

– Мадемба, мы должны собраться, чтоб идти пешком.

– Да, мессиз. Но где мы идти?

– Наверх.

Изумленный негр поднял голову и смотрел по направлению, указанному Леоном. Это была вершина обрыва над тем местом, где краснел крест.

Мадемба отрицательно покачал головой.

– Невозможно, господин. Мы не птицы.

– Нет, Мадемба. Но можно карабкаться по скале. Я исследовал это вблизи только что.

– Если ты смотреть, очень хорошо, – доверчиво ответил негр, фаталист, как и все его сородичи.

– Мы частью разгрузим лодку, подтянем ее насколько можно дальше, в это скалистое углубление. Ты нарежешь веток, и мы ее почти всю ими накроем.

Тщательно осмотрев багаж, Беран оставил в лодке только то, что они не могли взять с собой.

Негр в это время, вооруженный топориком, рубил ветки. Затем он помог исследователю переправить лодку под скалистый выступ, где она была укрыта в случае возможной непогоды.

В свои мешки Леон Беран уложил консервы, ружейные заряды, алюминиевую кухонную посуду, походную аптечку. Он колебался, брать ли ящик с динамитом.

– Стоит ли его брать? Трудно сказать. Некоторую дозу, пожалуй, лучше взять.

Так он и сделал, и в каждом мешке оказалось по двадцать тщательно упакованных зарядов. Маленькая кирка и толстая веревка дополняли ношу Мадембы, а сам он прицепил к своему поясу небольшой топор в футляре.

Что касается вооружения, то у каждого было по карабину, стреляющему разрывными пулями, автоматическому пистолету и по широкому охотничьему ножу.

– Тяжело нести все это, – думал исследователь, – но уж лучше медленнее идти, чем оставаться без защиты перед нежелательными посетителями вроде тех, что были в эту ночь.

В глубине души он рад был отправиться в эту экспедицию. Переправа через болото сильно его тяготила, лишая физической подвижности. Он предпочел все опасности не-

ведомого в будущем возобновлению томительного плаванья.

Он решительно надел на спину свой мешок, негр последовал его примеру.

– Мадемба, – обратился он к негру, – мы будем продираться вдоль скалы. Я пойду вперед, чтоб проложить дорогу, если будет нужно. Ты последуешь за мной.

– Да, мессиз.

– Я думаю, что члены экспедиции прошли здесь. И, если я не ошибаюсь, мы, наверное, найдем их следы наверху или на противоположной стороне скалы.

– Да, мессиз.

– Ты оптимист, Мадемба. Прекрасно. Во всяком случае, мы будем искать. И, если мы ничего не найдем, мы вправе вернуться на судно и продолжать наши поиски водным путем.

– Да, мессиз.

– Итак, в дорогу.

В несколько минут они достигли подножья скалистого откоса и стали взбираться.

Под лучами жгучего солнца, в тяжелой атмосфере подъем оказался гораздо труднее, чем предполагал Леон Беран.

Выступы скалы, которыми они пользовались, были расположены в действительности совсем не так удобно, как ступени лестницы; перебираться с одной на другую было еще опаснее, чем ползание альпинистов по головокружительной стене Мон-Сервина, само по себе также крайне опасное, где передвижение с одной зарубки на другую приходится делать при помощи рук и ног.

– Черт возьми, – ворчал Леон, задохнувшись, несмотря на свою тренировку, и с пересохшим от жажды горлом, – если ученые прошли здесь, – это не могло им понравиться. Правда, при помощи заранее протянутого каната взбираться было значительно удобнее.

Времени от времени он присаживался на небольшой выступ и, наклонившись над обрывом, искал глазами своего спутника.

Неизменно негр следовал за своим господином. Гораздо более подвижной и привыкший к тропической жаре, он выглядел менее усталым. И когда их взгляды встречались, широкая улыбка освещала его лицо.

Наконец, после трехчасовых усилий, цепляясь руками и ногами то за выступы скалы, то за ветки деревьев, то за гигантские лианы, Леон Беран достиг верха обрыва.

Он изнемогал... Несмотря на свое живое и вполне понятное любопытство, Леон повалился на землю, тяжело дыша и в полном бессилии. Через несколько мгновений к нему присоединился негр.

– Уф, Мадемба жарко.

И уселся около своего предводителя...

Но скоро он поднялся, отбежал на несколько метров по направлению к скале, одиноко возвышавшейся среди отлогой покатости, которая сходила к краю обрыва, и крикнул:

– Господин, господин. Здесь есть хорошо, другие прошли здесь. Вот знак.

Беран также подбежал.

Действительно, новый красный крест выступал на фоне скалы.

– Мои предположения оказались правильными. Направление угадано верно... Будем его держаться.

С большим интересом он рассматривал окружающий пейзаж.

Сзади было болото, но с этой стороны вдалеке ничего не было видно: поднимался пар, прозрачный вблизи, но непроницаемый на расстоянии. Поэтому невозможно было проследить и, хотя бы приблизительно, определить пройденный путь.

Впереди шла плоская, слегка покатая возвышенность. На значительное пространство она представляла совершенно голую скалу. Серый и розовый гранит, красный и зеленый порфир, слюдяной гнейс, сверкающий мелкими гранями, прихотливо сочетали тут свои оттенки. На горизонте поднималась темная масса, отграничивая видимое пространство.

– Лес, несомненно, – рассуждал исследователь. – На этот раз мы достигли твердой земли; должно быть, это остров среди громадного болота. Но как далеко идет он в длину? Надо пройти посмотреть. Ученые, нет никакого сомнения, отправились с этой стороны.

Он рукой указал направление своему спутнику и крикнул:

– Вперед, Мадемба, довольно слоняться.

Они взяли свои мешки, оружие – и двинулись прямо вперед.

Путь был довольно трудный из-за больших неровностей раскаленной почвы.

Густой воздух был недвижим; всякая жизнь замерла везде, вокруг них было сухо и безмолвно.

После доброго часа ходьбы темная масса определилась. Это был лес, но лес громадный, сказочный, невиданный, насколько можно судить издали. Самая пышная тропическая растительность казалась карликовой по сравнению с этой.

– Тьфу, пропасть. Нелепостям нет конца, – рассуждал про себя Леон Беран. – И нет оснований ждать, чтоб они прекратились. За птерозаврами доисторический лес. Храни нас Бог от того, что он в себе скрывает. Огради от козней дьявольских.

Мадемба был лишен возможности подвести научное обоснование всему видимому и молчал. Но возрастающее изумление с изрядной долей смутного ужаса все более охватывало его. Проявление могущества неведомого колдуна продолжалось и там, в этом не было для него никакого сомнения.

Изнемогая от удушливой жары, Леон ускорил шаги: он надеялся на опушке громадного леса найти хоть немного прохлады или хотя бы тени.

И вскоре действительно странные веяния коснулись обоих путешественников. В них не было ни малейшего сходства с лесными запахами Старой Европы. И только до некоторой степени они напоминали одуряющие испарения тропического леса; чувствовалось жаркое дуновение непро-

нищаемых чащ и острая, пьянящая, зловредная затхлость гумуса, на которой не ступала нога человека.

Но вот наконец и первые проявления жизни: громадные мухи, пальца в два величиной, зеленые, с красной головой, реяли с жужжанием вокруг пришедших.

Непривычный запах этих странных гостей ничего, конечно, им не говорил, и фантастические мухи, кружась вокруг белого и чернокожего, близко не подлетали.

Это несколько успокоило Мадембу. Бедняга дрожал всеми членами при появлении этих насекомых, несомненно зловредных.

Если бы его не ободряло полное спокойствие Берана, он бы, наверное, обратился в бегство.

Решив заранее ничему не удивляться, Леон Беран вызывал в памяти свои школьные познания, чтоб разобраться в породах деревьев.

– Тюльпанные деревья, но каких размеров. Фантастические смоковницы со стволом, толстым, как башни собора Нотр-Дам, и, наверное, не менее высокие. Вот и пальмы, в этом нет сомненья, хоть я и с трудом различаю ветви, венчающие их головокружительные вершины. Гигантские плауны, размером раз в десять превосходящие те, какие мы видели в болоте, а и те были внушительных размеров. Эти колонны – бамбуки, деревья с вьющимися ветвями – эвкалипты; а эти арки мостов, конечно, лианы. И все это сжато, спутано, непроходимо. Как можем мы пробраться внутрь? Наш топор разлетится вдребезги от самой тонкой из этих лиан. Да, много еще хлопот нам предстоит.

– Мессизэ, мессизэ, хижины, – закричал негр, указывая на белые предметы, вышиной в несколько метров и с зонтообразной верхушкой.

– Что ты говоришь? Хижины?

– Да, мессизэ.

Исследователь остановился, стараясь разглядеть это странное скопление в углу леса, свободном от лиан, у подножия тысячелетнего дерева.

Через минуту он разразился громким смехом.

– Нет, Мадемба, это не хижины, а грибы. Только, как и все здесь, невиданной величины, вот и все. Но я было подумал, что ты не ошибаешься.

– Здесь нет хорошо, – ворчал негр, щелкая зубами. – Еще колдун. Мы уйти, мессиэ.

– Уйти? Ты шутишь. Мы расположимся в тени этого чуда природы и будем, надеюсь, прекрасно себя чувствовать. Почва покрыта толстым ковром из моха и лепесточницы. Мы там позавтракаем, мой добрый Мадемба, если хозяева леса сообразоволят нам это разрешить. А после – посмотрим.

– Если мессиэ хочет. Но мессиэ нет разум, – с сожалением согласился негр.

Оба направились к деревне гигантских грибов и, сбросив на землю свой груз, растянулись на мху, под густой тенью.

Глава V

ТРЕВОЖНОЕ ОТКРЫТИЕ

Путешественники нашли тень, но не прохладу. Если не было больше ослепительного отблеска от голой скалы, если солнце не жгло их лица и затылки, если, одним словом, они спаслись от ада, то до рая им было еще далеко. Атмосфера была страшно тяжелой, вдыхаемый воздух казался плотным, почти липким. Царила жаркая сырость. По временам до них доходили противные испарения гумуса, сильные запахи, от которых кружилась голова. Но после сильного утомления, в полузабытьи, они все же физически наслаждались покоем.

Прошло около часу.

Превозмогая истому, Леон Беран первый пришел в себя.

– Теперь, Мадемба, надо есть, затем, прежде чем наступит ночь, мы попытаемся ознакомиться с лесом.

Они открыли коробку консервов и разделили ее, потом выпили немного кофе, оставленного в запас с утра.

В лесу, вокруг них, кипела жизнь.

Смешанный гул ее настораживал их слух: тут был и шелест травы под громадными пресмыкающимися, заметить которых было нелегко; и гортанные крики, доносившиеся из глубины леса, и постукивание мощных клювов по стволам деревьев, и треск в непроницаемых чащах листвы, когда проходили странные обезьяны с зеленой спиной и красным носом.

– Макаки, – шептал исследователь.

Вдруг шум крыльев заставил их вздрогнуть. Они подняли головы.

Показались огромные птицы. В противоположность птерозаврам, они были покрыты перьями совсем черного цвета. Стая была многочисленна. Точно темная тень, пронесся

их полет. Они опустились на древовидные папоротники и, каркая, разглядывали обоих путешественников.

– Порода воронов. Это ничего. Не бойся, Мадемба, – успокаивал Леон Беран.

– Мадемба нет страха, – ответил негр, хотя и не слишком уверенно.

Важные и комичные птицы начали какой-то танец, двигаясь, как по шесту, к самому концу ветки, пока одна из них не упала: она полетала с минуту, яростно каркая, и затем спустилась на землю, в нескольких метрах от людей. Птицы с тихим урчанием тайно совещались и чередовали танцы с хождением взад и вперед, с видом причудливым и пронизательным; у них были ужасные челюсти, похожие на большой нос в конце головы, все черно-синее туловище было точно мууровое.

Их далеко слышимое карканье не могло не привлечь новых гостей. С заоблачной высоты, тяжелоесными взмахами крыльев, спустились два громадных хищника; их голые плечи, очень крепкие, были украшены красивыми воротниками из белых перьев; продолговатая голова, светло-пепельного цвета, походила на голову млекопитающего, вроде верблюда, кенгуру или антилопы.

– Эти опаснее, – думал Леон. – Они, конечно, приходятся предками нашим хищникам. Только, мне кажется, падаль их не удовлетворит и они способны напасть и на живых людей. Будем осторожны.

Спокойно, не торопясь, он взял ружье.

Хищники, присевшие на землю, были неподвижны, как два сторожа; шея выступала прямо из груди, крылья походили на плащ, украшенный бахромой из перьев.

– Ширина их распростертых крыльев достигает, пожалуй, десяти метров, – не теряя их из виду, соображал Леон. – А их когти, брр... они чудовищны.

Птицы не подвигались, наблюдая.

Затем, утомившись ожиданием, они, припрыгивая, проскользнули под лесной покров, обратили в бегство все живое и исчезли.

Мадемба вздохнул с облегчением, спутник его улыбнулся, но ничего не сказал.

Взвалив на себя свою ношу, путешественники проникли в лес. Мадемба шел впереди, расчищая топором проход через громадный кустарник. Следом за ним шел Беран с ружьем в руке, остерегаясь засады.

Хоть солнце еще стояло высоко, его лучи не проникали через листву тысячелетних деревьев. В лесу царил сумрак, и потому многочисленные звуки окружающей жизни становились тревожнее.

Леону стало тоскливо.

– Днем, – размышлял он, – дикие звери спят, но что же будет ночью?

Они шли медленно, с большим трудом прорубая лианы, пользуясь редкими проталинами, чтоб скорее пройти вперед.

Леон Беран часто сверялся с компасом, опасаясь сбиться с прямого пути, что всегда возможно среди густого леса, где невозможны отметины.

– Ты ничего не заметил до сих пор, что бы могло служить признаком прохода экспедиции? – опросил он после нескольких часов затруднительного продвижения через лес.

– Ничего видел, мессиз, – ответил Мадемба.

– Возможно, что они шли другим путем? Впрочем, в таком климате так быстро все растет, что в несколько дней исчез бы всякий след наших предшественников.

Вдруг лес поредел, кустарники стали не так непроходимы.

– Смелей, Мадемба, мы подходим к лужайке, на которой и расположимся.

– Я так же думать, мессиз.

Внезапно в нескольких метрах от них из густого кустарника пробежало странное животное. Оно было невысоко, на коротких лапах, волочило за собой панцирь из шести-гранных пластинок в несколько метров длины, из которого выходила длинная шея с треугольной головой на конце, также прикрытой панцирем; животное скрылось неуклю-

жей, но быстрой пробежкой, в том же направлении, по которому шли путешественники.

– Глиптодон, – изумился Леон Беран, – черепаха. Значит, мы найдем здесь хоть немного воды.

Не пройдя и ста метров, они действительно вышли из леса к довольно широкому ручью, берег которого зарос высокой травой. В траве было много цветов, которые выставляли свои широкие лепестки самой разнообразной окраски. Несмотря на все свое желание, Леон не мог их определить, ни один не походил на те, какие ему были известны.

На берегу реки, в гигантских колючих кустарниках, раздавалось громкое жужжание живых существ, принадлежавших к разным породам насекомых.

– Какая странная вода, – раздумывал Леон, стоя на берегу речки и вглядываясь в ее течение. – Я бы очень желал знать ее удельный вес; он больше, чем у обыкновенной воды; ее химический анализ мог бы дать интересные результаты.

Он вспомнил об ученых.

– Никаких новых следов... Но если они пытались идти через лес, то, я думаю, они не могли не воспользоваться течением этой речки, в лесу очень трудно идти. Идя по берегу, мы должны заметить их след. Это будет нашей задачей на завтра.

Негр внимательно разглядывал реку.

– Иди, Мадемба... Что ты там увидел?

– Я увидел большое животное нырнуть. Я ждал, что оно выйдет.

– Молодец. Ты приспосаблиешься и забываешь свои смешные страхи. Что это за животное?

– Похоже крокодил, но больше десять раз...

«Вполне понятно, – подумал Леон, – все та же последовательность степеней...»

Появился водоворот чуть не в сотню метров в окружности. Из воды высунулась ужасающая голова с двумя безжизненными желтоватыми глазами, с зияющей пастью в несколько метров, из которой видны были три рода острых

зубов, как у пилы. Трудно было разглядеть в воде размеры туловища, и, по-видимому, оно было в полном соответствии с головой.

– Ты прав, Мадемба, голова очень «похожа крокодил». Это, наверное, его прадедушка.

И, смеясь, он добавил:

– Так как не похоже, чтоб он был воинственно настроен, мы пока займемся устройством нашей стоянки. Ночь проведем здесь.

– Хорошо, мессиз.

– Ты поди и набери побольше сухих веток. Мы будем поддерживать большой огонь всю ночь, это, насколько возможно, защитит нас от вредной речной сырости, а также не подпустит докучных зверей.

– Да, мессиз.

Пока Леон вынимал из мешка все необходимое для их ужина, чернокожий, вооруженный топором, сделал большой запас дров, почти сухих.

Вслед за уходом солнца спустилась ночь. Они поужинали. Зажгли огонь.

– Теперь, Мадемба, спи, – сказал Леон, – я первый буду сторожить. Когда придет время меня сменить, я тебя растолкаю.

Негр не заставил себя уговаривать. Завернувшись в одеяло, он растянулся на траве в нескольких шагах от своего хозяина. Скоро раздался однообразный храп.

Леон уселся у костра так, чтоб его не слишком беспокоил жар, зажал ружье между колен, закурил трубку и, неторопливо выпуская одно колечко за другим, размышлял:

– Какое странное, изумительное приключение. Отыскать в центре африканского континента не только следы доисторического мира, но и этот мир, исчезнувший повсюду за тысячи тысяч лет до нас; видеть его живым и движущимся вокруг себя. Кружить по этому допотопному лесу среди апокалипсических чудовищ. Есть от чего сойти с ума.

Время от времени он подкладывал в огонь топливо.

Напрягая зрение и слух, он старался по звукам представить себе происходящее вокруг.

Необычность костра порождала тревогу и смятение среди лесных хозяев. Он чувствовал, что они бродят во множестве, но в достаточном отдалении.

Вдали раздавался вой, грозное рычание, неслыханный рев.

– Звери идут на охоту, – сообразил Леон. – Какой же величины могут они быть?

Кровавая луна поднялась над деревьями.

До его слуха достигал шум отчаянных галопов, свистки, ржание, крики громадных обезьян, прыгавших с ветки на ветку на головокружительной высоте.

Но самого его никто не тревожил.

Около полуночи он разбудил своего спутника.

– Теперь твой черед сторожить, Мадемба, не давай тухнуть костру; этого, мне кажется, достаточно, чтоб удалить опасных посетителей. Пока будет гореть огонь, тебе нечего бояться.

– Хорошо, мессиз, – ответил негр. – Я быть внимательный.

Сильно утомленный, Леон не замедлил уснуть.

За ночь ничего не случилось.

На заре они тронулись в путь, следуя, на этот раз, вдоль берега реки.

Изредка дорогу преграждали древовидные кустарники, через которые приходилось топором пролагать путь. В половине дня они пришли на довольно обширную, круглую полянку, ограниченную с одной стороны лесом, а с другой – рекой.

Через нее, спускаясь к реке, шел широкий след. Вся растительность на поляне была совершенно вытоптана. Почва веками утаптывалась и придавливалась животными, проходившими по ней на водопой.

Резкий запах больших зверей чувствовался в воздухе.

Леон Беран шел впереди; вдруг он остановился:

– Боже мой. Что это?

Он показал Мадембе разбросанные среди травы многочисленные обломки стали, смятые как бы сильными тис-

ками; в листьях одного кустарника прицепились лохмотья ткани.

Негр, нагнувшись, собрал несколько кусочков металла, внимательно их рассмотрел, и затем, протягивая Леону, сказал:

– Ружье.

– Я это сразу увидал, – ответил тот. – Несомненно, здесь произошло что-то ужасное. И это случилось не очень давно: металл чуть заржавел.

Добравшись до одного из лоскутков хаки, он спросил:

– А это ты узнаешь?

– Да, мессиз. Это одежда французского мессиз.

– Ты прав, – подтвердил Леон.

На одной из пуговиц, пришитой к ткани, он разобрал марку парижского портного.

– Надо думать – здесь было нападение на членов экспедиции. Они потеряли свое оружие, оно было вдребезги разбито нападающими. Борьба была серьезной: доказательством может служить, что одежда одного из них была разорвана в клочки.

Рассматривая обрывок ткани, он невольно задал самому себе вопрос:

– Но кто же были эти нападающие, настолько сильные, чтоб скрутить и разбить, как стекло, прекрасно закаленную сталь? И что сделали они с учеными?

Глава VI

СТРАШНАЯ ВСТРЕЧА

Леон Беран был сильно встревожен. Его розыски в ближайших к месту борьбы окрестностях были безрезультатны.

Не было ничего, что бы говорило об участии ученых. Погибли они в борьбе? Были растерзаны на месте?

Последнее не казалось вероятным, тогда были бы найдены и другие остатки их снаряжения. Почему-то одно оружие вызвало ярость нападающих.

Следовательно, или они успели убежать, или уведены в другое место.

— Но куда же? В каком направлении?

Леон Беран, задавая себе этот вопрос, не надеялся найти ему разрешение.

— Если они унесены, то, возможно, что звериная тропа доведет нас до них или до того, что от них осталось. Если же им удалось скрыться, больше шансов их найти, идя по течению реки. А последнее предположение мне представляется вполне возможным. Если уж доктор Шифт смог скрыться, захватив с собой мистера Беккета, то двое других, более молодых, скрылись также. Но как все это произошло, невозможно понять. Итак, я буду следовать по течению реки.

Негр внимательно и со страхом следил за размышлениями белого. Не отдавая себе ясного отчета, он все же понял, что произошло сражение, в котором члены экспедиции сильно потерпели.

Нельзя сказать, чтоб это возбуждало в нем охоту к дальнейшему путешествию.

Ему и в голову не приходило покинуть своего спутника: он чувствовал, что один он все равно не сможет проделать

обратный путь. Но все же он с нетерпением ожидал решения Леона, из всех сил желая повернуть обратно.

И когда исследователь, полный решимости, отдал короткий приказ, он сделал гримасу.

– Вперед, Мадемба. Надо отыскать членов экспедиции.

Несмотря на нежелание, он не протестовал и пошел вслед за европейцем, который направил свой путь вдоль реки.

В течение нескольких часов они шли без помехи.

Им пришлось все же обойти огромное пресмыкающееся, вероятно, предка тифона, – чудовищное тело его, в несколько десятков метров длины, растянулось на солнце. Животное, должно быть, было сыто и переваривало пищу; при их проходе оно даже не пошевелилось.

Мириады больших насекомых жужжали под их ногами; но, смущенные непривычным запахом, а также дымом трубки, которую не переставал курить Леон, они не беспокоили путешественников.

День склонялся к вечеру... Никаких новых следов экспедиции им на глаза не попадалось. Какая-то безнадежность овладела Бераном. Идти вперед без всяких указаний было нестерпимо. Он боялся ошибиться в расчетах и пойти по ошибочному пути.

Вдруг поблизости раздался страшный топот, пригвоздивший на месте обоих путешественников. Мадемба задрожал всем телом. Стая животных с короткой шерстью, с открытыми ушами на узкой и продолговатой голове, с высунутыми языками выскочила из зелени и, не обращая внимания на людей, бросилась в реку и переплыла ее.

Шум ломающихся веток, разорванных лиан раздавался в лесу. Почва дрожала...

– Предки нашей собаки, – сказал себе Беран.

Из лесу ринулось, подобно барану, небывалое чудовище, покрытое черной кожей, толстой и шершавой, с отвратительной головой, на которой было шесть клыков, одни пригнутые книзу, другие загнутые вверх. Следуя примеру «собак», чудовище бросилось в воду, брызги поднялись столбом и окатили путешественников с головы до ног.

– Динотерий. Но от кого же он спасается? Как будто он достаточно хорошо вооружен для самозащиты?

Он сделал знак Мадембе, и оба скрылись в густом кустарнике.

Противный запах диких животных ударял в нос. В лесу все стихло, все звери единодушно испытывали страх перед какой-то большой опасностью.

Ветви опять раздвинулись. На опушке, между двумя плаунами, показалась животное.

При виде его сердце Леона забилося сильнее. На темном фоне деревьев выступал высокий профиль могучего зверя. Он был около трех метров в высоту и от шести до семи в длину. Голова представляла собой плоский лоб и очень широкие выдающиеся вперед челюсти. Его рыжеватая грива спадала на туловище, покрытое пестрой шерстью, как у пантеры. Большие зрачки с фосфорическим отблеском гневно горели. Из полуоткрытой вонючей пасти вырывалось рычание.

– Это – *Felis spelaea* – королевский тигр минувших эпох, ужас всех современников...

Раздосадованный ускользнувшей добычей, на которую он рассчитывал, тигр неистово встряхнул головой и втянул воздух.

Незнакомый запах человека должен был дойти до него, так как он бегло оглядел горизонт, довольно ограниченный. Но люди оставались невидимыми.

Медленно, с могучей грацией, он опустился к воде,

Случайность или инстинкт заставил его слегка уклониться к кустам, где скрывались оба путешественника.

Обезумев, потеряв всякую способность соображать, Мадемба поднялся и хотел бежать.

Гигантская кошка заметила его, короткий момент колебалась, затем гибким прыжком, несмотря на свои размеры, оказалась на нем. Но с непривычки к такой легкой добыче зверь плохо рассчитал свой скачок. Когти задней лапы опрокинули негра и глубоко поранили его плечо, но сам он упал несколько дальше.

Леон Беран, овладев собой, уже был на ногах и, взяв ружье на прицел, закричал.

Животное, услышав крик, удивилось, но повернулось, чтоб прикончить чернокожего. Мускулы напряглись, оно готово было опять прыгнуть. Леон не дал ему времени и выстрелил; вслед за первым раздался второй выстрел. Одна из разрывных пуль попала в лопатку. Другая, лучше направленная, через глазную впадину проникла в мозг.

Страшным толчком зверь был отброшен назад и упал мертвым.

Леон поспешил к Мадембе. Он был без сознания и потерял много крови.

Европеец исследовал рану. Это был широкий разрыв мускулов, который шел от плеча до уровня груди. Ключица была наполовину обнажена. Но ни один из важных органов не был потревожен.

– Какое счастье, – думал Леон. – Уцелеть от такого нападения.

Отыскав в мешке флакон с йодом, он смазал рану во всю ширину и, приблизив, насколько мог, куски тела один к другому, сделал перевязку.

От жгучего действия йода негр пришел в себя и застонал.

– Мой бедный Мадемба, тебе больно. Но успокойся, у тебя нет ничего опасного. Несколько дней отдыха, и все пройдет. Лежи спокойно, я уложу тебя поудобнее.

Сломав несколько веток с ближайших деревьев, нарезав листьев с кустарника, ко всему этому приложив несколько охапок травы, он устроил довольно мягкое ложе и перенес на него раненого. Затем он дал ему выпить рому и заставил проглотить две облатки хинина.

– А теперь, дружище, самое лучшее для тебя, если ты сможешь уснуть.

– Да, мессиз. Благодарю, мессиз, – слабо прошептал негр.

Не отходя далеко от него, Леон набрал необходимый материал для костра на ближайшую ночь.

Костер он разложил в форме круга, внутри которого было пространство, где лежал больной.

– Таким образом, – рассчитал он, – укрывшись барьером из огня, мне можно будет соснуть. Достаточно спать одним глазом и не дать потухнуть костру.

Его оптимистические предположения осуществились. Ночь прошла спокойно. Поблизости костра кишели только стервятники, привлеченные из глубины леса запахом падали. Сначала они дрались между собой, но кормежка была так велика, что борьба скоро прекратилась. Все хищники смогли разместиться на мертвом животном.

Сквозь пламя Леон Беран хорошо их различал. Но они были так же отвратительны, как и их потомки: гиены и шакалы.

Когда взошло солнце, от страшной кошки, которая еще вчера была неоспоримым владыкой леса, остался один остов, прекрасно очищенный. Раненый проснулся, его сильно лихорадило.

– Ну, Мадемба, как ты себя чувствуешь?

– Нет хорошо, мессиз, – жаловался негр.

– Ты преувеличиваешь. Это, конечно, скучно болеть и лежать неподвижно, но у тебя ничего не разбито, ничего серьезно не повреждено, я тебе это повторяю. Через несколько дней ты будешь на ногах. Чувствуешь голод?

– Нет, мессиз. Мне очень жажда...

– Да, у тебя лихорадка. На, выпей...

И он протянул ему стакан, в котором было немного рома с водой, вскипяченной за ночь на костре.

Негр выпил с жадностью, принял хинные облатки, предложенные Леоном, и, все еще слабый от потери крови, заснул.

Беран, опоражнивая содержимое одной из коробок с консервами, раздумывал:

– Как найти следы экспедиции? Не отклонился ли он в сторону, упорно придерживаясь течения реки? Необходимо проникнуть в лес, чтоб заняться поисками каких-нибудь указаний, могущих служить признаком их прохода. Но пока Мадемба будет лежать, об этом не приходится и думать. Судьбе угодно было превратить меня в сиделку, – исполним

покорно обязанности, которые она мне вручает. У каждого дня своя забота.

Он принялся ухаживать за раненым, делал перевязки, пичкал хиной и заставлял есть, как только лихорадка начинала уступать.

Поблизости от их стоянки проходило стадо оленей, предков нынешних. Леону удалось убить одного из молодых оленей, запас свежего мяса на время заменил консервы, что было полезно для обоих.

К счастью, никто из крупных хищников не подходил к ним во время их длительной стоянки. Они наслаждались почти полным спокойствием... За это время Леон лучше свыкся с гнетущей жарой в течение дня и томительной духотой ночи. Заботливый уход и сильный организм Мадемы восторжествовали. Рана мало-помалу закрывалась. Он уже без большой боли двигал рукой. Скоро он смог подняться.

Глава VII

МАХАЙРОД

На утро четвертого дня Леон Беран к своему удовольствию мог убедиться, что лихорадка у раненого прошла совсем. Хотя он теперь и стал на ноги, но был еще очень слаб, чтоб пуститься в дорогу.

И вот с какой речью обратился к нему Леон:

– Бравый мой Мадемба, ты теперь на ногах, но нечего и думать, чтоб ты отсюда двинулся. У тебя еще мало сил.

– Нет, мессиз.

– Я запасаю тебе топлива, чтоб ты мог при наступлении ночи зажечь большой огонь, если я до того времени не успею вернуться.

– Мессиз уходит. Оставить Мадемба один, – взывал встревоженный негр.

– Тебе нечего бояться. Я оставлю тебе два револьвера, и ты воспользуешься ими, если случай представится, одна рука у тебя здоровая. Чтоб наверстать немного потерянное время, я пойду в лес отыскивать возможные следы ученой экспедиции. Я постараюсь вернуться к ночи, но если мне не удастся, – не беспокойся, завтра утром ты меня увидишь.

– Хорошо, мессиз, – согласился негр,

Не теряя времени, Леон скрылся в лесу.

Прошло несколько долгих часов, прежде чем Леон пробрался через перепутанные лианы и кустарник к довольно широкой тропе; смятый и вытоптанный мох, сломанные ветки, раздавленные побеги делали ее легко заметной.

– Можно бы сказать, что эту тропу протоптало стадо гигантских слонов, – подумал исследователь. И пошел по ней.

Почти полдня продвигался он беспрепятственно через лес.

Солнце стояло довольно низко, когда он вышел на обширную поляну. Его приход обратил в бегство стадо диких ос-

лов, довольно больших по размерам; их топот замер в отдалении. В зелени деревьев были видны странные существа, обрывающие ветки с пронзительными криками.

Он смотрел на них с отвращением.

– Если б не их пучкообразный хвост и собачьи головы, их можно бы принять за людей, – размышлял он. – Это, вероятно, предки шимпанзе или гориллы.

Неуверенный в их отношении к себе и совсем не желая вступать с ними в борьбу, которая могла быть опасной ввиду их численности, Леон поспешил к группе деревьев, стоявших среди поляны.

– Здесь я устроюсь на ночь, – решил он. – Костер в виде круга, который я раскладывал во время болезни Мадембы, может быть надежной защитой от нападений.

И пока он поспешно набирал сухих веток и травы вокруг места, выбранного для ночлега, на тропе, по которой он пришел, раздалось мощное, тревожное рычание.

Он почувствовал, что волосы на голове у него стали дыбом.

В чаще деревьев вокруг поляны произошел переполох. Обезьяны попрятались на верхних ветках. Хриплое ужасное рычание, грозное пыхтение, беспорядочные прыжки тяжелого тела между деревьями. Затем на поляну выскочил гигантский черный лев, рухнул, перевернулся и остался лежать.

Вцепившись ему в загривок и судорожно сжимая острыми когтями и четырьмя длинными, тоже острыми скрещающимися клыками, торчащими наружу, другое животное, меньших, но все же внушительных размеров, повисло на нем.

Опьяненное победой, оно вытащило из раны свои огромные клыки и долго фыркало. Затем оно опустило в рану свою пасть и неторопливо стало пить кровь своей жертвы. Окончив обед, оно выпрямилось на лапах, потянулось, выгнув спину дугой, как кошка невероятных размеров.

Леон Беран прирос к месту, не решаясь шевелиться, из боязни обратить на себя внимание зверя. Он мог не торо-

пясь, до мелочей, рассмотреть мощное строение зверя, способного к быстрым движениям, к внушительным прыжкам.

Шерсть у него была красная с черными пятнами, подвижные когти и очень большие блестящие глаза.

Незнакомый запах вдруг привлек чутье зверя. Беспокойная дрожь пробежала по его спине. Он медленно повернул к Берану свою противную окровавленную морду и увидел человека. Удивленный, он замер на мгновение. Его захватило врасплох появление этого животного, такого мелкого по размерам; оно одно оставалось на открытом месте, тогда как обычно все разбегалось при его приближении. Сытый, он мог его пощадить. Но, повинувшись своему хищному инстинкту, напряг свои мускулы и прыгнул.

Леон Беран ловким движением прицелился. Пуля настигла зверя на полпути; она попала в пасть, причинив ему жестокую боль, зверь завыл. Но он не был ранен смертельно. Инстинктивное сокращение мускулов, под впечатлением боли, определило размер его прыжка, отклонив его в сторону.

В ярости он выпрямился и хотел броситься на врага.

Раздались два новых выстрела, почти в упор. Голова зверя откинулась. Все его мускулы разжались и еще раз отбросили его вперед, но Леон быстро уклонился, прыгнув в сторону. Животное упало на землю мертвым. Бледный, с сжатыми зубами, мокрый от пота, Беран с трудом переводил дух; вслед за сильным нервным напряжением наступила реакция.

После довольно долгого промежутка он глубоко вздохнул и, вытирая рукой пот со лба, проговорил:

— Я отделался легко.

Это было надгробное слово в честь зверя.

Не зная, с кем его отождествить, он приблизился к трупу, рассмотрел его вблизи и пришел к заключению:

— Я думаю, это — махайрод, или что-нибудь подобное. Мерзкое животное.

Солнце готовилось скрыться за горизонтом. Тени росли. Он спешил набрать веток, разложить их вокруг сравнительно узкого места и зажечь костер.

Он сел, прислонившись к стволу одного из деревьев, вынул металлическую фляжку и выпил глоток рома. Затем принялся медленно есть ломоть прекрасно зажаренной оленины, принесенной с собой.

За едой он думал о том, что в этих странах, столь негостеприимных, особенно страшно остаться одному.

– Мадемба проведет плохую ночь, но к нему вернуться я не могу.

Полная тишина в зелени деревьев, под которыми он устроился, его удивляла. В противоположность другим деревьям, на этих и следа не было какой-либо фауны. Он стал их рассматривать.

– Тюльпанные деревья, да... но какого рода? Мои познания в доисторической ботанике настолько слабы, что я не могу распознать их.

Затем в своем уме он перебирал эпизоды своего путешествия, начиная с появления птерозавров.

– Козни этого континента – каким-то чудом пережившего катаклизмы тысячелетий – бесчисленны. Несмотря на всю мою тренировку, они представляются мне страшными. Насколько же опаснее были они – увь! – для ученых, менее опытных в знании предательского тропического леса. Неужели они погибли?

Окончив еду, он поднялся, положил свежее топливо по всему кругу костра и пошел к подножью дерева, лег на мох и зевнул, охваченный каким-то странным оцепенением.

– Меня утомила ходьба, затем переживания этого часа. Соснем.

И он уснул тяжелым, глубоким сном.

Время шло.

В нескольких метрах от спящего, вокруг двух трупов, дрались стервятники. Ни их возня, ни хруст их добычи не будили его.

Мало-помалу костер догорал. Еще прошло сколько-то времени.

Огонь замер, и только уголья светились в непроглядной темноте.

Бледная заря занялась. Исследователь все спал.

Усевшись вокруг него на достаточном расстоянии, стервятники наблюдали его в раздумье.

Уж не новая ли это добыча для них? Но приблизиться еще не решались.

Да и место, выбранное им для отдыха, не нравилось всему звериному народу. Несмотря на свою жадность к еде, эти истребители падали общими усилиями оттащили довольно далеко труп махайрода, прежде чем стали им насыщаться. Эта непонятная подозрительность зверей охраняла сон человека.

С деревьев, окружающих поляну, спустились между тем обезьяны и направились к спящему; шли они короткими переходами, чередуя их с остановками, довольно продолжительными, во время которых они, усевшись на свой зад, уморительно жестикулировали.

Вдруг чудовищное насекомое, похожее на гигантского москита, с жужжанием стало кружиться над спящим, описывая вокруг него круги меньше раз от разу, и затем село ему на затылок.

Четверорукие, увидев это, в свою очередь, приблизились, перескочили через угли, теперь уже потухшие, и уселись в кружок на расстоянии не более метра от исследователя.

Но место, видимо, и им не нравилось. Они ежеминутно судорожно встряхивали головами, чихали, отодвигались назад.

Насекомое спокойно делало свое дело. Его хобот нащупывал вену, чтоб ее вскрыть и высосать кровь неизвестного, но терпеливого животного.

Вдруг его жало вонзилось. Кровь выступила на коже и слегка расплылась красным пятном. Это потревожило спящего, и он, еще бессознательно, неверным движением руки хотел отогнать докучливое ощущение. Ему это не удалось. Жало вонзилось глубже. Боль почувствовалась сильнее и наполовину прогнала сон от человека. Его рука поднялась к шее и сжала насекомое.

Тем временем одна из самых решительных обезьян вытащила у него мешок и в сопровождении своих единокровных оттащила добычу на несколько метров.

Чувствуя в своей руке какое-то странное тело, большое и живое, Леон Беран окончательно проснулся. Несмотря на свое почти инстинктивное отвращение, он его сжал, раздавил и отбросил подальше от себя.

С большим трудом он сел, открыл глаза и растерянно посмотрел вокруг.

С глубоким изумлением он увидал, что день уже наступил. Огонь, казалось, погас уже давно.

Но мысли медленно чередовались в его отяжелевшей голове.

После нескольких долгих минут полусознательного состояния, пересилив себя, он собрал всю энергию, чтоб встать на ноги и, опираясь на ружье, сделал несколько шагов.

В глазах все кружилось, сердце билось слабо.

Ему все же удалось достигнуть освещенного солнцем пространства, он опустился, сел и начал дышать возможно глубже. Мало-помалу мысли в его голове прояснились; движение крови стало нормальным; тоска не давила больше его грудь.

Чувствуя какую-то влажность на затылке, он коснулся его рукой, и она оказалась в крови.

– Однако, у меня все еще идет кровь, – проворчал он. – Это гнусное животное сильно укусило меня. Лишь бы только укус не был ядовит.

Он стал искать мешок, чтоб смазать ранку йодом, и не нашел его на том месте, где он его оставил. В замешательстве он вернулся на место и в нескольких десятках метров заметил потешавшихся обезьян, среди которых находился его мешок. Он направился к ним, но проворные четверо-рукие гримасничали, потешались, карабкались по гигантским стволам деревьев, унося мешок с собой.

Такая потеря для Берана была целой катастрофой.

У него ничего не осталось, кроме огнива, табаку, полного ружейного заряда. Ни еды, ни питья. В отчаянии он вернулся к подножию дерева; к счастью, он нашел там свою дорожную бутылку, револьвер и топорик.

– Они меня не совсем ограбили, – говорил он с горечью. – Но нет худа без добра... Что же, однако, случилось? Отку-

да этот тяжелый сон? Меня всегда так легко разбудить, не смотря на усталость.

В голове его блеснула мысль.

– Теперь я понимаю, почему так пусто было под деревьями и тихо в их листве... Эти тюльпанные деревья представляют собой не меньшую опасность, чем предательская максенилла. Испарения их листьев и коры ядовиты и вызывают постепенное оцепенение, подобно наркозу.

Он улыбнулся.

– При этих условиях, возможно, что своим спасением я обязан этому отвратительному москиту. Укус, а вслед за тем кровопускание меня разбудили от сна, который перешел бы постепенно в смерть.

Мороз пробежал у него по коже от этой мысли.

– Потеря мешка – только маленький выкуп за все это. Не будем о нем слишком много жалеть. Тем более что всякие сожаления бывают тщетны.

Вслед за тем, обсуждая положение, он решил:

– Без провизии нечего и думать продолжать поиски, к тому же тщетные до сих пор. Поэтому прежде всего нужно вернуться возможно скорее к нашей стоянке.

Глотнув немного рому, он отправился в обратный путь той же дорогой, какой шел накануне. Сначала – звериной тропой, потом – им самим расчищенным путем он шел довольно быстро. Скоро после полудня он уже был недалеко от берега реки.

Негр ждал его в сильном беспокойстве.

Приходу Берана он чрезвычайно обрадовался.

– Да вот и я, Мадемба. Не солоно хлебавши и без мешка. В общем, злосчастная экспедиция. А здесь ничего нового?

– Ничего, мессиз... Мой совсем хорошо теперь.

– Чудесно. Завтра мы отправимся. А пока до ночи теперь, в свою очередь, дай мне отдохнуть. Я очень устал. Я засыпаю.

– Спи, мессиз. Мадемба стеречь хорошо, – ответил негр с доброй улыбкой.

Глава VIII

ПЕРЕД НЕПРИСТУПНОЙ СТЕНОЙ

Леон Беран спал долго. Он не слышал, как Мадемба перед заходом солнца набрал топлива и как он зажег костер. Большая половина ночи прошла, прежде чем он проснулся и не сразу сообразил, где он находится.

Мадемба сидел, со всех сторон окруженный огнем, с ружьем между колен и улыбался.

– Мадемба, почему ты не разбудил меня? Ночь наступила давно.

– Мессизэ очень хорошо спал, мессизэ устал, – ответил негр.

– Что я устал – это правда. Но не настолько, чтоб не мог сторожить в свою очередь. Тем более что ты еще не чувствуешь себя сильным.

– Я очень сильно... Совсем вылечился.

– Тем лучше. Завтра посмотрим, а пока ложись и спи. Я буду поддерживать огонь.

Недолго пришлось сторожить Берану. Через несколько часов в лесу ночные звуки стали стихать. Во всей природе водворилось безмолвие – предвестник короткой зари. Огромные ночные бабочки уже не налетали на пламя костра. Затем над лесом поднялся красный диск солнца... и опять наступила жара.

– Мало-помалу начинаешь привыкать к этой температуре. Мне будет немного прохладно в Конго, когда я туда вернусь.

Он покачал головой.

– Если только мы когда-нибудь вернемся...

Но он поспешил отогнать пессимистическое настроение и разбудил своего спутника.

Состояние здоровья Мадембы не оставляло желать ничего лучшего. После осмотра оказалось, что рана быстро заруб-

цовывалась, не было никакого просачивания, мускулы срослись, а нерв оказался неповрежденным, так как левая рука могла двигаться совершенно безболезненно.

– Прекрасно, – заключил Леон. – Ты совсем здоров, Мадемба. Но помни, тебе дорого могла обойтись твоя выходка, вперед старайся сохранять хладнокровие.

Перед отходом Беран решил хорошенько поесть, чтоб не делать привала до конца дня и, таким образом, выгадать время.

Кроме того, необходимо было подсчитать запасы. Потеря одного из мешков давала себя знать.

После еды он приказал негру опростать мешок.

– Тридцать жестянок разных консервов, полная бутылка рому, спирт, хинин, висмут, йод... Двадцать зарядов динамита, пятьдесят – ружейных. Кроме того, заряды для автоматического револьвера... Всего достаточно, чтоб продолжать наши поиски.

Он уложил в мешок все это богатство и наказал Мадембе:

– Взвали на себя и береги как зеницу ока; если ты это потеряешь – мы погибли.

– Да, мессиз.

Путешественники пустились в путь, придерживаясь течения реки.

После полудня они подошли к довольно большому озеру. Леон Беран стал обозревать окрестность. На расстоянии нескольких сот метров от них виден был высокий, скалистый водораздел. С одной стороны он уходил далеко в лес, так что, насколько мог видеть глаз, гребень его поднимался над верхушками деревьев. Со стороны озера скалы круто обрывались и только на расстоянии нескольких километров оттуда виден был пологий спуск к воде.

Путешественники направились к скалистому массиву и быстро до него дошли. О подъеме на него нечего было и думать.

Каменная стена зеленоватого цвета с красными прожилками, почти до гладкости отполированная, была неприступна.

Леон Беран долго раздумывал, прежде чем на что-нибудь решиться. Перспектива вновь прорубать в лесу путь через деревья и кустарники, чтоб обогнуть препятствие, казалась ему непрактичной во всех отношениях: времени и сил потребуется много, да и не миновать неприятных встреч. Все-го легче было бы по воде обогнуть неприступный массив, но не доставало какого-нибудь судна. И вдруг у него мелькнула счастливая мысль.

– Как это сразу не пришло мне в голову, что можно соорудить плот.

Он позвал негра, мирно сидевшего в ожидании решений своего предводителя.

– Мадемба, пятнадцать таких бамбуков.

– Да, мессиз, – ответил негр, не задумываясь о том, зачем они понадобятся.

Через час гигантские бамбуки были срублены, и Леон вместе с Мадембой оттащили их на берег озера.

– Теперь остается их только крепче связать, на это потребуется несколько лиан.

Он сам срезал их, выбирая наиболее гибкие, чтоб легче было употребить их в дело.

Двенадцать продольных и три поперечных бамбука были прочно скреплены между собой.

– Вот готов наш плот, самый замечательный по своей легкости, а отталкивать будем вот этими громадными камышами.

Он срезал их. Затем с помощью негра он спустил плот на воду.

– Трогаемся в путь, Мадемба.

Негр повиновался.

Одного движения их камышей было достаточно, чтоб легкое судно тронулось с места.

Не желая отклоняться от берега, насколько это позволяли странные водяные растения с длинными спутанными волокнами, студенистые, как водоросли, но самой яркой и разнообразной окраски, путешественники довольно быстро плыли вдоль скалы.

Время от времени видны были отверстия, точно окна, выходящие на озеро, вероятно, входы в глубокие пещеры.

Скалистый откос постепенно понижался. На его покато-сти, где осел гумус, растительность была так же густа, как и в лесу. И породы здесь были те же, насколько можно было судить с озера. Через час такого плавания скала исчезла, берег стал песчаным.

– Теперь причалим, Мадемба, – приказал исследователь.

Через несколько минут, миновав полосу водяных растений, плот был втащен на берег.

Они спрыгнули на землю, обратив в бегство черное пресмыкающееся изумительного вида, с раздутой шеей, как бы с двойным отвратительным зобом.

– Брр. Хорошо, что оно так просто уступило нам место. Или я ошибаюсь, или это ядовитая змея, вероятный предок ужасной кобры.

Солнце уже низко стояло над горизонтом. Кровавые полосы протянулись по небу, отражаясь в черной воде озера. Вдали, на противоположном берегу, можно было видеть чудовищных амфибий, – они то погружались в воду, то плавали, то возвращались на берег и там валялись в песке. Зрелище были величественное, беспримерное, производящее сильное впечатление.

– Мы переночуем здесь, Мадемба. Заготовь топлива для костра.

Пока негр был занят, исследователь с ружьем наготове пошел вдоль берега. Он искал дичи для вечерней трапезы. Вскоре на берегу маленькой бухты он заметил пару животных, пришедших на водопой. Они не слышали его шагов. Эти животные на тонких высоких ногах были покрыты серой шерстью. На голове предводителя красовались чудные рога. У обоих носы были горбаты, сильно выгнуты и раздуты, начиная от глаз.

– Какая-то доисторическая антилопа – ее мясо, наверное, съедобно.

Хорошенько нацелившись, чтоб не пропал заряд даром, он выстрелил в рогатое животное.

Настигнутое пулей, оно свалилось, тогда как его товарищ, обезумев от страха, скрылся в ближайшей заросли.

На выстрел прибежал Мадемба.

Исследователь указал ему на убитое животное, пояснив коротко:

– Свежее мясо.

Мадемба, не дожидаясь дальнейших объяснений, подошел к животному. С помощью своего ножа он отрезал заднюю ногу и, сгибаясь под тяжестью, догнал Берана, который подходил к месту стоянки.

Мясо было нарезано довольно тонкими ломтями и поджарено на огне. Часть этого питательного жаркого была съедена путешественниками во время вечерней еды. Остальное, завернутое в широкие листья, было уложено в мешок в запас на следующий день.

Наступила ночь. Первым, по принятому обыкновению, сторожил белый; затем, разбудив своего спутника, он лег спать до наступления дня.

Глава IX

МАМОНТ И СТРАННЫЕ СУЩЕСТВА

Еще не занималась заря, когда оглушительные раскаты рева, похожие на гром, разбудили Берана.

Он сразу вскочил. Около него всем телом дрожал негр и шептал:

– Это, наверно, колдун, мессиз.

Ужасный треск ломающихся веток, поваленных деревьев приближался.

Вскоре на несколько сот метров ниже, чем была расположена их стоянка, показалась настоящая движущаяся гора.

При бледном свете луны можно было различить животное чудовищной величины, ноги его походили на каменные столбы больших соборов, тело вместе с необыкновенно развитым хоботом и чудовищными клыками достигало фантастических размеров.

– Мамонт, по меньшей мере, – прошептал пораженный исследователь.

Апокалипсический зверь, откинув хобот назад, рассматривал костер. Для его слабо развитого сознания эта мелькающая краснота в уровень с землей была, конечно, величиной неизвестной.

Пока он раздумывал, как ему вести себя дальше, Леон Беран попробовал приблизительно его измерить, но скоро отказался.

– Если б его не испугал огонь, а любопытство привело к нам, мы бы погибли: он бы обратил нас в прах, не отдавая даже себе в этом отчета.

Но животное перестало обращать внимание на костер. Оно направилось к озеру и долго утоляло свою жажду. У костра было слышно, как жидкость с шумом, подобным водопаду, проникала в пищевой канал. Удовлетворившись, мамонт зафыркал, снова заревел, затем скрылся в лесной

чаще. Катастрофический шум, свидетельствующий о его проходе по богатой растительности, их окружавшей, стал стихать.

– Ну что ж, Мадемба, видел колдуна? Не очень он сердит, а? Не кто другой в конце концов, как только очень большой слон.

Негр покачал головой. Он даже больше не дрожал, но мрачное настроение оставалось.

– Не хорошо здесь, – вздохнул он, не определяя точнее своих тревог.

До рассвета было уже недолго, и Леон Беран не пытался снова заснуть. Он закурил трубку и хмуро задумался.

Луна скрылась. Ночная темнота мало-помалу начинала редеть.

Наступил день.

Взгляд Берана часто останавливался на скалистом откосе, нависшем над озером.

Ему казалось, что там двигались какие-то тени, но как он ни старался, он ничего не мог разглядеть.

– Галлюцинация, – думал он, – и в этом нет ничего удивительного после нервного напряжения этих дней.

Стало совсем светло. Но солнце не показывалось, жара была еще невыносимее, чем обычно, небо казалось низким, серый день томительно навис.

– Или я ошибаюсь, или сегодня будет гроза. Это сулит нам некоторое развлечение.

Он поднялся, чтоб подойти к негру, который приготовлял завтрак у потухающего костра. Шум падающих с откоса камней заставил его обернуться.

Пораженный увиденным, он не мог сдвинуться с места.

На опушке леса, в нескольких десятках метров от него, показались три мохнатых существа. Они бежали вдоль скалы, цепляясь за ее неровности четырьмя своими членами; скоро их нагнало и присоединилось еще одно такое существо. Пришедшие держались на задних ногах. Их спины были согнуты, узкие плечи наклонялись вперед. Грудь выдавалась, как у собаки. Голова была неповоротлива, с громадным кадыком и с очень отлогим лбом. Острые уши были

похожи на уши человека и на уши шакала. Шерсть на черепе имела вид хохла, тогда как по бокам была короткой и щетинистой. Руки были относительно короче, чем это бывает у обезьян. Спина не кончалась хвостатым придатком.

Выжидая, что будут делать эти странные гости, Беран держал наготове свое ружье.

– Они, очевидно, живут в пустотах, которые я вчера заметил вдоль откоса, – подумал он, – но каковы их намерения? Войнственные или мирные?

Вновь пришедшие не двигались. Глаза у них были больше, чем у обезьян, и они пристально смотрели на белого. Кожа на лбу быстро сдвигалась и раздвигалась. Слышно было, как скрежетали их сжатые челюсти.

– Черт бы их побрал, – проворчал он. – Манифестация достаточно внушительная.

Он заметил, что в руках у них были острые камни.

– Нет сомнения, – думал он, – это еще не люди, но они не так от них далеки. То, что они без всякой опоры держатся на задних ногах, что-то необъяснимое во всем их положении, в их редких жестах, все это доказывает, что эти существа гораздо более развиты, чем гиббоны, макаки и другие четверорукие, каких я только знаю. Кроме того, эти обтесанные камни, которыми они вооружаются, едва ли единственные вещи, какие они обделывают.

Он не хотел стрелять, прежде чем эти странные существа не проявят каких-нибудь враждебных действий. Между тем они совсем не предполагали уходить. А Беран чувствовал, что нужно сниматься с места, чтоб найти какое-нибудь убежище от неминуемой грозы.

Отойдя немного назад и не теряя их из виду, он подошел к костру.

Мохнатые существа, сговорившись друг с другом при помощи хриплых звуков, похожих на рычание медведя, но очень неясных, подвинулись вперед на несколько метров, восстанавливая таким образом прежнее расстояние между ними и белым.

Рычание их привлекло внимание негра. Пораженный, он стоял с сосудом в руке, в котором готовил кофе из сгу-

щенного молока, кипяченой воды и кофейных облаток.

Леону пришло в голову, что существа эти не знают, наверное, огня и должны его испугаться.

Он крикнул:

– Мадемба, возьми ветку, зажги ее и брось изо всех сил в них.

Негр повиновался.

Горящая головня упала к ногам группы и встревожила их. В несколько прыжков они были у ближайшего дерева и с удивительной быстротой взобрались на верхние ветки и скрылись в густой листве и запутанных лианах.

– Скорей, Мадемба, воспользуемся отсрочкой, чтоб успеть позавтракать и собрать наши пожитки. Необходимо найти убежище, а то я боюсь урагана.

– Меня думать также, мессиз, – подтвердил негр.

В один миг они собрались и готовы были идти.

Без колебания, по следам, протоптанным мамонтом, Леон Беран углубился в лес, а за ним и негр.

Над озером поднимался пар. Небо было молочного цвета. Слышны были отдаленные крики оленей, мычание невидимых рогатых.

Все породы зверей были охвачены тревогой. Исследователь ускорил шаги, почти бежал, протоптанный путь через лес раздваивался. Он бросился влево, по направлению к откосу.

– Со стороны скалы, – думал он, – мы скорее найдем или выступ, или пещеру, чтоб там укрыться.

Пронесся страшный порыв ветра, с шумом пробежал по верхушкам, взвившись спиралью, неистово срывал листву. Затем наступила давящая тишина.

В лесу примолкло все. Наши путники смутно видели какое-то животное, промчавшееся во всю прыть. Даже насекомые скрывались в щели древесной коры.

Вспышки необычного бледного света прорезывали теперь лесной край. Но они казались отдаленными. Видна была уже молния, но грома не было слышно.

– Скорей, – торопил исследователь и пустился бежать, – гроза приближается.

Наконец след вывел на край леса.

Не далее, как на сто метров от них, в голой скале, они увидали выступ, под которым можно было укрыться.

Они добежали туда и, едва переводя дух, повалились на землю.

Мадемба, испуганный ревом урагана, время от времени поднимал голову, предполагая, что крылатые звери чудовищного вида сражались в облаках. Рев грозы напоминал голоса львов, заблудившихся в горах. Сверкания молнии слепили глаза. Сквозь темную клубящуюся стену паров, отливавшую фосфорическим светом, проникло журчанье ручья, в несколько минут оно было уже стремительным шумным потоком.

По временам обрушивался гром, треск поверженных деревьев доходил до слуха раньше, чем его страшный, сухой, рокочущий голос.

Вода растворяла землю, сбегала водоворотами, как будто целый океан опрокинулся с неба.

Запах грозы и растений был разлит в воздухе. Вокруг путешественников гуляли бурные волны, и вся окрестность превратилась в сплошной стремительный поток. Но в их убежище было хорошо, они не вымокли. Мало-помалу буря удалялась, шум грозы стихал. Дождь не был так част, затем совсем перестал.

Вдоль откоса бежала еще целая река, как бы спешила в лес, чтоб оттуда скатиться в ближайшее озеро.

– Подождем, пока впитается вода, почва в лесу сильно намочена. Это продолжится, надеюсь, недолго.

И действительно, на чистом небе показалось сияющее солнце. Под его лучами со всех сторон поднимался пар.

Из ближайшего леса стали доноситься голоса.

Животные торжествовали избавление.

– Мессиз, мессиз, – позвал вдруг негр, вышедший из убежища.

– Что у тебя там, Мадемба?

– Тебя прийти сейчас.

Леон Беран подошел. Крик изумления сорвался с его губ.

Глава X

ЖЕНЩИНА

В расстоянии около двухсот метров, подвигаясь вдоль опушки леса, к ним приближалась какая-то фигура очень большого роста, но тонкая и гибкая.

На плече у нее был каменный, видимо, очень крепкий, топор; сама она опиралась на длинный деревянный прут с наконечником, придававшим ему вид гарпуна; наконечник желтоватого оттенка, по всей вероятности, был вырезан из рога.

Род передника из какой-то гибкой коры опоясывал ее чресла и опускался немного ниже колен. Густая шевелюра, черная, как озеро в беззвездную ночь, свободно раскидывалась по ее плечам. Ее кожа, слегка бронзового цвета, всюду была совершенно гладкая. Великолепно обозначенная, крепкая грудь, округлость ее плеч и бедер, а также и развитие таза выдавали в ней женщину.

Она двигалась быстро, чего-то остерегаясь за занавесом деревьев, но чего именно, наши путники не знали. Во всяком случае, она их не заметила. Казалось, ее беспокоила какая-то опасность; по временам она останавливалась или замедляла свои шаги, чтоб что-то выследить своими напряженными чувствами.

Тряхнув нервным жестом своей шевелюрой, она опять пошла вперед. Путники могли теперь лучше ее рассмотреть. Ее кругловатое лицо отличалось матовой бледностью; ее короткая талия держалась на прекрасных, нервных, хотя и мускулистых, ногах; ее огромные глаза отсвечивали металлическим блеском; на них опускались слегка вздернутые веки, продолженные длинными ресницами под густой аркой бровей; губы – мясистые, очень красные, немного грубые, но хорошо очерченные. Все это указывало на расу стародавнюю, человечеству неизвестную, выросшую в тече-

ние тысячелетий вне соприкосновения с племенами, которые в своей эволюции стали предками нынешних рас.

Леон Беран стоял, как ошеломленный.

– Женщина, – прошептал он, оправившись от своего столбняка, – вернее, молодая девушка; ни возраст, ни материнство еще не изменили ни ее легкой походки, ни четкости ее контуров. Да, женщина. Только древние амазонки могли иметь выражение такой спокойной и грациозной силы.

Он видел, что эта женщина принадлежит к очень древней расе, но она, казалось, много превосходила низшие образцы черной расы. Сравнение между Мадембой – а он был прекрасным представителем конголезского типа – и этим поражающим видением оказывалось не в пользу первого.

Пока Беран оставался погруженным в созерцание, женщина прошла мимо их недавнего убежища, перед которым они стояли.

Внезапно из леса, спереди и сзади от нее, выскочила группа мохнатых существ, встреченных утром Леоном Бераном на берегу озера; они окружили ее, издавая хриплые крики. Женщина, в свою очередь, испустила громкий гортанный крик.

Легким скачком она уклонилась от камней, брошенных ее врагами; копьё-гарпун, кинутое сильной рукой, пронзило грудь одного из нападавших, и он упал, обливаясь кровью. Пользуясь замешательством, вызванным его падением, она ринулась на другого и из всей силы ударила его своим топором по черепу. Череп разбился вдребезги. И сейчас же бросилась снова, замахнувшись топором на третьего, но была поражена пущенным в нее сзади камнем. Он попал ей в руку и глубоко ее поранил; рука немедленно покрылась кровью.

Крик боли и ярости вырвался у нее; топор выпал из ее руки. Но она оправилась и, несмотря на свою рану, еще раз бросилась с гарпуном – на то мохнатое существо, которое поразило ее ударом. Опять смертельный удар – не стало еще одного из напавших.



Но враги были слишком многочисленны. Несмотря на свою ловкость и отвагу, она не могла бороться. Круг нападавших сжимался вокруг нее. Ей не хватало места, чтоб размахнуться копьём. Наконец, двое сзади бросились на нее и свалили с ног.

Тогда, по какому-то инстинктивному чувству солидарности, исследователь схватился за карабин и несколько раз выстрелил. В мгновение ока трое из мохнатых существ пали под страшными разрывными пулями. Прочие, уstraшенные смертью своих товарищей и этим таинственным громом, с головокружительной быстротой побежали, покинув свою пленницу.

Сопровождаемый Мадембой, исследователь подошел к ней, по-прежнему распростертой на земле.

– Неужели они убили ее, несмотря на мое вмешательство? – беспокойно спросил он себя.

Но женщина уже поднималась.

С диким видом она хотела прежде всего отскочить от вновь появившихся, сделала было движение, чтоб убежать. Но, одумавшись, успокоенная их малым ростом – так подумал Леон Беран – она осталась на месте, с глубоким любопытством уставившись в эти незнакомые существа.

Враждебности уже не было в ее лице, но известная недоверчивость светилась в подвижных зрачках.

Наступило молчание. Исследователь не мог придумать, как бы дать ей понять, что намерения его – самые миролюбивые.

Он указал ей на распростертые кругом их трупы, потом указал на свой карабин, как бы объясняя ей благотельность и удачу своего вмешательства.

Молния ненависти и отвращения сверкнула в глазах неизвестной, когда она устремила взор на тела врагов; лицо приняло злобное выражение, челюсти сжались.

Но затем лицо ее прояснилось, и, почти касаясь пальцем карабина, она произнесла несколько звуков, довольно музыкальных, несмотря на небольшую гортанность.

– Она говорит, – подумал бельгиец, – конечно, это женщина. Но как понять ее – вопрос трудный.

Молодая женщина смотрела на своего спасителя с каким-то особенным выражением. В ее глазах как будто промелькнула улыбка. Казалось, ей самой смешна была эта невозможность объясниться.

Но все-таки она произнесла еще одну длинную фразу, сопровождаемую жестами. Кое-что исследователь понял. Он понял, что она застигнута была бурей, что укрылась, подобно ему, в одном из углублений скал; но ее жест в направлении леса остался ему непонятным.

Он осторожно, чтоб не испугать ее, взял ее раненую руку, показал место, откуда все еще текла кровь, и жестами, старался дать ей понять, что он хочет врачевать ее рану. Сначала она не поняла. Она указала на трупы, и опять в ее глазах мелькнуло выражение ненависти. Она произнесла несколько слогов. Но когда она попыталась согнуть свою раненую руку, лицо ее выразило страдание.

Видя, что его попытка объяснить свои намерения не удалась, исследователь решил перевязать ей руку без всяких лишних формальностей.

– Мадемба, – скомандовал он, – открой мешок, достань йод и бинт.

– Сейчас, мессиз, – ответил негр.

Раненая с любопытством следила за их движениями. Коснувшись мешка, она произнесла несколько новых слов, повторив свой прежний жест в направлении леса.

Не стараясь даже понять ее, Леон Беран сделал ей знак, чтоб она села. Она послушно выполнила это требование. Он тщательно очистил рану от земли, которой она загрязнилась, когда женщина была повалена мохнатыми существами. Затем смазал рану йодом. Вызванное ощущение жгучести, казалось, удивило молодую женщину. В ее зрачках снова промелькнула недоверчивость. Но она сейчас же исчезла, как только Беран достал совершенно белый бинт и стал им перевязывать рану. Эта белизна вызвала у ней большое восхищение. Она хотела потрогать пальцами свою перевязку, как бы затем, чтоб ее погладить.

Исследователь сделал ей знак, что надо избегать этого жеста, и она опять с удивительной покорностью повиновалась.

Раздельно произнося новый ряд звуков, она положила свою руку на грудь молодого человека, потом взяла его руку и положила ее на свой лоб.

– Без сомнения, она благодарит меня, – подумал он.

И он улыбнулся, дружелюбно смотря ей прямо в глаза. Она, казалось, была очень рада, что ее поняли, и улыбнулась в свою очередь. Черты ее отличались в этот момент поразительной мягкостью.

– Итак, у нас обоюдная симпатия, – подумал исследователь, несколько удивленный тем чувством удовлетворения, которое он ощутил в себе. – Но я не вижу еще, к чему это может повести.

Негр завязал мешок и опять взял его к себе на плечи, а Леон Беран был в полном недоумении, что ему делать дальше. Следовать ли берегом озера, чтобы продолжать свои поиски? Идти ли вслед за незнакомкой?

– Несомненно, ее племя обитает где-нибудь поблизости. Какая досада, что я не в состоянии ее понимать. Я узнал бы, не слыхала ли она об экспедиции. Ничего невозможного в этом нет.

Нетерпеливо смотря на его неподвижность, женщина кидала вопросительные взоры. Она опять указала то же направление, какое она отмечала уже два раза после их встречи и несколько раз заговаривала.

В ее объяснениях довольно часто повторялось сочетание: «Меча». Каждый раз, когда она его произносила, она ударяла рукой в свою грудь.

– Меча?.. – проговорил он. – Должно быть, это ее имя.

И он повторил, показывая на нее:

– Меча?

Она сделала утвердительный знак головой, еще раз повторив это слово. И опять улыбка появилась на ее лице.

Она пустилась было в дальнейшие объяснения, но видя, что ее не понимают, и что оба мужчины остаются неподвиж-

ными, она мягким движением взяла руку Леона Берана и, увлекая его за собой, направилась к лесу.

Фаталистически поддаваясь своей необъяснимой симпатии, исследователь решил следовать за ней.

– В конце концов, все равно, – прошептал он, – может быть, лучшие результаты окажутся именно там, куда она меня увлекает.

И, повернувшись к негру, приказал:

– Идем, Мадемба. Следуй за нами.

Глава XI

ВЗЯТЫ В ПЛЕН

Уверившись теперь, что ее спаситель последует за ней, молодая женщина выпустила его руку, когда они вступили в лес, чтобы более свободно двигаться. При этом она опять улыбнулась и сказала несколько слов.

Около часу шли они по лесу и наконец вышли на довольно широкую лужайку. Меча остановилась и стала прислушиваться. Спутники последовали ее примеру. Но, ничего не уловив, она двинулась дальше и сделала им знак, чтоб они следовали за ней.

Они пересекли лужайку и увидели узкую тропинку, хорошо пробитую частыми хождениями.

— Эта тропинка слишком узка для диких зверей, — подумал исследователь. — Кто же ее протоптал?

Вдруг из груди молодой женщины раздался долгий, пронзительный крик с странными модуляциями.

— Конечно, она извещает о своем присутствии, — решил Леон Беран. — Только кому? Может быть, ее племя находится поблизости? Или, не зная, как его найти, она зовет кого-то, чтоб указать ей дорогу?

Ни один голос не отвечал. Но она нисколько этому не удивилась и пошла дальше своим легким, решительным шагом.

Вдруг из-за гигантских деревьев разом со всех сторон выскочили существа, похожие на молодую женщину, — только выше и толще, — обрушились на обоих мужчин и, прежде чем те успели подумать о защите, обезоружили их и перевязали ремнями, грубо сделанными из какой-то гибкой и крепкой кожи.

Приведя их в полную невозможность сопротивляться, напавшие положили их на землю и стали советовать. Меча в большом возбуждении стала им говорить с энергич-

ными жестами, обращаясь к одному из них, мощным видом своим выделяющемуся из всей этой компании.

– Наверное, вождь, – подумал исследователь, следя с страстным интересом за начавшимися дебатами.

Молодая женщина, показывая последовательно то по направлению, откуда она теперь шла, то на Леона Берана, то на конфискованные карабины, то на свою перевязанную руку, находилась, видимо, в сильнейшем раздражении.

Несколько раз вождь внимательно взглядывал на обоих мужчин. Его ответы Мече были очень коротки. Один из воинов вмешался в беседу. Его слова, по-видимому, пришлось далеко не по вкусу Мече; она пожала плечами и устала на него гневный взгляд. Тот, в свою очередь, настаивал на своем – и, по-видимому, резко и грубо, – так что вождь оборвал его и повелительным жестом приказал ему отойти.

– Эта бравая девица как будто защищает наши интересы и как будто защищает яро, – сказал себе бельгиец, – но ее мнение оспаривается. Она, кажется, не слишком сговорчивого нрава, если судить по манере, с какой она третирует своих оппонентов. Но что же предполагают делать с нами?

Впрочем, у него не было времени пускаться в разнообразные гипотезы. По знаку вождя, двое из колоссальных людей подошли к пленникам и взвалили их на плечи. Потом весь отряд двинулся в путь. Меча шла рядом с исследователем.

Он прочел в ее глазах несомненно смущение и даже отенок грусти. Своим мягким жестом она взяла его руку, пожала ее своей рукой и сказала ему несколько слов, столь же для него загадочных, как и прежние.

Но в этот момент воин, вмешательство которого вызвало ее гнев, подошел к ней и с мрачным видом сказал какие-то слова. Меча отвечала ему бешеным тоном. Тогда он взял ее за плечо, грубо оттолкнул и увлек ее в арьергард.

Прошло несколько часов. Открылась новая лужайка. На ней сделали остановку, к великому удовольствию Леона Берана, у которого вся спина изныла от неудобного спосо-

ба передвижения. Он испытал большое удовлетворение, когда мог растянуться на траве.

Четверо из людей по приказанию вождя отделились и скрылись в лесу. Тиран Мечи был в их числе. Как только он ушел, молодая женщина приблизилась к пленным. Усевшись около исследователя, она погладила ему волосы очаровательно неловким жестом и улыбнулась ему.

Несмотря на свое неважное настроение, он тоже улыбнулся. Это очень ее обрадовало, и она тихим голосом произнесла несколько слов, указывая на вождя. Потом, как бы осененная внезапно пришедшей ей мыслью, она подошла к этому последнему и что-то стала ему объяснять. Великан ответил знаком одобрения.

Тогда Меча подошла к мешку, отнятому у Мадембы, осмотрела, как он был завязан, пощупала и, наконец, открыла его. Она вытащила оттуда кусок жареной птицы, завернутой в зеленые листья, тщательно завязала мешок, вернулась к своему спасителю и села около него. Вынув мясо из листьев, она стала разрывать его своими пальцами и по кусочкам – небольшим по ее мнению, но казавшимся огромными ее питомцу – подносила ко рту исследователя.

– Прекрасный знак, – подумал он. – Если позволяют меня кормить, стало быть, не думают нас убивать, по крайней мере в данный момент.

Насытившись, он, качнув головой, показал, что отказывается от дальнейших подношений. Меча выказала немалое удивление от столь слабого аппетита. Но из скромности не настаивала.

Взглядом – так как руки его были привязаны к бедрам – он указал молодой женщине на негра, лежавшего рядом с ним. Она сразу поняла и любезно проделала и с негром ту же операцию, как и с исследователем.

Только что кончила она кормить негра, как возвратились четверо отделившихся мужчин. На своей спине они несли только что убитое животное; это было, по-видимому, что-то вроде дикой козы, только гораздо более крупных размеров.

– Я начинаю понимать теперь, – сказал себе Леон Беран. – Группа наших похитителей представляют охотничью экспедицию. Как и почему к ней присоединилась молодая женщина? Пока это загадка. Но будущее, вероятно, мне ее объяснит. Должно быть, она покинула их, увлекшись преследованием какой-нибудь дичи...

Опять по приказу вождя двое пленников размещены были на плечах тех же самых людей, которые несли их раньше. Дичь несли четверо других охотников. Кроме вождя и Мечи, только трое еще шли свободно, да и те должны были тащить вооружение несших добычу. Впрочем, несмотря на размеры этого вооружения, такой груз не был для них сколько-нибудь обременительным.

Вождь шел во главе колонны, сопровождаемый одним из воинов. Затем несли дичь, потом пленников. Двое остальных мужчин и Меча замыкали шествие. Отряд двигался с изумительной быстротой, особенно если принять во внимание тяжесть грузов. Исследователь поражался.

Время от времени Меча покидала свое место, подходила к нему и с улыбкой проводила рукой по его волосам в знак дружеской ласки. Лукавый огонек сверкал в ее глазах. Ей, видимо, было приятно нарушить приказания, которые ей были отданы этим грубияном перед остановкой на лужайке.

Прошло еще несколько часов, а колоссы по-прежнему не чувствовали ни малейшего утомления. Они шли все тем же правильным, быстрым шагом.

Исследователю казалось, что отряд прошел очень большое расстояние. Но вычислить его, хотя бы приблизительно, он не мог, во-первых, потому, что сам он находился в слишком неудобном положении, а во-вторых, потому, что отряд делал не один крюк, следуя по проложенной тропинке.

День уже подходил к концу, когда по большей влажности воздуха исследователь догадался о близости воды. Вдруг отряд остановился. Пленников снова положили на землю. Действительно, они находились на опушке леса, окаймленного водным потоком. Но этот поток лежал здесь не между топкими или песчаными берегами, как раньше; он был

стиснут как бы скалистым коридором, высоко стоящим над рекой.

Раздался приказ вождя. Меча вышла вперед и в сопровождении одного из воинов быстро исчезла в одном из изгибов, проложенных рекой. Прошло с четверть часа.

Воин возвратился, – один на этот раз, – и сказал несколько слов.

По новому приказу носильщики взяли – одни дичь, другие – пленников. Они двинулись в узкий проход, возвышающийся в виде платформы над руслом реки. Потом, круто повернув налево, проникли в коридор, с очень большой покатостью, который врезывался в скалу. Скоро водворился глубокий мрак, атмосфера стала более тяжелой; чувствовалось, что воздух разрежен, как во всех подземельях. Носильщики, однако, шли не менее быстрым шагом, чем раньше.

– У них зрение приспособлено к темноте, – подумал исследователь.

Через некоторый промежуток времени – трудно определимый, но довольно значительный, – почва стала как будто ровной. Открылся широкий грот, в который природные отверстия сверху проводили и внешний воздух, и немного света.

Вокруг прибывших раздались голоса, многочисленные, шумливые, разнообразных оттенков.

Из этой очень обширной – насколько мог судить Леон Беран – залы длинный коридор повел в грот меньших размеров. Носильщики сложили пленников на пол, довольно мягкий, песчаный, развязали их, а сами удалились.

Оба пленника расправляли онемевшие члены и понемногу стали привыкать к окружающему полумраку, как из коридора вышла какая-то фигура.

Она внезапно остановилась.

И звучным голосом проговорила по-французски:

– Что это? Новые гости. Белый. А это, если я не ошибаюсь, ведь ты, Мадемба?..

Глава XII

УЧЕННЫЕ ОТЫСКАЛИСЬ

Оба пленника поражены были как громом. Трепещущий Мадемба не сразу мог ответить:

– Да, Мадемба, мессиз...

Тень принялась хохотать.

– Ничего не бойся, Мадемба. Я не призрак. Боже сохрани. У меня еще в целости все кости, а поверх их есть даже немного мяса. Ты не узнаешь меня?

– Да, мессиз, – ответил Мадемба, оправившись от своего испуга. – Вы – французский доктор...

Исследователь, к которому вернулось хладнокровие, поднялся и, выйдя на середину подземной залы, представился:

– Леон Беран, вечный странник.

– Профессор Жан Норе, – ответил вновь прибывший, пожимая руку исследователя.

И тотчас добавил:

– Но объясните же, пожалуйста, какое стечение обстоятельств привело вас в эти катакомбы в компании с Мадембой, негром из нашей экспедиции?

Леон Беран подробно стал рассказывать о тревоге в Инонго, о прибытии Карла Шифта в состоянии полного безумия, о смерти Беккета...

Жан Норе попросил на минуту прервать повествование, вышел из помещения и сейчас же возвратился в сопровождении еще одного лица.

– Позвольте представить. Профессор Леопольд Мессен. Господин Леон Беран.

– Позвольте вашему соотечественнику, господин профессор, – сказал Беран, – выразить свою радость, что он находит вас невредимым.

– Благодарю вас. Ваше имя небезызвестно мне... Ведь вы исследователь Верхнего Конго?

– Совершенно верно, господин профессор.

И оба соотечественника обнялись.

Леон Беран стал продолжать свой рассказ, прерванный разговором ученых на том месте, где исследователь стал описывать косматых чудовищ, вступивших в борьбу с гигантской женщиной. Леопольд Мессен настаивал, что это антропитеки, а Жан Норе считал их лемурийцами.

Тем временем наступила ночь, и в пещере стало почти совершенно темно. Леон Беран указал на это.

– Вы совершенно правы, – заметил бельгийский ученый. – Извините нас. Наши глаза привыкли к темноте, мы начинаем видеть в ней. Но пойдемте за нами. Ваше законное желание видеть своих собеседников будет удовлетворено.

Оба ученых, а за ними исследователь с Мадембой пошли по довольно широкому коридору, который переходил в помещение, еще более просторное, чем то, откуда они вышли.

В центре этой залы горел небольшой огонь; к стенам приделаны были смолистые ветки, служившие факелами; они достаточно освещали пространство.

Вокруг центрального очага стояли грубо обделанные чурбаны, заменявшие стулья. Пользуясь некоторыми естественными углублениями, ученые устроили из них альковы. Постелями служили шкуры животных, наброшенные одна на другую.

Леопольд Мессен указал своему соотечественнику на один из чурбанов. Тот сел. Оба ученых последовали его примеру.

– Это – одновременно и наша спальня, и наш рабочий кабинет, – объяснил профессор Леопольд Мессен. – Я думаю, что вам разрешат жить с нами. Во всяком случае, мы будем на этом настаивать, не так ли, дорогой коллега?

– Ну, конечно, – подтвердил Жан Норе.

– Как же вы будете настаивать? – удивился исследователь. – Разве вы говорите на языке наших похитителей?

– Мы начинаем понимать друг друга, – с улыбкой ответил француз. – Их язык – язык первобытный; число звуков в нем крайне ограничено, и научиться ему можно скоро. Трудность его для вас заключается в его гортанности, в

каком-то хрипении, воспроизводить которое почти совсем не могут наши европейские глотки.

Ученые очень одобрили Берана за то, что он не делал никакой попытки защищаться.

– Иначе, – говорил Леопольд Мессен, – вы рисковали бы жизнью. Ваш рассказ о возвращении Шифта и смерти Беккета это, к сожалению, подтверждает.

– Да, – прибавил француз. – Сила и ловкость этих людей превосходит всякое воображение.

– Сила их, – заметил исследователь, – кажется мне прямо чудовищной. Четверо из напавших на нас прошли крайне длинный путь и, несмотря на то, что несли значительную тяжесть, все время, в течение нескольких часов, шли быстрым ходом, ни разу не останавливаясь. Я наблюдал их при нашем прибытии к берегу реки. Ни малейшего утомления, даже не запыхались.

Вдруг около них появился какой-то человек высокого роста и издал несколько гортанных звуков, указывая сначала на Леона Берана, потом на доктора Норе.

– Нас требует вождь, – объяснил Норе. – Несомненно, я должен буду играть роль переводчика. Последуем за его посланцем.

Француз вооружился одной из горящих ветвей, служившей факелом, и, предшествуемый гигантом, повел через лабиринт коридоров исследователя.

Они скоро достигли одной обширной залы с скалистым, высоко вздымавшимся потолком.

Леону Берану показалось, что это – та самая громадная пещера, через которую ему пришлось переходить по прибытии сюда.

– Вы видите общую для этого племени залу, – сказал ему его спутник.

В центре пылал большой огонь. Вокруг сидело несколько мужчин громадного роста с суровым видом. В их числе исследователь заметил человека, командовавшего отрядом, который захватил его и Мадембу.

В глубине пещеры находились и другие мужчины; они стояли, сохраняя строгий порядок; на противоположной

стороне находилась группа женщин; их не так хорошо можно было видеть, так как они стояли в тени. В первом ряду Леон Беран заметил Мечу. Она старалась своим взглядом встретиться с глазами пленника. И улыбнулась ему.

Перед одним из сидевших мужчин – самым крупным и по внешности самым сильным – оба европейца остановились.

– Вождь, – оказал своему спутнику профессор.

Исследователь с любопытством стал осматривать людей, в присутствии которых он находился.

Еще более, чем при первой встрече, эти люди поражали своей чудовищной силой. Даже теперь, когда они оставались в состоянии покоя, их сильные мускулы выступали под их кожей. Лицо с ясно выраженным прагматизмом; лоб, больше выступающий назад, чем у современных людей; голова была покрыта густой шевелюрой, значительно менее длинной у мужчин, чем у женщин. Под резко выступающими бровными выпуклостями видны были обрамленные густыми ресницами большие глаза, сверкавшие невыносимым блеском. Нос, менее сплюснутый, чем у негров, казался очень крепким. Рот был большой, с толстыми, но хорошо очерченными губами.

Кожа, матовая, смуглая, местами покрыта была волосами, но эти волосы не походили на обезьянью шерсть. Широкий, но немного короткий торс, довольно длинные руки, очень удлинённые, нервные ноги; все это показывало расу, приспособленную к быстрой ходьбе и к ловкому лазанию по деревьям.

Внимание исследователя особенно привлекали их глаза. Очень подвижные, они не имели выражения дикости, жестокости. Конечно, взгляд их был суров, но в нем виднелась понятливость, довольно сильно развитая.

Вождь голосом с тембром, более хриплым и диапазоном более низким, чем у Мечи, издал несколько звуков, указывая на Леона Берана. Француз, в свою очередь, также издал какие-то гортанные звуки, качая отрицательно головой, и затем объяснил своему спутнику:

– Он хотел знать, пришли ли вы в эту область одни с Мадемой, или же вы составляете часть какой-нибудь многочисленной группы. Я успокоил его в этом отношении.

После переговоров со своими вождь опять обратился к французам и говорил довольно долго.

Жан Норе перевел:

– Я не совсем понял всю его речь, но, в общем, он приветствует вмешательство вашего грома – дело идет о вашем карабине – в защиту Мечи. Вам не сделают никакого зла – ни вам, ни Мадеме, вам возвратят все, что у вас было конфисковано, за исключением карабина. И вам разрешается вести такой же образ жизни, какой ведем мы.

– Это значит?

– Я вам объясню это сейчас же, как только мы возвратимся в наше помещение. Аудиенция кончена. Поэтому пойдемте.

Глава XIII

ПОСЛЕ АУДИЕНЦИИ

Церемонная торжественность этого приема забавляла Леона Берана. В ней отражались усилия создать соответствующую обстановку, а со стороны присутствовавших проявлена была совершеннейшая дисциплина.

Эта дисциплина, впрочем, как будто царил во всем быте пещерных людей. О ней он мог судить еще днем при виде того, как исполнялись приказания начальника отряда.

По окончании церемонии толпа, доселе в порядке расставленная по сторонам залы, стала двигаться свободно. Некоторые из мужчин подошли к двум европейцам. Все они намного превосходили их ростом. Но особенное любопытство выказали женщины, которым очень захотелось лучше рассмотреть нового пленника. Не стесняясь, они ощупывали его одежды, восхищались тканью, пуговицами, медленно проводили пальцем по блестящему медному поясу. Изящные гетры исследователя точно так же возбуждали их любопытство.

Растолкав группу, стеснившуюся вокруг двух чужестранцев, Меча подошла к Леону Берану и сказала ему несколько слов голосом, гораздо более гармоничным, чем голос вождя; она улыбнулась ему, показав при этом все свои зубы, похожие на зубы молодой волчицы.

Француз рассмеялся.

– Ну, любезный друг, – сказал он, – вы покорили сердце Мечи. Она говорит вам – в терминах немного туземных, но с несомненной искренностью – о своей радости от вашего присутствия среди племени.

– Она, конечно, благодарна мне за мое кстати подоспевшее вмешательство; вот и все.

– Несомненно да, но не пренебрегайте ее симпатией. Меча здесь самая красивая представительница женского

пола, очень красивая и притом – она дочь вождя. Ее влияние, несмотря на подчиненную роль женщин, может быть для вас очень ценным.

С этими словами Жан Норе взял свой факел и, сопровождаемый исследователем, возвратился в свое помещение, где сидели бельгийский ученый и Мадемба.

На самом полу были расставлены разные кушанья на огромных гладких, искусно отполированных камнях: совсем еще горячие куски жареного мяса, затем одно странное блюдо, изготовленное, как объяснили ученые, из сердцевины каких-то деревьев, наконец, огромные фрукты, не имеющие никакого сходства с известными им раньше.

Ученые пригласили молодого человека принять участие в этом ужине, на что он с удовольствием согласился.

За едой Леон Беран рассказывал о своих приключениях на пути от поста Инонго и описывал встреченных им гигантских животных. Названия, которые он им давал, ученые находили правильными.

Что касается чудовищного животного, которое он видел утром, перед рассветом, то Жан Норе соглашался с Бераном, что это – мамонт, но профессор Мессен был другого мнения.

– Видите ли, любезнейший коллега, ни один мамонт не достигает таких необъятных размеров, как их рисует мой молодой соотечественник. Мамонт по своей величине равен – самое большее – двум нашим большим слонам. И я уверен, что господин Леон Беран встретил более отдаленного предка слона, встретил *elephas antiquus*. Какая счастливая случайность.

– Почему же? – спросил исследователь. – Разве это животное очень свирепое?

– Нет, травоядное, оно убивает только для самозащиты. Но я завидую вашему счастью, потому что из наших разведок, произведенных здесь после нашего прибытия, явствует, что этот вид, почти исчезнувший из леса, встречается крайне редко.

– А ведь я, господа, до сих пор не знаю, – сказал, в свою очередь, исследователь, – каким образом вы-то попали в

руки наших нынешних хозяев. Вы ничего не имеете против того, чтобы посвятить меня в эту историю?

– Конечно, нет, – в один голос воскликнули оба ученых.
– Напротив. Слушайте.

Исследователь набил свою трубку, не замечая завистливого взгляда, каким следил за его жестами француз. А Леопольд Мессен начал свой рассказ.

– Наше путешествие по болоту продолжалось долго. Мы часто измеряли его глубину, доставали со дна моллюсков, раковин, водоросли, образчики минералов. И после нескольких недель плавания мы вошли в скалистый коридор, заканчивающийся тупиком у подножия гранитного массива. Один из наших негров с помощью веревок вскарабкался вверх и установил для нас лестницу, по которой мы без особых усилий также могли подняться.

– Я не ошибся в своих выводах, – заметил вполголоса исследователь.

– Ах, и вы проходили там же? – спросил Жан Норе.

– Да, я видел красный крест, обозначающий ваш проход.

– Тогда, – воскликнул Леопольд Мессен, – вы видели и наши лодки?

– Ваши лодки? Нет... Вы их там оставили?

– Да, две лодки, крепко привязанные к дереву.

– Не осталось ни одной... Впрочем, одна из них прибыла в Инонго.

– С Шифтом и Беккетом? Нет, она следовала за нами. Речь идет о двух других.

– Вы как-нибудь скрыли их?

– Нет, только привязали, как я уже говорил вам, к дереву.

– Буря могла снести то небольшое пространство земли, на котором держалось дерево. Оно могло упасть на лодки... Или какой-нибудь обвал потопил их.

– А я лелеял себя надеждой, что по крайней мере хоть эта часть наших коллекций – остальное погибло при нашем пленении, – сохранится в надежном месте, – печально сказал ученый. – Теперь приходится от нее отказаться.

После недолгого молчания он продолжал:

– Достигши вершины, мы решили направиться сначала к западу. Наше движение было, конечно, очень медленным, потому что разнообразные образчики флоры и фауны, встречавшиеся на каждом шагу, вынуждали нас к частым остановкам.

– Приходилось вам сталкиваться с дикими животными?

– Нам – нет, но двое из наших негров стали их жертвой. Беккет, ярый охотник, рискнул отойти с четырьмя неграми далеко от нашей стоянки. Он встретил гигантского медведя, *ursus spelaeus*, которого он и свалил выстрелами из своего карабина; но зверь все-таки успел растерзать двух из его спутников.

Бельгийский ученый продолжал:

– После двух недель ходьбы мы натолкнулись на поток воды. Мы решили по нему спуститься, потому что таким образом мы продвигались бы вперед скорее, чем по суше. Двое из наших негров были поэтому отправлены под руководством Беккета назад к бухте; они вынули из одной из лодок весь багаж, подняли ее и доставили ее нам на своих плечах. Мы все четверо в состоянии были в ней устроиться; мы двинулись по течению потока, собирали образчики – исключительно интересные – водной фауны и флоры.

– А ваши негры?

– Они следовали пешком по берегу реки; каждый вечер мы причаливали и в хорошо выбранном месте раскидывали наш лагерь. Часто, впрочем, мы оставались на суше двадцать четыре, а то и сорок восемь часов, чтобы привести в порядок наши заметки и наклеить ярлычки на нашу добычу. Беккет пользовался этим временем, чтоб снабдить нас свежей дичью. Благодаря этому нам удалось сберечь наши консервы.

Рассказ подходил к ужасной катастрофе. На минуту Леопольд Мессен умолк. Он переживал в своей памяти дни, проведенные в компании с двумя отсутствующими теперь коллегами и задумчиво помянул в своих мыслях этих своих товарищей по научным трудам.

Он продолжал:

– Ни я, ни мой коллега Норе, мы не присутствовали при начале столкновения между пещерными людьми и нашими товарищами. Но мы достаточно слышали и видели, чтобы установить несомненно факты. Поистине печальный это был день, и он дорого обошелся науке, не только потому, что пропали все наши коллекции, собиравшиеся в течение нескольких месяцев, но и потому, что погибли два самых выдающихся палеонтолога нашего времени.

Глава XIV

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НАУЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Немного утомленный своим повествованием, ученый поднялся и стаканом из древесной коры зачерпнул воду в резервуаре, находившемся в углу, помещения.

Утолив жажду, Леопольд Мессен сел на свое место и продолжал рассказ:

— Однажды вечером мы расположились стоянкой посреди довольно обширной лужайки с широко протоптанными следами. Ночью мы не могли заснуть. Большой огонь, разведенный неграми, без сомнения, смущал постоянных хозяев этого единственного водопоя. Они не осмеливались пробираться к речке. Их досада выражалась рычанием, воем, и это все, вместе взятое, создавало совершенно невообразимый концерт...

— Я знаю эту музыку, — со смехом подтвердил исследователь.

— На рассвете нам — моему коллеге Норе и мне — показалось, что мы видим гигантское животное с очень удлиненной шеей и с сильными, когтистыми лапами. Оно просунуло шею через деревья, но пламя его отпугивало, и оно обратилось вспять. Ни один из нас не обладает душой охотника. Но если наши глаза нас не обманывали, это животное было мегатерий, предшественник — но гораздо более мощный и страшно вооруженный — современных ленивцев.

— Ах, да, животное, которое может с корнем вырвать дерево, чтобы погрызть его корни.

— Совершенно верно. И вы знаете, с какими деревьями оно справляется. В одну минуту сговорившись, мы схватили наши карабины и бросились за зверем, в надежде его свалить. Но, несмотря на свой рост, он скрылся в чаще, не дав нам приблизиться на нужное расстояние. Мы упорно

продолжали его преследовать, но тщетно, а сами тем временем значительно отделились от стоянки.

Мы возвращались немного сконфуженные, предвкушая те сарказмы, которыми Беккет, сей «великий ловец перед Всевышним», не преминул бы нас осыпать со свойственной ему язвительной британской иронией, как вдруг послышались страшные крики, несшиеся в направлении от нашей стоянки. Эти хриплые крики не походили ни на какие звериные звуки, до сих пор нами слышанные...

– Да, – подтвердил Жан Норе, – и мы ясно различали их членораздельность.

– Мы побежали, чтобы в случае возможности помочь нашим товарищам. Но было еще далеко, когда мы услышали голос доктора Шифта, который кричал: «Не стреляйте, Беккет, умоляю вас, не стреляйте».

Но Беккет не внял совету. Раздались два карабиновых выстрела. Мы все время бежали. Мы услышали крик, и нам показалось, что это – голос Беккета.

– Да, это был, конечно, его голос, – перебил француз. – Должно быть, как раз в этот момент он получил рану, от которой потом умер.

– Мы прибыли на опушку леса. Гигантского роста люди – вы их видели, – стоя у берега реки, бросали дротики в лодку, куда скрылись Шифт и Беккет. Но, идя по течению, быстро погоняемая веслом Шифта, лодка держалась посредине реки и была недостижима для их ударов. На земле, посредине лужайки, раскидана была значительная часть собранного нами материала. Двое из гигантов лежали, убитые выстрелами из карабина. Пять негров, с черепами, раздробленными ударами палицы, с вскрытой топором грудью, с сердцем, пронзенным дротиком, были расprostерты на траве.

– Я нигде не видал их скелетов, – заметил исследователь.

– Напавшие – мы узнали об этом позднее – перед своим уходом оттуда бросили их тела в воду... Мы, немые от удивления, оставались на своем месте. Гиганты заметили нас; в одно мгновение ока окружили, вырвали у нас оружие и разбили его, как стекло, своими палицами. Мы не оказали

никакого сопротивления. К счастью! Поэтому они и обошлись с нами не слишком плохо.

– Только моя куртка оказалась жертвой их ярости, – заметил Жан Норе.

– Я нашел один клочок ее, зацепившийся за тростник, подле обломков ваших карабинов, – сказал исследователь.

Леопольд Мессен продолжал:

– Нас связали и положили на землю. Трое из них, отправленные преследовать лодку по берегу, скоро возвратились. Беглецам удалось от них скрыться.

– Вполне естественно, – сказал Леон Беран. – Преследователи натолкнулись на совершенно отвесную стену массива, на которую я сам натолкнулся два дня тому назад.

– Затем, поднятые на плечи гигантов, мы после двух дней пути были доставлены в эту самую пещеру, в которой с тех пор и живем. Мы ничего не знали об участии Шифта и Беккета. Мы надеялись, что им удалось ускользнуть, добраться до поста Инонго; надеялись, что через некоторое время они вернутся сюда во главе отряда, могущего обеспечить наше освобождение.

– После вашего пленения вы в чем-нибудь чувствуете недостаток?

– Вначале, – ответил француз, – нам немного не хватало света и воздуха. Но вскоре же, научившись с ними изъясняться, мы стали просить и о том, и о другом. Это нам разрешают – под хорошей охраной.

– Охрана, впрочем, совершенно излишня: мы вовсе не собираемся бежать, – сказал Леопольд Мессен. – Без оружия, без провизии, куда пойдем мы? Чтобы нас пожрали хищные звери? Да и хозяева наши так быстро ходят, что, если бы мы улизнули, они нас очень скоро догнали бы.

– После нашего прибытия сюда, – добавил Жан Норе, – мы не теряем времени понапрасну. Наши хозяева выказывают себя очень гуманными и снабжают нас разнообразной провизией свыше наших потребностей. Они отвели нам вот эту залу. Всем членам племени строго воспрещается проникать сюда иначе, как по приказанию вождя. А мы располагаем полной свободой бродить, как нам вздумает-

ся, по всему подземелью. И мы можем продолжать составлять об этих первобытных людях довольно интересные этюды.

– Скажите, захватывающе интересные, дорогой коллега. Преувеличения не будет.

– А во время наших прогулок мы собираем, кроме того, многочисленные образчики здешней флоры. С фауной мы познакомились по нашим прежним разведкам. Собираем и ценные минералогические образчики.

– Да, – подтвердил бельгийский ученый. – Мы также восстанавливаем частично и коллекции, погибшие во время схватки на берегу реки.

– А теперь, – сказал Леон Беран, – прошу извинить меня. Я так мало привык к тому способу передвижения, каким я пользовался сегодня, что чувствую себя разбитым и чуть не падаю от усталости. Мне хотелось бы немного отдохнуть.

– За минуту до вашего прихода сюда принесли ваш мешок и несколько мехов. Мадемба соорудил вам постель в одной из маленьких клеток, которые углубляются с этой стороны в скалу.

– А где Мадемба?

– Давно уже спит в том помещении, где я вас нашел.

– Итак, господа, позвольте пожелать вам доброй ночи.

Через несколько минут на мягкой груди кож исследователь уже заснул, уверенный – в первый раз после долгих дней, – что теперь ему нечего опасаться никакой тревоги.

Глава XV

ТЫСЯЧЕЛЕТНИЕ ОБЫЧАИ

На другой день Леон Беран проснулся поздно. Чтобы не мешать его сну, оба ученых, раньше поднявшиеся, работали молча, каждый за своим особым «столом», т.е. за большим обрубком дерева, довольно гладко обтесанным.

Из двух верхних отверстий падал свет, вполне достаточный для освещения центральной части помещения.

Оба они лихорадочно составляли свои заметки. И время от времени каждый из них исподтишка с любопытством взглядывал, как трудился другой. Эти взгляды выражали страшную взаимную ревность. Некоторое время проснувшийся, но не встававший еще, Леон Беран с интересом наблюдал за ними и внутренне смеялся. Наконец он решил встать.

– А, вот и наш молодой друг, – воскликнул Леопольд Мессен. – Бесплезно спрашивать вас, как вы спали.

– Как убитый, только и могу сказать, – ответил исследователь.

Француз также приветствовал его и спросил:

– Вы, конечно, хотите приступить к вашему туалету?

– Если это возможно, то, признаюсь...

– Как: если это возможно? У нас здесь ни в чем нет недостатка. Пойдемте со мной, – прибавил он, заботливо закрыв свою записную книжку.

По высокому коридору он провел его в грот, очень небольших размеров.

– Мы устроили здесь нашу туалетную. Вот – вода. Вот особая разновидность глины, могущая заменить мыло, вот большие, гибкие листья, превосходно заменяющие салфетки.

– Прямо чудесно, – удивился Леон Беран.

– Вас еще ждет много сюрпризов. Наши хозяева покажутся вам гораздо более просвещенными, чем вы о них думаете теперь.

– А они сами тоже соблюдают какие-нибудь гигиенические правила?

– Да, конечно. Кроме того, почти все они, особенно молодые, купаются в речке, у подножия скал. Вы увидите.

Он прибавил:

– Их гигиена оставляет далеко позади себя гигиену наших крестьян, значительно более равнодушных к чистоте.

Жан Норе ушел, а молодой человек умылся и потом возвратился в помещение ученых. Мадемба приготовил там кофе с молоком.

– Вот роскошь, которой мы лишены давно, – заметил Леопольд Мессен. – Менее счастливые, чем вы, мы все потеряли со времени нашего захвата. Разъяренные, они уничтожили тогда все, что попадало им под руку.

Завтрак их был дополнен свежим мясом и фруктами.

– Как вы думаете, – спросил исследователь, – мне разрешается выходить сегодня?

– Несомненно; мы выходим, когда нам вздумается. Но каждый раз автоматически члены племени, мужчины или женщины, сопровождают нас, хорошо вооруженные.

– Какое у них оружие?

– У них его много: во-первых, рогатина – крепкая ветвь или ствол молодого дерева с обожженным на огне острием; затем палица – часто неимоверного веса; нефритовый топор; обтесанные кремни; любопытный гарпун, состоящий из длинного, тонкого деревянного древка с острыми зубцами из очень крепкого рога.

– Я видел это оружие; Меча прекрасно им пользовалась в своей борьбе с лемурийцами.

– Они бросают также дротик, и бросают далеко. Но самое интересное их оружие – деревянный снаряд, в конец которого они вставляют тонкий, но очень крепкий прут с роговым острием: они заставляют этот снаряд вращаться, и в известный момент прут выскальзывает из него, с шипением летит к намеченной цели и глубоко в нее вонзается.

– Очень любопытно это применение баллистики, – заметил Леон Беран. – Но как же ухитряются они управлять этим вылетающим прутом?

– Не могу вам сказать. Конечно, это искусство требует продолжительной практики. Но они редко промахиваются. Вы несомненно сами это увидите.

Исследователь, желая получить еще кой-какие сведения, продолжал свои расспросы.

– Вы только что сказали, что иногда и женщины составляют вашу стражу. Моя встреча с вооруженной Мечей, ее борьба с лемурийцами показывают ее подготовленность к боевым действиям. Какую же вообще роль играют женщины этого племени?

– Молодые девушки строго подчинены отцовской власти. Но они довольно часто сопровождают охотничьи экспедиции, преследуя на них какую-нибудь наименее опасную добычу. Женщины зависят от мужей. С ними обращаются мягко, но без послаблений; они занимаются воспитанием детей, всегда очень многочисленных. На них лежат обязанности готовить и варить кушанья, которые потребляются всем племенем вместе; они должны сохранять кожи, изготавливать одежду и для мужчин и для женщин.

– А как совершаются браки?

– Простейшим способом. Молодые люди заключают договор с отцом молодой девушки, или – за его отсутствием – с ее дядей, или братом. Они покупают себе жену, платя за нее выкуп шкурами, слоновой костью, разного рода рогами. Дело в том, что если мясо убитых зверей принадлежит всему племени, то шкуры, клыки, бивни остаются собственностью мужчин, участвовавших в охотничьей экспедиции; по возвращении они полюбовно их делят.

– Крайне любопытно, – проговорил Леон Беран.

– Итак, родители договариваются с женихом о продаже их дочери. Но эта сделка должна получить санкцию вождя. Если мы верно поняли – язык их еще не совсем нам доступен, – то молодая девушка может тоже апеллировать к вождю, если ее искатель ей не нравится. Он решает тогда в последней инстанции, и может расторгнуть уже заключен-

ную сделку.

– Это уже настоящий либерализм, стоящий много выше мусульманских обычаев, – воскликнул Леон Беран. – Прав же, эти люди развились до той степени, как европейцы XVII и даже XVIII века.

– Согласен с вами. Вы могли без опасения преувеличить, прибавить и изрядное число современных семейств.

– У этих пещерных людей моногамия?

– Да, строгая моногамия. Но брак всегда может быть расторгнут с разрешения вождя. Дети и семейные охотничьи трофеи принадлежат тогда разведенной женщине. Ее вторичное замужество обеспечено, если только она не страдает бесплодием.

– Один факт поразил меня во время нашей беседы с вождем: полное отсутствие стариков.

– Да, мы тоже удивляемся этому. Жертвы несчастных случаев, жертвы охотничьих экспедиций сжигаются на месте; кладбища поэтому нет. Но что делается с теми, чьи силы ослаблены возрастом? Тайна. Факт тот, что все члены племени, мужчины и женщины, принадлежат или к тем, кто продолжает расти и развиваться – дети и подростки обоего пола, – или к тем, кто находится в расцвете своих сил...

– Что ж они, приканчивают стариков, как бесполезную обузу?

– Я понимаю, что наталкивает вас на эту гипотезу: обычай некоторых негритянских племен, которые подвешивают к дереву и беспощадно убивают тех из них, кто сваливается, когда дерево сильно трясут... Но такой обычай встречается только у людоедов. А мы не видали никакого места погребения.

– Может быть, старики сами кончают с собой и стараются исчезнуть, не оставивши никакого следа?

– Без сомнения, когда-нибудь нам удастся раскрыть эту тайну. Но в данный момент мы остаемся в полном неведении.

Разговор на минуту прервался. Потом исследователь спросил:

– Вождь у них – наследственный?

– Нет. Его указывает закон отбора. Это – самый силь-

ный. Если есть соперники, дело решается схваткой.

Жан Норе добавил:

– Это постоянный обычай у народов, живущих посреди опасностей. Им постоянно приходится применять силу, пускать в ход энергию. Сила и дает поэтому высший титул.

– Совершенно справедливо, – согласился исследователь.

Затем он поднялся и сказал:

– Я спешу точно определить степень свободы, какой я буду здесь пользоваться. Попробую выйти.

– Не хотите ли, чтобы я проводил вас до выхода? – предложил француз.

– Если только я не злоупотребляю вашей любезностью?.. Но я боюсь заблудиться в этом лабиринте коридоров... Итак, до скорого свидания, господин Мессен.

– Желаю хорошей прогулки, господин Беран. Постарайтесь сообщить нам что-нибудь интересное.

– Постараюсь, хотя я, к сожалению, мало компетентен, – смеясь, ответил исследователь и вышел, сопровождаемый Жаном Норе.

Они свободно прошли по подземному лабиринту и достигли большой залы, где женщины при их появлении с любопытством повернули к ним головы. Женщины занимались разными работами по домашнему хозяйству. В одном углу сидела на полу группа мужчин с поднятыми коленями, подперши руками головы. Казалось, они погружены были в глубокое размышление. Время от времени они обменивались хриплыми звуками. Они не сообразовали уделить проходившим пленникам ни малейшего внимания.

По сильно покатоному коридору европейцы выбрались к свету.

На полпути профессор сказал:

– Так как вы хотите сделать опыт, то самое лучшее – идти вам в одиночестве. Теперь вы не собьетесь. Я оставлю вас. До свидания...

Ученый быстрым шагом пошел назад, он спешил вернуться к своим излюбленным занятиям. А исследователь спокойно направился к заметному уже отверстию пещеры, в которое виднелся клочок неба.

Глава XVI

ОПЯТЬ МЕЧА

Леон Беран скоро вышел на широкую естественную платформу, плотно замкнутую с двух сторон стеной скал. Всей шириной она стояла над гладью воды, образованной расширением реки в окаймленную порфиром бухту. Четвертая сторона прямоугольника прорезывалась коридором, которым она несомненно соединялась с областью леса. У края коридора стояло шесть вооруженных воинов.

– Стража, защищающая подступ к платформе, – подумал исследователь. – Задача у них легкая. Большие звери в этом коридоре не имели бы возможности свободно передвигаться. Что касается людей или близких к ним видов, вроде лемурийцев, то они могли бы там продвигаться не более, как по два человека в ряду.

На террасе, защищенной от солнца тенью скал, резвились совсем нагие дети, испускавшие пронзительные крики. В углу несколько мужчин, сидевших на полу, погружены были в кропотливую работу.

Он подошел к ним. Его приближение их не смутило. Они едва подняли голову, чтобы взглянуть на него. В их взгляде можно было прочесть любопытство, но не было никакой враждебности. Леон Беран долго наблюдал их. С помощью камней, обточенных в форме клинка или в форме шила, они работали над костью и рогом. Под их грубыми, но более ловкими, чем можно было подумать с первого взгляда, пальцами изготавливались наконечники для дротиков, для гарпунов. Сначала каждому предмету с помощью каменных инструментов придавалась общая форма, затем на большом, очень твердом камне, напоминающем жернов, его оттачивали. А под конец отполировывали его порошком, получавшимся из блестящих кристаллов. Так они поступали со слоновой костью и рогом.

Один из работающих, наивно гордый своим произведением, – зубчатый наконечник гарпуна – протянул его чужеземцу, произнеся при этом несколько хриплых звуков и улыбнувшись всеми своими зубами.

Исследователь подивился прекрасной работе и, возвращая ее мастеру, сам в свою очередь улыбнулся.

Затем он повернулся в направлении к выходному коридору. На минуту его окружила толпа ребятишек, которые без всяких признаков боязни с любопытством осматривали этого незнакомца, столь не похожего на существа, им известные. Одного из них исследователь погладил по голове. Все принялись хохотать гортанным смехом.

Приближаясь к краю платформы, выходившей к реке, он увидел, что в высокой скале проложены ступени, образующие род первобытной лестницы. Несмотря на всю твердость красного порфира, посреди ступеней заметны были углубления. Сколько же тысячелетий понадобилось на то, чтобы голые ноги членов этого пещерного племени оставили свой отпечаток на таком, исключительно крепком материале!

Затем Леон Беран подошел к концу платформы, где стояли вооруженные люди. Решившись проделать опыт, он смело вступил в коридор. По знаку начальника отряда двое стражей отделились и, ни слова не говоря, последовали за Бераном.

Коридор тянулся зигзагами между высокими стенами скал, то красных, то зеленых. Местами солнце бросало сюда свои лучи. Жара была нестерпимая. После довольно продолжительной ходьбы резкий поворот привел Берана к концу коридора. Перед ним открылся лес, отделенный от него теперь несколькими сотнями метров каменного пути. Справа, в углублении скалистого выступа, который представлял собою род естественной сторожевой вышки, видны были двое членов племени, вооруженные так же, как и стража, бывшая на террасе.

– Аванпостные сторожевые, – подумал Беран, – которые стерегут вход и в случае тревоги предупреждают сторожевой пост. Как эти люди хорошо организованы.

Он спрашивал себя, какого же врага они опасаются. Не животных, которые не рискнут двинуться в тесный для них коридор. Нет, скорее таких врагов, как лемурийцы, которые еще выше пещерных людей, отличаются еще более мощной мускулатурой и вместе с тем необыкновенной свирепостью. Но если пещерные люди уступают, по-видимому, своим врагам в физической силе, то умственное развитие их значительно выше. За что говорят и выражение их физиономий, и их более усовершенствованное оружие. Лемурийцы пользовались только грубо обтесанными камнями. И во взаимной борьбе этих двух рас преимущество, очевидно, всегда будет на стороне пещерных людей, разве только у них окажется численный перевес, как в случае с Мечей.

Тут в голове молодого человека встал один вопрос:

– Лемурийцы не хотели ее убивать. Они успели бы это сделать, несмотря на быстроту моего вмешательства, когда она, поваленная ими, лежала на земле. Они, видимо, намеревались лишить ее возможности сопротивляться, хотели взять ее в плен. Но с какой же целью? Вот проблема, которую надо предложить моим знаменитым компаньонам. Они будут обсуждать ее до седьмого пота.

С этими мыслями он направился к лесу.

– Совсем безоружный, я поступаю не слишком благоразумно, – оказал он себе. – Но я думаю, в случае надобности, моя стража защитит меня.

Он приближался к опушке, когда из лесу показалась группа женщин. Две из них несли огромных рыб, в которых исследователь признал гигантских осетров.

Одна из женщин отделилась от группы и плавным шагом подошла к Берану. Это была Меча.

Она приветствовала его несколькими гортанными звуками, с улыбкой, светившейся в ее больших глазах и открывавшей ее ослепительной белизны зубы. На ее улыбку он ответил своей и при этом невольно слегка наклонил голову. Этот неожиданный жест вызвал смех молодой девушки.

Предоставив своим спутницам идти своей дорогой, Меча сама осталась возле исследователя, смотря на него с симпатией.

Беран испытывал сильное затруднение. Как держаться с этим созданием, которое он не в состоянии понимать? И все-таки ее присутствие около него доставляло ему известное удовольствие. Он очень сожалел, что не знает, как объясняться с ней.

Но, как и накануне, инициатива молодой девушки вывела его из затруднения. Тем же мягким жестом она взяла его за руку и повела с собой в направлении к лесу.

Леон Беран покорно подчинился своей руководительнице. Он повернул назад голову, чтобы посмотреть, как теперь будут вести себя его караульщики. Те бесстрастно продолжали следовать за ними в нескольких шагах.

Держа его все время за руку, Меча легко шла рядом с ним по довольно широкому проложенному следу между деревьев и кустов. В ее глазах светилось выражение довольства. Она, видимо, наслаждалась этой прогулкой.

Они двигались вперед почти целый час. Вокруг них лес дышал интенсивной жизнью. Но из его многочисленных шумов ни один не тревожил молодой девушки. Никакой опасности ей не угрожало, в этом она была уверена.

Так дошли они до речки, текшей в прекрасном песчаном русле. Здесь не было никакой растительности, и вода казалась более светлой, менее тяжелой.

У подножия гигантского банана, корни которого погружались в русло этого потока, молодая девушка остановилась и, бросив свой гарпун, уселась на песок, приглашая знаком своего спутника последовать ее примеру.

Улыбаясь, Леон Беран занял место рядом с ней. Все это сильно его забавляло.

– Разговор не будет оживленным, – подумал он. – Но место, куда она меня привела, очаровательно. Я охотно пробуду здесь несколько времени, отдавшись созерцанию и ни слова не говоря.

В некотором от них расстоянии уселись и оба воина, философски ожидающие дальнейшего течения событий. Мо-

лодой девушке они, впрочем, казались не стоящими абсолютно никакого внимания. За все время она ни слова им не сказала.

В довольно прозрачной воде исследователь наблюдал, как играют большие рыбы. В воздухе его взор следил за быстрым полетом громадных насекомых; они были разной окраски, но все ярко сверкали.

Атмосфера в этом тенистом уголке казалась ему более мягкой. Из лесу порывами доносились пленительные ароматы.

Он молчаливо наслаждался, чувствуя, как отдыхают его нервы, столь долгое время натянутые. Его охватывало ощущение благополучия, и он с охотой ему поддавался.

Глава XVII

ПРЕДАННОСТЬ НАУКЕ

Это молчание, эта пассивность были, казалось, не по вкусу Мечи. Она смотрела на исследователя своими большими глазами, зрачки которых, неопределимо зеленые, искрились золотыми отблесками. Она не выпускала его руки. Мягко пожав ее, она привлекла к себе внимание своего компаньона.

Он обратил к ней вопросительный взгляд.

Брови молодой девушки нахмурились, обозначая усилие мысли. Потом лицо ее просветлело; на нем отразилось чувство удовлетворения.

Показывая на солнце, она несколько раз повторила какое-то звуковое сочетание.

— Она хочет научить меня своему языку, — в восхищении воскликнул Леон Беран.

Покоряясь ей, он постарался повторить ею сказанное.

— Вао... Вао, — произнес он.

Его произношение не удовлетворило Мечу; она покачала головой и опять повторила прежние звуки. Он, в свою очередь, сделал новое усилие, чтобы правильно воспроизвести гортанные звуки, и на этот раз у него вышло более удачно. Она степенно одобрила его движением головы.

— Прекрасно, — подумал он. — Я знаю уже, как называется у них солнце. Это уже кое-что значит...

Покончивши с солнцем, Меча указала на реку, погрузила свои пальцы в воду, дала ей скатиться с них каплями и раздельно произнесла другое слово.

— Рха... Рха, — повторил молодой человек.

Затем она таким же образом показала ему, как надо произносить слова, означающие дерево, землю, небо, ее гарпун, ее перевязанную рану, разные части ее тела.

Увлеченный этим уроком, исследователь вскоре овладел целым рядом наиболее употребительных слов. Часто, чтобы лучше дать ему понять, что означает то или иное слово, Меча пускала в ход самую выразительную мимику. Так было, например, когда она учила его произносить слово, означающее или молнию, или грозу – что именно, он не мог решить.

Оба стражника следили с интересом за этим уроком, громко хохоча, когда европеец дурно воспроизводил звуки, произносимые его импровизированным профессором. Меча, восхищенная успехами своего ученика, выражала детскую радость.

Ресурсы их языка не были неисчерпаемыми. Леон Беран мог в этом убедиться, показывая сначала на свою блузу, потом на свои брюки. И то, и другое Меча обозначала одним словом; им же она назвала и свой передник.

– Их словарь – один из самых примитивных, – подумал исследователь. – Они ограничиваются тем, что называют вещи обиходные или такие предметы, которых они боятся, в которых они чувствуют потребность. Но, сочетая слова, они следуют какому-то методу. Когда я ознакомлюсь с необходимейшими терминами, я, следя за их фразами, сумею уловить этот метод.

Как бы угадывая его мысль, Меча, выговаривая медленно, произнесла довольно длинную фразу, которую она закончила повторением своего жеста, сделанного ею накануне: она положила свою руку на грудь молодого человека, а потом его руку положила себе на лоб.

Несмотря на наличность одного или двух новых слов, Леон Беран понял фразу довольно легко.

– Небесная вода, рана Мечи, земля, солнце, молния... очевидно, это значит: «После бури раненая Меча, поверженная на землю, спасена была молнией, т.е. моим карабином». Что же касается жеста, сопровождающего эти слова, то он символизирует право, приобретенное мною на ее признательность или на ее покорность... Но при чем тут, черт возьми, солнце – положительно не понимаю.

Он повторил слово «Бао», придавая всей своей физиономии вопросительное выражение.

Молодая девушка улыbnулась, показала на солнце, отрицательно покачала головой и повторила свою фразу еще раз. Но при слове «Бао» она на мгновение остановилась и пальцем коснулась своего спасителя. Он понял и, рассмеявшись, воскликнул:

– Так это, стало быть, я – солнце. Вот и все. Покорно благодарю. Чтобы не отстать в вежливости, я должен был бы по крайней мере сравнить ее с луной. А это очень бы подходило к ней; она – настоящая Диана-охотница. К несчастью, я еще не знаю, как эти люди называют ночное светило. Чтобы воздать ей комплимент, придется подождать более совершенного знакомства с их языком. На нынешний день приобретенных знаний, достаточно.

Не желая утомлять своего ученика, Меча перестала говорить. Она нежно поласкала его волосы, мягкость которых была предметом ее удивления, затем отодвинулась немного от молодого человека, уселась поближе к банану, прислонилась к нему и закрыла глаза.

– Она приглашает меня отдохнуть и показывает пример. Идея – недурна.

И без долгих околичностей он разлегся на песке. Легкая улыбка пробежала по губам молодой девушки, а из-под ее длинных ресниц сверкал лукавый огонек. Она восхищена была тем, что этот хрупкий чужеземец так хорошо ее понял.

Проспавши добрый час, Леон Беран разбужен был легким прикосновением пальца к своему веку. Он открыл глаза. Стоя на коленях на песке, наклонившись над ним, Меча заливалась смехом. Потом она произнесла одну фразу, где хотя и были новые слова, но можно было разобрать: лес, тропа, солнце. Впрочем, свою речь она подкрепляла выразительными жестами.

– Да, пора возвращаться; солнце уже низко стоит, – прошептал он. – Пойдем.

Он поднялся. Молодая девушка предупредительно стряхнула песок, засевший в его волосы. Затем простым, естест-

венным жестом она взяла его за руку, и он улыбкой ответил на это наивное выражение привязанности.

– Как развито чувство признательности у этого ребенка, – подумал он, и сейчас же побранился: – У этого ребенка? По возрасту – да. Но по силе она стоит четырех таких, как я. И какая, черт возьми, блистательная анатомия.

Неизменно сопровождаемые на том же расстоянии своей свитой, они пошли назад по тропинке. Дорогою Меча продолжала свои уроки, называя ему предметы, попадающиеся на глаза. Так достигли они скалистого коридора и затем платформы перед входом в пещеры.

Там оба караульщика их покинули.

Приближалась ночь. Не задерживаясь на террасе, где при последних отблесках дня сновали многочисленные пещерные обитатели, исследователь направился к пещере. По прибытии на платформу, Меча выпустила его руку. А у большой залы она простилась, сказав ему фразу, вероятно, означающую «до свиданья» и сопровождаемую улыбкой.

После нескольких блужданий, несмотря на свою способность легко ориентироваться, Леон Беран нашел в лабиринте коридоров, совсем уже темных, дорогу в свое помещение.

Оба ученых покончили уже с своими сегодняшними трудами и весело приветствовали своего молодого товарища. Он, по их просьбе, рассказал им, как провел день.

Явная симпатия Мечи к исследователю сильно их заинтересовала. Они в полном согласии друг с другом видели здесь новое поле для изучения психологии первобытной расы. Но исследователя эта мысль – сделать Мечу объектом изысканий и экспериментов – не слишком прельщала. Чтобы она, ее слова и поступки были предметом научного наблюдения – это как-то не укладывалось в его душе.

– Положительно, – сказал он себе – научный тарантул, укусивший самых цивилизованных людей, заставляет их часто терять всякий такт. По какому праву, в конце концов, вмешиваются они в действия и жесты, даже изгибы чувствований этих безобидных людей, которые обращаются с ними хорошо и ограничиваются тем лишь, что держат их в плену из чувства вполне понятной предосторожности, по-

тому что при первой встрече с европейцами они потеряли двух из своих...

Через некоторое время Леон Беран задал своим собеседникам такой вопрос:

– А что, в компании со мной, не решились ли бы вы на попытку бегства?

Немного смущенный, Жан Норе возразил:

– Бежать безоружным слишком было бы опасно.

– Но ведь они не разрушили моего вооружения. Конечно, не сразу, но я несомненно узнаю, где оно находится и как его себе возвратить.

Леопольд Мессен откровенно высказал свое мнение.

– Вы слишком молоды, дорогой мой соотечественник. И я понимаю ваше нетерпение скорее выйти на свободу. Но, с другой стороны, обратите внимание на то исключительно благоприятное положение, в каком мы по воле случая находимся...

– Что вы под этим разумеете? – удивился исследователь.

– Мы пользуемся здесь полной свободой, необходимой для наших трудов. Мы вам уже говорили об этом. Кроме того, с полной для нас безопасностью, мы можем всюду ходить на поиски растений и минералогических образцов. А в этой области труд наш еще не кончен...

– Нам еще многое остается сделать, – подтвердил профессор Норе.

– Далее, живя среди первобытного племени, мы располагаем совершенно исключительным полем наблюдений. Мы не могли и грезить об этом, когда покидали Европу. Оставить это поле добровольно, прежде чем мы успели собрать то, что мы можем собрать, это было бы, по моему мнению, ошибкой...

– Это было бы ошибкой, – сочувственным эхом отозвался француз. – Поэтому в данный момент мы не думаем отсюда уходить. Позднее, когда наши труды будут закончены, – тогда, конечно... Но к тому времени, несомненно, доберется до нас какая-нибудь вспомогательная экспедиция.

Обескураженный этим трогательным единодушием двух ученых, которые из преданности науке не отступали даже

перед принесением в жертву своей свободы, Леон Беран не настаивал.

– Нельзя идти напролом, – подумал он. – Так с ними ничего не поделаешь. Вернусь к этому проекту позднее.

Он закончил вслух:

– Как вам угодно, господа. Мы поговорим на эту тему как-нибудь в другой раз...

Часть третья

**КОНЕЦ ОДНОГО
ИЗ МИРОВ**

Глава I

ВЕЧНОЖЕНСТВЕННОЕ

Теперь каждое утро Леон Беран, выходя из своего помещения, встречал Мечу, поджидавшую его на террасе.

Вдвоем целыми днями блуждали они то под покровом леса, малейшие извилины которого были ей хорошо знакомы, то между скалами, куда он часто ее увлекал. Он не отказывался от мысли о бегстве и хотел ближе узнать топографию окружающей местности.

Меча подчинялась всем его фантазиям, но о цели их она не догадывалась. Учить его своему языку она продолжала, и вскоре он мог говорить на нем почти в совершенстве. Поэтому они в состоянии были вести продолжительные беседы. В них она обнаруживала большую понятливость, чем предполагал Беран, и любила его расспрашивать.

– Вао, – так она его называла, – знает все. Меча не знает. Но Меча слушает Вао.

Когда Меча впервые увидела, что он курит трубку, она была необыкновенно удивлена. Но вдыхаемый дым казался ей очень неприятен, и она никак не могла понять, зачем ее новый друг занимается такими упражнениями. Объяснить это Берану было очень трудно. Зато огниво, которым он пользовался, не восхищало ее. Она знала искусство добывать огонь, ударяя острым кремнем по колчедану и зажигая полученной искрой высохший мох. Инструмент исследователя, конечно, был очень удобный, более соразмерный его росту – вот и все. Но часы на толстом кожаном браслете у его кисти постоянно приводили ее в какое-то смущение. Она только очень смутно понимала, что этот предмет может служить для измерения времени, несмотря на старания Берана показать ей, что тому или иному положению солнца на горизонте соответствует и определен-

ное положение стрелок. Деление циферблата на двенадцать частей, приводящее стрелки в то же самое место два раза с суток, чудовищно усложняло проблему. Но больше всего вызывало ее удивление непрерывное тиканье. Ничего не смысля в элементарнейшей механике, она продолжала думать, что там внутри скрыто какое-то чудесное живое существо: тиканье слишком напоминало ей биение ее собственного сердца.

Беран любезно открывал перед ее глазами часовой колпачок, и Меча испуганным взглядом смотрела на быстрое движение пружины. Но за отсутствием слов объяснить механизм он не мог. Как-то утром, встав до восхода солнца, он вышел на террасу и был очень удивлен, увидев там группу людей, стоявших в безмолвии и как будто чего-то поджидавших. Заинтересованный этой картиной, он уселся в глубине террасы за выступом и, сдерживая дыхание, стал ждать. На горизонте забелелось. Потом как-то вдруг, как всегда бывает под тропиками, пылающий солнечный диск поднялся над лесом. В этот момент все люди простерли к нему свои руки, испуская хриплые звуки со странными интонациями. Несколько минут продолжали они восклицать, не изменяя позы. Затем повернулись, забрали свое лежавшее на земле оружие и направились к выходному коридору.

– А, это охотничья экспедиция, – подумал молодой человек. – Стало быть, у этих людей есть какой-то неопределенный культ солнца с первобытными обрядами и ритуальным гимном. В нем я, однако, не мог ухватить никакого смысла. Единственное, что я уловил, это – слово «Вао», т.е. солнце. Но самая молитва господину дня перед отправлением на охоту – в этой обстановке является чем-то величественным. Надо сказать моим двум ученым. Они, вероятно, не знают этой характерной подробности.

Они действительно не знали ее и горячо благодарили своего компаньона за его сообщение.

– Как-нибудь утром мы тоже пойдем посмотреть этот ритуал, – сказали они.

Они, как заметил Беран, вообще неохотно разлучались друг с другом. Происходило это не столько от их взаимной симпатии, хотя она несомненно имела, сколько из боязни, как бы один из них не сделал какого-нибудь открытия, не поделившись им с другим. Этот постоянный шпионаж чрезвычайно забавлял Леона Берана.

Раз, когда он проходил утром по скалистому коридору, по обыкновению сопровождаемый Мечей, перед ними выскочил какой-то человек и принялся ругать молодую девушку. Беран узнал в нем того самого, который в день его захвата проявлял грубость по отношению к Мече. Теперь он резко упрекал ее за ее постоянные прогулки с пленником, за то, что она совсем забросила и охоту, и рыбную ловлю. Меча отвечала ему в том же тоне, и наконец с презрением приказала ему замолчать и направила к своему отцу. При имени вождя этот человек, как казалось, был смущен. Он ничего не сказал, только задвигал челюстями и бросил на Берана взгляд, полный ненависти.

Беран и Меча пошли дальше. Молодая девушка стала объяснять своему спутнику, что этот воин хотел купить ее себе в жены. Уже несколько месяцев по этому вопросу тянулись переговоры между ним и ее отцом. Но Меча не хотела его, и вождь, и в качестве отца, и в качестве верховного судьи, прервал переговоры.

– Почему же? – спросил Леон Беран. – У него мало шкур, мало слоновой кости?

– Нет, много. Но Меча не хочет. – Дальнейших объяснений она не давала.

Несколько раз, когда ученые уходили на прогулку, Беран сводил ее в их помещение и делал ей перевязки. Рана, несмотря на глубину, благодаря этому врачеванию быстро заживала. И еще через несколько дней он мог совсем снять повязку.

Счастливая молодая девушка в знак благодарности излюбленным своим жестом погладила ему лоб и голову.

Она с каждым днем привязывалась к нему все больше и больше, и он испытывал от этого – как сам должен был себе признаться – какую-то тихую радость. Он старался уве-

личить ее познания, но, конечно, отдавал себе отчет и в примитивности ее умственных сил и в ограниченности тех средств образования, какими он мог располагать. И все-таки она проявляла поразительную способность усвоения.

Однажды Меча устроила ему приятный сюрприз. Утром, по обычаю, она дожидалась его на платформе. Потом пошли в коридор. На полпути Беран заметил, что никто за ними не следует. Он выразил большое удивление.

– Меча говорила вождю, – сказала молодая девушка с торжествующей улыбкой.

За несколько шагов до выхода она остановилась, пошарила в углублении скалы и вытащила оттуда карабин Берана и подала ему.

Тот стоял в недоумении.

– Меча говорила вождю, – повторила она, наслаждаясь удивлением своего спутника.

Он настолько был озадачен, что не решался верить своим глазам. Осмотрел оружие. Оно было в полном порядке. Не было только тех двух зарядов, которыми он выстрелил, защищая Мечу в ее схватке с лемурийцами.

– Вао доволен? – спросила молодая девушка со смехом в глазах.

Леон воскликнул:

– Очень доволен, Меча. Благодарю.

Он протянул ей руку. Меча тихо ее пожала.

Они шли по пути первой своей прогулки. Дошли до пляжа и там расположились.

Было очень жарко. Ни малейшего ветерка. Ни один лист не двигался.

В один момент Меча скинула свой передник, бросилась в воду и стала там резвиться.

Наяда с правильными, почти скульптурными линиями тела, она с чудесной гибкостью проделывала разные утомительные фигуры, без малейшего усилия плавала, ныряла, поднималась, потрясала своими пышными волосами, фыркала и весело смеялась. Жестом она приглашала своего компаньона последовать ее примеру.

– Смешон я буду рядом с этой юной нимфой, – подумал Леон Беран.

Но вода манила его, и, поддаваясь искушению, он разделся и бросился туда.

Теплые струи приятно ласкали его кожу. Мускулы его распускались в какой-то сладостной ноте. Он заметил, что плотность этой воды превышает даже плотность моря. Он без усилий держался на поверхности, и каждый из взмахов относил его на значительное расстояние.

Беран пользовался репутацией очень хорошего пловца, и теперь он решил поспорить быстротой со своей спутницей. Она только засмеялась и без всякого труда далеко опередила его. Несколько смущенный, он от дальнейших попыток отказался.

Они долго продолжали свое купанье. Леон Беран первый выскочил на берег, солнце высушило его в один миг, и он тотчас же оделся.

Наяда последовала за ним и свободно разлеглась на солнце, ни мало не смущаясь полным отсутствием костюма.

– Очевидно, – бормотал молодой человек, в тысячу раз более смущенный, чем она, – стыд, это – по преимуществу чувство искусственное.

И все-таки он невольно отводил свои взоры. Несмотря на все различие в умственном складе, самой физической природе, вид этой блестящей, здоровой и ослепительной наготы волновал его.

С этого дня Беран мог располагать своим оружием, мог свободно уходить, не сопровождаемый никем, кроме Мечи.

Шел период тяжелой жары. Почти каждый день они доходили до реки, в излюбленный Мечей уголок, и там вместе купались.

Меча держалась с ним с каждым разом все свободнее: нередко она первая выходила из воды и поджидала его, растянувшись на солнце, и мягко заставляла его по окончании купанья расположиться около нее.

Белизна его кожи восхищала ее. Сравнить и строение соответствующих мускулов доставляло ей большое наслаждение. Иногда она несколько резкими жестами схватывала

его голову и с странным блеском в глазах прижимала ее к своей пышной груди; затем медленно и тихо ласкала его лицо, замедляя движение своих пальцев на его тонких усах, на его ресницах, на его волосах.

Эта близость, этот опьяняющий аромат молодого, здорового тела с линиями удивительной чистоты, с крепкими мускулами, с поразительно мягкой кожей – все более и более окутывала молодого человека волнующей физической истомой. Случалось иногда, что он быстро вскакивал на ноги и надевал свое платье, шепча какие-то невнятные слова, а Меча в это время оставалась неподвижной, только дыхание ее учащалось, да из-под ее полузакрытых ресниц просвечивал влажный, сверкающий взгляд.

Глава II

БЕГСТВО РЕШЕНО

Не доверяя самому себе, Леон Беран в течение нескольких дней никуда не выходил из пещеры. Ученым, удивленным этой неожиданной причудой, он объяснил, что чувствует сильную усталость. Они в расспросы не вдавались и оставляли его в одиночестве, уходя на свои научные экскурсии. А он пользовался этим временем, чтобы тщательно изучить внутренность подземелья, чтоб составить достаточно точное представление о его форме, о том, как расположено оно в отношении к грандиозному водоразделу и к реке. Большую помощь в этом изучении оказывал компас.

Таким образом, он обошел ряд широких коридоров, углублявшихся в разных направлениях и соединявших многочисленные подземные камеры. Он намеренно оставил без внимания часть этих коридоров, ближайших к общей зале. Он знал, что там каждый из гротов занят отдельной семьей, принадлежавшей к этому племени.

После двух дней таких разведок он направился по галерее, выходявшей из одной из наиболее отдаленных от центра камер. Эта галерея, несмотря на некоторые отклонения, оказалась почти параллельной течению реки. Очень широкая в самом начале, она потом несколько суживалась, но продолжала вести далеко вперед. Леон Беран шел по ней более пяти часов, но конца он еще не видел.

Он решил в этот день дальше не идти и, чтоб не опоздать к ужину, пошел обратно. Дойдя до грота, откуда выходила галерея, он сделал отметку на выступе скалы, которая давала ему возможность сразу найти галерею.

Когда он вернулся, обычный час ужина давно уже прошел. Ученые испустили вздох облегчения, когда увидали его.

– Мы беспокоились, – упрекнул его Леопольд Мессен. – Давно уже ночь.

– Но я наружу не выходил, – сказал в свое оправдание Беран.

– Где же вы до сих пор бродяжничали?

– Я обследовал подземелье.

– Боже мой, зачем это?

– Посмотреть, не открывается ли там возможность для бегства.

– Как, вы все думаете о бегстве?

– Да, я о том думаю. И в меру своих сил и средств я не спеша подготовлю его.

Оба ученых обменялись взглядом. Упорство их компаньона смущало их.

– Но, – заметил Жан Норе, – ведь вы как будто примкнули к нашему решению дожидаться прибытия вспомогательной экспедиции.

– Вспомогательной экспедиции! Но, любезнейшие наставники, право же, я никогда в нее не верил. Ведь отдаете же вы себе отчет в затруднениях, какие встретило бы снаряжение ее при тех слабых ресурсах, которыми располагает пост Инонго? Да и вся колония Конго?

– Но, – запинаясь возразил Леопольд Мессен, – метрополия...

– О, да, она, конечно, в конце концов обеспокоится вашим исчезновением; в этом я не сомневаюсь. Но пока она решит снарядить экспедицию, сколько месяцев пройдет? Ведь вам известна наша административная волокита? Да и во Франции дела делаются не быстрее.

– Конечно, не быстрее, – согласился Жан Норе.

– Да и решатся ли там отправить экспедицию? Ничто не побуждает нас в это верить. Доклад администратора Инонго после возвращения Шифта, сошедшего с ума, после смерти Беккета, наконец после моего исчезновения, а ведь я – простите, что мне приходится об этом говорить, – имею признанную опытность при встречах с опасностями в тропических лесах, с засадами в пустынях... В результате, – эта экспедиция не может ли показаться рискованной, чересчур продолжительной, с сомнительными шансами на успех? Тогда...

Леон Беран умолк. Молчали и ученые. В нескольких фразах он представил им все в таком освещении, в каком они никогда еще не смотрели на вопрос. Трудиться, пополнять свои знания, подготавливаться к опубликованию сенсационнейших открытий – все это было очень хорошо. Но представится ли им возможность приступить к опубликованию этих открытий? А если нет, блекнет и слава, на которую рассчитывали они по возвращении в Европу.

Хуже того: их открытия, остающиеся неизвестными ученому миру, их усилия двинуть науку еще на один новый – и притом на гигантский шаг – все это пропадает. Первый нарушил молчание Жан Норе.

– Надо сознаться, дорогие коллеги, с этой точки зрения мы еще не смотрели на наше положение.

– К сожалению, вы правы, – согласился бельгиец.

– Ваш соотечественник предвидит возможность, что отправлявшие нас сюда откажутся от дальнейших поисков, и этот вопрос, мне кажется, должен теперь привлечь все наше внимание.

– Я совершенно с вами согласен.

– Не о нашем скромном существовании идет сейчас речь. Не оно заботит меня и вас. Не наша жизнь, а исключительная важность наших открытий. Если они ни до кого не дойдут, какая страшная получится потеря для науки.

– Потери неисчислимы, – воскликнул Леопольд Мессен.

– Далее, лучшая почеть, какую можем мы воздать памяти сэра Эдварда Беккета и доктора Шифта – мы ведь на него также, к сожалению, должны смотреть как на умершего по крайней мере для науки – лучшая почеть, говоря, не состоит ли в том, чтобы оповестить мир о наших трудах, участвовать в которых до конца не пришлось им по одной лишь жестокой случайности?

– Конечно, да.

– Во имя этих двух жертв долга, мы не должны, следовательно, рисковать вечным молчанием о наших открытиях, а обязаны тщательно взвесить соображения нашего молодого сотоварища.

– Да, это нужно, – вздохнул Леопольд Мессен.

Берану удалась таким образом затронуть у ученых самую чувствительную струнку. Но внутренне он забавлялся их торжественными речами.

– Посмотрим же теперь, – начал после глубокого молчания бельгийский ученый, – как вы представляете себе возможность бегства?

– Я рисую себе три этапа, – объяснил Леон Беран, – выход из пещеры, переход через лес и, наконец, с помощью лодки, приведшей меня сюда, возвращение в Инонго.

– Третья часть представляется мне легко осуществимой, – сказал Жан Норе. – Но первые два этапа... я вижу здесь страшные трудности.

– Да, – поддержал Леопольд Мессен, – за нами слишком бдительно следят.

– Но я и не думаю искать для вас выхода там, где обычно выходят из подземелья, – сказал Беран.

– Но как же? – воскликнули оба ученые.

Он рассказал им о своих наблюдениях в последние дни, об открытии галереи, по которой шел в течение нескольких часов и все-таки не дошел до ее конца.

– Эта галерея, – заключил он, – должна к чему-то при-
мыкать. В момент, когда я решил не двигаться дальше, она начинала представлять легкий подъем. И, несомненно, она дальше направляется к поверхности, к подножию косо-
го-
ра, расположенного против крутых скал. Оттуда с компа-
сом в руках мы направим свой путь через лес к водному по-
току.

– Но здешние люди двигаются быстрее нас, и очень скоро могут нас захватить.

– Не захватят, если мы примем необходимые меры предосторожности, чтоб затушевать наш след. Пока они еще откроют, что мы бежали – я не думаю, чтобы они прежде всего стали искать нас в подземелье, – мы успеем достаточно далеко отойти. Расстояние между нами и ими еще более удлинится, если мы пустимся на плоту по речке, которая, наверное, соединяется с болотом.

– Но ведь вы говорили, что нам надо найти вашу лодку.

А следовать по течению реки, значит отдаляться от этого места.

– Согласен. Ну что же? Мы удлиним наш путь, можем обогнуть на плоту остров. Ведь вы уверены, что земля, на которой мы теперь находимся, остров?

– Несомненно, – сказал Леопольд Мессен.

– И таким образом, мы ускользнем от преследования наших нынешних хозяев. Идя вдоль берега в направлении к северо-востоку, мы доберемся до узенького заливчика, в глубине которого я спрятал свою лодку.

Оба ученые размышляли. Программа Берана казалась им трудно осуществимой, но они невольно поддавались энергии, который был проникнут молодой исследователь.

– Чем мы будем питаться? – спросил потом Жан Норе.

– В моем мешке сохранилось достаточно консервов на случай нужды. А главное, все время, пока мы будем соприкасаться с лесом, мой карабин в состоянии будет обеспечить нам пропитание.

– А наши коллекции? Неужели мы должны оставить их здесь? – робко проговорил Леопольд Мессен.

– Нет, дорогой профессор, – смеясь, ответил Леон Беран, – не все, конечно, но каждый из вас возьмет столько, сколько в состоянии будет понести. Мадемба будет нагружен в достаточной мере. А я беру на себя мешок с провизией и оружие.

– При таких условиях, дорогой коллега, я думаю, что нам следует сделать попытку к бегству, – заявил Жан Норе.

– Совершенно с вами согласен, – подал свою реплику бельгийский ученый.

– Наше бегство, дорогие друзья, – сказал Леон Беран, в высшей степени довольный согласием ученых, – состоится в ближайшие дни. Мне нужно еще время, чтобы лучше к нему подготовиться. На долю случая мне хочется оставить возможно меньше. И момент надо будет избрать исключительно благоприятный. У вас еще достаточно времени, чтобы пополнить ваши заметки и наблюдения...

Оба ученые вздохнули облегченно после этого снисходительного и успокаивающего заключения.

Глава III

В ПОДЗЕМНОМ МРАКЕ

Замкнувши себя на несколько дней в подземелье, молодой исследователь на следующее утро очень рано вышел на воздух.

– Меча, должно быть, устала меня дожидаться, – подумал он. – Но если прежнее распоряжение не изменено, то я могу и один походить. А если новые правила появились, то меня будут сопровождать два стража; но это меня особенно стеснять не будет. Только бы не отобрали вновь мой карабин.

Он прошел террасой. Никто его не потревожил. Обернувшись, он увидел, что за ним никто не следует. Свободно пропустили его и часовые, стоявшие у входа.

– Bravo, – сказал он. – Я пользуюсь теперь полной свободой.

Он стал взбираться на скалу по довольно опасной тропинке, по которой он уже взбирался раньше в компании Мечи, одолел крутизну и добрался до вершины утеса.

Усевшись на порфировой глыбе, он стал осматривать окружающую местность.

Массив простирался на ширину в несколько километров. Противоположная сторона упиралась в совершенно гладкую стену, на вершине которой не было никакой растительности.

А дальше, на довольно большом расстоянии, начинался лес.

Он пошел по возвышенности дальше, до расщелины, которая, разрезая скалу, служила подступом к платформе, ведущей в пещеру.

Оттуда он мог своими глазами проследить течение реки на очень большом пространстве. Она выходила из леса, потом опять загибалась туда, пройдя по ущельям скалистой

местности. До известного предела он мог следить за ее изворотами и в лесу по той пустоте, какая образовывалась среди богатейшей растительности, но дальше ему уже не было видно, в какую сторону направлялось ее течение.

Потом его взгляд обратился к скалистой равнине у подножия массива.

– Галерея, которую я открыл, должно быть, оканчивается как раз там, внизу, а может быть, даже ведет в лес.

Он пошел обратно, стараясь вычислить, на какое пространство и на какую глубину возвышался порфиновый кряж. Но взор Берана не мог этого уловить.

– Так как непосредственный спуск к скалистой равнине абсолютно невозможен – там голая отвесная стена, – то для преследования нас им придется сделать обход. И как бы быстро они ни двигались, но на это уйдет не меньше двух дней – стало быть, для нас два дня выиграны.

И, рассмеявшись, он прибавил:

– Впрочем, чтобы наш след затерялся, я знаю средство, очень простое: пересечь на плоту реку, потом этот плот разбить и идти под покровом леса вдоль противоположного берега.

Довольный своим планом, он дошел до той тропинки, по которой взбирался, и опустился вниз.

Утро только еще кончилось, но жара стояла уже страшная, как и в дни его последних прогулок.

– Хорошо сейчас выкупаться, – подумал он, и эта мысль заставила его вспомнить Мечу.

– Этот примитивный ребенок, кажется, сильно привязался ко мне. Но при той степени развития, в каком находится его мозг, впечатления подобного рода долго не держатся. Мое отсутствие в последние дни, вероятно, направило ее мысли совсем по другому направлению. Я уверен, что в настоящий момент она отдается радостям охоты.

Он вспомнил ее безукоризненную фигуру, живо представлял себе красоту ее телодвижений.

– Какое чудеснейшее животное, – подумал он... – Животное... Впрочем, нет, это слишком сильно сказано. У ней замечательная понятливость, если принять в расчет, на ка-

кой ступени развития она стоит. Но ее бессознательная наивность иногда все же бывает стеснительна.

Несмотря на жару, он шел быстро и скоро достиг пляжа.

Крик удивления вырвался у него.

Меча сидела у бананового дерева, где она обычно любила отдыхать. Она услышала его шаги и, повернувшись, посмотрела на него большими глазами, в которых отражалась глубокая печаль.

Остановившись на миг, он подошел к ней и спросил ее на местном языке:

– Меча купалась?

Молодая девушка отрицательно покачала головой. Ее обычная улыбка была грустна и не открывала ее жемчужных зубов. Она продолжала смотреть на своего товарища по прогулкам тихим, но крайне меланхолическим взором.

Взволновавшись больше, чем он сам в том себе признавался, Леон Беран сел около нее, положив рядом с ней свой карабин.

В глазах молодой девушки, следившей за каждым его движением, он прочел оттенок презрения.

– Она недовольна мной, – сказал он себе, – конечно, за то, что за ее услугу, за возвращение мне оружия, я так плохо отплатил ей неожиданным проявлением полного равнодушия.

Эта мысль была ему очень неприятна.

– Но, черт возьми, ведь не могу же я объяснить ей, почему я уклонился от встреч, – раздраженно подумал он.

Однако он тотчас же подавил в себе раздражение.

– В конце концов во многих отношениях это суций ребенок. Так и будем с ней обращаться.

Он протянул руку молодой девушке, не прерывавшей своего молчания. Она охватила ее своей и сказала:

– Меча думала: Вао сердится...

Леон Беран покачал отрицательно головой и улыбнулся ей. На этот раз в ее глазах и на губах показалась улыбка. Мягким движением она привлекла к своей груди голову молодого человека и покрывала ее своими обычными ласками – одновременно и неловкими, и грациозными.

Через некоторое время она отодвинула от своей груди голову Берана и стала долгим взглядом в него всматриваться, как бы желая прочесть его мысли. Затем она быстро поднялась, разделась, бросилась в воду и позвала туда и его.

Беран последовал за ней. Около часу они вместе плавали и ныряли и, забавляясь, как дети, брызгали друг в друга.

Леон Беран первый вышел на берег. Меча как будто бы стала понимать, что, слишком интимно касаясь его своим телом, она стесняет молодого человека, и потому она еще немного поплавала и вышла только тогда, когда он уже оделся, и сама немедленно одела свою короткую тунику. Затем она сейчас же пригласила молодого человека следовать за ней и, несмотря на ранний еще час, провела его прямо в пещеры.

Но вместо того, чтобы расстаться с ним при входе, как это бывало обыкновенно, она повела его в коридор, прошла с ним через большую общую залу и галерею, доселе ему неизвестную, привела его в грот меньших размеров, где благодаря большому отверстию сверху было достаточно светло.

– Меча спит здесь? – спросил Беран, думая, что она хотела показать ему свою комнату.

Жестом она дала отрицательный ответ.

Приведя его к самому светлому месту, она велела ему сесть, а сама порылась в более темном углублении и вынесла оттуда ряд небольших предметов, которые и разложила перед ним.

– Смотри, Вао, – оказала она.

С большим удивлением Леон Беран начал рассматривать их один за другим.

Здесь были грубейшей работы статуэтки, высеченные или вырезанные из порфира, нефрита, слоновой кости, рога, – статуэтки, в которых художник старался представить человеческую фигуру или голову с воспроизведением черт лица... были здесь цветочные венчики, сделанные довольно тонко, с явным желанием верно передать природу, вырезанные пластинки, то с неправильными линиями, выра-

жающими какой-то декоративный мотив, то с профилями людей или животных.

При тех первобытных орудиях, какими располагал художник, можно было только дивиться полученным результатам, и молодой человек искренне восхищался ими. Полулежа на полу, Меча с улыбкой забавлялась удивлением Берана.

– Это все один человек сделал, Меча?

– Много людей, – ответила она.

Коллекция была довольно значительная.

– Это все принадлежит вождю?

– Нет, племени, – объяснила она.

Леон Беран не скрывал своего удивления. Итак, эти первобытные люди имели в своей среде настоящих артистов. И самое любопытное было то, что они сознавали ценность этих изделий, которые составляли как бы особого рода сокровище, коллективную собственность всего племени, свидетельствующую о его благородных вкусах.

– Да, это сокровище, – проговорил Леон Беран. – И какую необъятную ценность представляет оно, если подумать о глубочайшей старине некоторых из этих предметов.

– Я не могу говорить о нем, – решил он, – моим ученым до нашего бегства. Они могли бы оказаться такими варварами, что в состоянии были бы ограбить наших хозяев и лишиться их части сокровищ под предлогом собирания необходимых вещественных документов.

Затем, взглянув на Мечу, которая с почтением относилась к его размышлениям, не спуская с него блестящего взора, он подумал:

– Чтобы показать свое ко мне доверие, зная, что это доставит мне удовольствие, этот ребенок, наверное, нарушил какой-нибудь строгий приказ. Ее привязанность ко мне прямо поразительна.

Он погладил ее по волосам. Меча потрясла головой и улыбнулась счастливой улыбкой, показав все свои зубы.

Затем она тщательно переложила все эти произведения искусства на то место, откуда их взяла. И потом через уз-

кий проход, минуя общую залу, она привела Берана к его помещению.

Здесь она повторила свои странные жесты, которые она проделывала уже два раза. Они состояли в том, что Меча поочередно клала свою руку на грудь молодого человека, а затем его руку на свой лоб. На этот раз она проделала церемонию жестов в обратном порядке. Затем она остановилась в каком-то ожидании.

Леон Беран, не понимая значения такого ритуала, оставался неподвижным и только разводил руками. Тогда улыбка снова исчезла с ее губ, и, понурив голову она удалилась, не оглядываясь.

Он думал было окликнуть ее, попросить объяснить ему, в чем тут дело, но в конце концов пожал только плечами и сказал себе:

– Еще одна ребяческая причуда. Настоящий ребенок, только исполинского роста.

Европейцы, по обыкновению, обедали все вместе, а затем оба ученых, утомленные дневной экскурсией, легли спать.

Леон Беран вышел из своего помещения. Он хотел от- дать себе отчет, может ли он ощупью, с помощью сделанных им зарубок, отыскать опять путь по той длинной галерее, по которой он думал бежать.

– Трудно предполагать, – размышлял он, – чтобы мы в состоянии были уйти днем. Внутри этих пещер бесконечно много аллей и проходов. Это слишком рискованно: нас могут заметить. Но, с другой стороны, если мы двинемся ночью, нам нельзя будет воспользоваться факелом: это привлекло бы все племя. Необходимо, поэтому, чтобы я поупражнялся в отыскивании дороги в ночной темноте.

Опыт оказался неудачным, он стал искать обратный путь к своему помещению, как вдруг ему показалось, что где-то совсем рядом слышится какой-то странный шум.

И действительно, в нескольких шагах, направо, в густом мраке коридора стала вырисовываться более ясно чья-то тень. Шум, казалось, исходил от нее.

Леон Беран направился туда. Он очутился у входа в небольших размеров грот. Свет луны, падавшей в отверстие, отбрасывал внутри слабое сияние. Благодаря ему можно было различить распростертую фигуру с лицом, обращенным к земле, с плечами, вздрагивавшими от рыданий... Слышался жалобный стон. Он узнал Мечу.

– Но почему же она плачет? – подумал он.

Встревоженный ее несомненно большим горем, он наклонился к ней и старался поднять ее голову. Она не давалась.

Он сел тогда рядом с ней и с тихими ласковыми словами гладил ее по голове.

Мало-помалу рыдания прекратились. Продолжая лежать, она повернула к нему голову, заставила молодого человека лечь рядом с ней и прошептала ему в ухо:

– Вао – очень злой.

– Да нет же. Почему?

Она молча прижала его к себе, прильнула лицом к его груди и стала как бы укачивать, играя его волосами.

Он слышал, как около его уха прерывистыми ударами билось сердце Мечи. Его щека прижата была к ее упругой груди. Все ее юное тело дышало ароматом – каким-то таким волнующим. И почти бессознательно он сам стал отвечать ей ласками, сначала вполне невинными. Дыхание Мечи все учащалось. И вдруг он почувствовал на своих губах ее уста, ее дыхание. Она еще крепче сжала его, и с натянутыми нервами он ринулся в область страстных, пьянящих грез, прорезаемых молниеносными искрами, затем сознание его совсем померкло – он погрузился в глубокий сон.

Глава IV

УДОБНЫЙ СЛУЧАЙ

Жаркий дневной свет освещал грот, когда Леон Беран проснулся. Он был один. И вспоминая события прошлой ночи, никак не мог провести определенную грань между грезой и действительностью.

– Откуда это вы так поздно? Ушли вы очень рано, и мы поджидали вас к завтраку. – Этими словами встретил его соотечественник.

Уклонившись от точного ответа, он неопределенным жестом указал на пещеры:

– Мои разведки, – коротко сказал он.

Его опыт показал ему, что ночью, без освещения, почти невозможно найти дорогу, ведущую в отдаленную галерею.

– Я должен изменить свой первоначальный план, – подумал он, – выходить надо днем, хотя этим мы, может быть, навлекаем на себя ряд опасностей.

Этот и три следующих дня он не встречался с Мечей. Раз как-то он заметил ее издали, в коридоре, ведущем из общей залы на внешнюю террасу. Но когда он вышел на вольный воздух, он ее не нашел.

Очевидно, она его избегала.

Это вызвало в нем какую-то бессознательную грусть.

В течение последних дней трое европейцев откладывали ломти дичи от своих обедов, всегда очень обильных. Леон Беран еще раз прожаривал эти ломти по вечерам на находившемся в их помещении очаге. Потом он тщательно завертывал их в приносимые им с воли свежие листья одного растения: о нем он узнал от Мечи, сообщившей ему, что эти листья предохраняют от порчи мясо и фрукты.

– Итак, – сказал он ученым, заинтересованным его действиями и жестами, – мы будем располагать известным запасом в дополнение к нашим ящикам с консервами.

Мадемба, который по целым дням слонялся по подземелью и завязывал самые сердечные отношения с его обитателями, получил приказ заготовить сала с убиваемых животных.

Он ловко справился с этим заданием и небольшими кусками заготовил несколько фунтов сала.

Пришлось подумать и о свечах. Леон Беран взял тростниковый стебель, выдолбил внутренность и получил форму свечи. Из полосы легкой материи он свил толстые фитили. Затем растопил сало, влил его в свою форму, ввел туда фитиль и подождал, пока масса не отвердеет. Отняв пробку, которой он заменил один из концов стебля, приготовленным заранее прутом (такого же диаметра, как и тростниковый стебель) он вытолкнул свечу из ее формы. Таким образом, получено было три толстых и длинных свечи.

– У нас хватит освещения на несколько часов. Я не думаю, чтобы нам понадобилось больше, – сказал он.

В одну из экскурсий он пошел по течению речки, отыскивая бамбук. Один куст он нашел, но при нем не оказалось никакого орудия, которым он мог бы его срубить.

Вдруг в кустарнике послышался шум и треск. Через чащу быстро выскочила молодая лань и, подбежав прямо к речке мимо Берана, бросилась туда. Через несколько секунд из лесу показалась человеческая фигура.

– Меча, – воскликнул Леон Беран.

Молодая девушка бросила преследование. Впрочем, и лань поплыла по реке с большой быстротой и скоро оказалась в безопасности.

Все еще возбужденная охотой, с полуоткрытым ртом, с раздувающимися ноздрями, с натянутыми мускулами, – она казалась поистине восхитительной.

Она прочла это восхищение на лице своего друга, и счастливая улыбка озарила ее черты. Затем с тихой покорностью во взгляде она подошла к молодому человеку, страстно обняла его, но скоро отошла.

Он заметил, что на плече своем она несла нефритовый топор.

– Вот как раз то, что мне надо, – воскликнул он. Он протянул руку к орудию.

Она отрицательно покачала головой и с легкой иронией в уголках глаз сказала:

– Очень тяжело для Вао... Что хочет делать Вао?

Задетый за живое этой репликой, Беран все же должен был признать ее основательность. Он указал на бамбуковое дерево и объяснил, что ему надо его срубить.

Двумя ударами дерево было срублено, после этого Меча взглядом спросила его, не нужно ли еще что-нибудь сделать.

Он указал два нароста на стволе.

– Обрубить здесь и там.

Смеясь, девушка сделала и это.

Теперь у Берана был под рукой бамбуковый ствол, имевший в длину около пятидесяти сантиметров, а в диаметре около тридцати.

– Надо выдолбить внутренность, – сказал он себе. – Только чем? Я боюсь сломать свой нож.

Тем не менее, усевшись на песок, он стал орудовать своим ножом.

Меча уселась рядом с ним, и с веселым недоумением стала смотреть на его работу. Но тотчас же она сообразила, что ему нужно, взяла ствол из его рук, вынула из кожаного футляра нефритовый нож, висевший у ее пояса, и принялась работать.

Менее чем через полчаса цилиндр был очищен от внутреннейности.

Леон Беран взял его и посередине ствола сделал своим ножом довольно широкое отверстие и затем из одной из веток вырезал пробку, который можно было это отверстие закрывать.

Крайне заинтересованная, Меча не упускала из виду ни одного из его движений.

Теперь надо было устроить крышки, которые бы плотно закрывали цилиндр с обоих концов. Леон Беран концами

своего ножа начертал два-три кружка, параллельных один другому и перпендикулярных к оси цилиндра.

– Меча может так вырезать?

Меча вынула свой топор. Леон Беран жестом остановил ее.

– Нет, Меча, не так.

Удивленная, она, наморщив брови, старалась понять, в чем дело. Наконец она догадалась, что другу нужны правильно вырезанные кружки, а для этого топор не пригоден.

Она опять взяла свой нефритовый нож; одна сторона его была отточена, как клинок, другая была покрыта тонким зубцами и представляла собой род ручной пилы.

Меча стала на колени и при помощи этой пилы скоро вырезала из бамбука два нужных кружка. Кружки хорошо были прилажены; оставалось проверить водонепроницаемость. Леон Беран наполнил цилиндр водой из реки. Опыт удался прекрасно.

Меча была в полном восхищении и сначала выказала детскую радость. Но затем брови ее опять нахмурились; она спрашивала себя, зачем весь этот труд, но ответа не находила. В задумчивости следовала она за Бераном, который с своим бочонком под мышкой направился в подземелье.

Он не заметил озабоченности Мечи. Довольный работой, он спокойно с ней беседовал.

Она сообщила ему, что послезавтра на рассвете все мужчины отправляются в охотничью экспедицию. Приближался сезон дождей, и, следовательно, необходимо было сделать к этому времени запасы мяса. К тому же в последние дни охотники заметили приближение значительного стада зубров.

– Меча пойдет с охотниками, – с гордостью заключила она.

– Ее долго не будет в пещере? – спросил Беран, заинтересованный ее сообщением.

Она пожала плечами, показывая, что не знает. Затем на пальцах она отсчитала сперва два, потом три.

– Три дня отсутствия, – сосчитал молодой исследователь. – Я думаю, что для нас это более, чем достаточно.

Меча искоса следила за его лицом, видела, какое чувство удовлетворения появилось на нем. Ее мозг работал интенсивно. Но ни одним словом она не выдала своей озабоченности.

Пройдя коридор, они пришли на платформу. Вопреки обычаям, Меча на этот раз последовала за молодым человеком. На полпути в темноте она опять прижала его к своей груди и долго держала в своих объятиях. Потом порывисто отскочила и побежала назад.

Взволнованный больше, чем он сам себе в этом признавался, Леон Беран дошел до своего места, где в это время находились оба его товарища.

Он выложил на пол свой бочонок.

– Что это такое? – спросил Леопольд Мессен.

– Маленький бочонок, как вы видите.

– Для?..

– Для того, чтобы нести в нем воду. Я возьму его себе на спину, подвязавши ремнями от мешка. Стало быть, если нам придется идти довольно долго вдали от реки, то не будем рисковать умереть от жажды.

– Положительно, вы обо всем подумали... Леон Беран улыбнулся с неопределенным жестом.

– Привычка... – сказал он.

Затем, принимаясь за ужин, он провозгласил:

– Мы идем послезавтра.

Ошеломленным, но не решавшимся протестовать ученым он объяснил, как облегчает им бегство эта неожиданная экспедиция охотников.

Глава V

БЕГСТВО

Весь следующий день ученые занимались приготовлениями к бегству. Эти приготовления состояли в тщательной упаковке образчиков минералов, раковин, костей, растений, собранных ими за время своего пребывания в пещерах. К этому присоединялись кой-какие первобытные орудия, частью подаренные их хозяевами, а частью – к чему только не приведет любовь к знанию честных людей – таинственно похищенные ими к ущербу племени.

Оба ученых все время подозрительно наблюдали друг за другом, и ни один из них ни за что не согласился бы взять с собой меньше, чем другой. Сначала Леона Берана забавляло это, но, видя, что багаж все растет, он решительно заявил о невозможности нагрузить Мадембу таким количеством предметов и предложил им убавить свои коллекции. Его распоряжению пришлось подчиниться, и ученые снова принялись за пересмотр и переборку своего драгоценного груза, а сам Беран решил подышать свежим воздухом и вышел на волю. Он направился к обычному месту своих купаний и там, к удивлению своему, нашел Мечу, одиноко и меланхолично сидевшую у бананового дерева.

– Любопытно, – проговорил он про себя. – Положительно, какой-то таинственный инстинкт говорит ей о нашей неминуемой разлуке.

Однако она встретила его обычной своей улыбкой, видимо, очень обрадованная его появлением. Но она была менее экспансивной на этот раз, выказывала себя не столь наивной самкой, как при предыдущих встречах.

Впрочем, теперь он сам вызвал интимные объятия, снова охваченный свежестью ее тела и ее пьянящим ароматом. Затем они направились к подземелью, рука об руку, как в первые дни. Он не говорили. Сознание неизбежного конца

этой мимолетной связи, полной какой-то дикой прелести, давило на душу цивилизованного человека, и настроение его гармонировало с меланхолией его подруги.

Скоро, однако, он вернулся к себе. После сытного ужина все четверо улеглись; приготовления их были кончены, груз их поставлен был в угол, бочонок налит водой из водоема, находившегося в их помещении, и тщательно закупорен.

Леон Беран поднялся до рассвета и вышел на террасу, чтобы убедиться в уходе охотников. Он присутствовал при их торжественной церемонии в честь солнца.

Когда гимн был кончен, к группе мужчин присоединилась Меча. Вооруженная с головы до пят, со своим топором, гарпуном и чем-то вроде кожаного колчана, наполненного небольшими дротиками и переброшенного через плечо, она имела вид настоящей воительницы, отважной амазонки. Она как будто не видала Берана и, не оглядываясь, сошла с террасы, идя почти во главе кортежа, рядом со своим отцом, вождем племени.

Несколько женщин, несших запасное оружие, следовали за охотниками.

Как только этот многочисленный отряд исчез в скалистом коридоре, Леон Беран ринулся внутрь подземелья, быстро пересек почти совсем опустевшую общую залу и, вбежав в свое помещение, коротко сказал вставшим и уже дождавшимся его ученым:

– Охотники ушли. Удобный момент настал... В путь...

С этими словами он нагрузил себе на спину свой мешок, бочонок с водой и взял карабин.

Мадемба помог снарядиться в путь неловким ученым и потом взвалил на себя увесистый груз, поморщившись от сознания, что приходится нести эти бесполезные коллекции.

– В путь, господа, – повторил Леон Беран. Сам он пошел впереди, время от времени оглядываясь назад, не следует ли за ними кто-нибудь из племени – из женщин или детей. Но ничего подозрительного он не заметил.

Благодаря своим разведкам в бесконечной путанице подземного лабиринта он легко прокладывал путь и скоро достиг грота, откуда был выход в длинную галерею. Найдя сделанную им несколько дней тому назад пометку, он сказал:

– Вот мы и здесь.

Он вышел в галерею, сопровождаемый обоими европейцами и негром. В течение более четверти часа они шли быстрым ходом.

Догадываясь, что ученые, как менее сильные и менее привычные, нуждаются в отдыхе, он остановился, предложил им сложить свой груз и немного посидеть. Не заставляя более просить себя, они сейчас же подчинились распоряжению. Через четверть часа он хотел уже дать сигнал к движению вперед, как вдруг заметил, что позади виднеется какая-то тень. Тревога охватила его. Неужели бегство открыто и их уже преследуют?

– Что же делать? Признать себя побежденными, вернуться в старое помещение, поджидая другого случая, или попробовать защищаться, пустить в ход оружие?

Он никак не мог ни на что решиться. А тень все приближалась, хотя в полумраке нельзя еще было разобрать, мужчина это или женщина.

Ученые и негр не замечали ничего. Наконец, преследующее их существо подошло к ним на расстояние в несколько десятков метров и очутилось под лучом света, проникавшем через узкую расщелину в скалистой массе.

– Да это Меча, – вскрикнул Беран, узнавший свою подругу. Вздых облегчения вырвался у него.

Оба ученых и негр на миг остолбенели от этого восклицания. А молодая девушка уже подходила к ним. Она остановилась подле Леона Берана и глубоко вдохнула воздух.

– Она бежала несколько часов, – подумал он. – Она совсем задыхается.

Ласковым тоном он спросил ее:

– Куда идет Меча?

– С Вао, – просто ответила она.

Пораженный простотой этого заявления, он не находил, что сказать. Она продолжала:

– Меча видела это, – она указала на багаж. – Меча знала, что Вао уйдет. Меча покинула охотников. Меча пойдет с Вао.

– Это невозможно, – воскликнул он, и на языке ее племени повелительно произнес:

– Меча вернется в пещеру. Меча не может идти с Вао.

Кротко, но упорно, она настаивала на своем.

– Меча покинет племя... Меча пойдет, куда пойдет Вао.

Тронутый этой привязанностью, Леон Беран чувствовал себя в величайшем затруднении.

Вмешался Жан Норе, понимавший их разговор.

– Почему же не взять ее, если она хочет? Она скорее будет нам полезна, а не обременительна, так как она прекрасно знает лес.

Его поддержал и Леопольд Мессен.

– Отправить ее к своим – кажется мне очень опасным. Она может поднять тревогу.

– О нет, этого быть не может, – запротестовал Леон Беран, – Меча не донесет.

Слыша свое имя и понимая, что спор идет о ней, она, обратив к Берану умоляющий взор, повторила:

– Меча пойдет с Вао.

Он все еще ни на что не решался. Конечно, профессор Норе прав, Меча может оказать неисчислимы услуги, но ее судьба? Ведь нельзя взять ее с собой в Конго, еще менее – в Европу. Да и новые климатические условия могут оказаться губительными для нее.

Вслух он высказал только это последнее соображение.

– Простите, любезнейший соотечественник, – возразил Леопольд Мессен. – В Европе, конечно, Меча жить не может, но в Конго – дело другое. Да сами мы, менее сильные, европейцы, ведь приспособились же мы к температуре и атмосфере местности, из которой она выходит. Почему не допустить и обратную возможность?

– Вы подумайте, – добавил Жан Норе, – какой исключительный интерес будет представлять присутствие Мечи в

доступной для всех части Конго. Какую иллюстрацию даст она нашим открытиям и докладам.

– Интерес капитальный, – воскликнул Леопольд Мессен.

Леон Беран поморщился. Видеть свою дикую подругу выставленной в качестве музейного животного, – эта перспектива ему не улыбалась.

– Они неисправимы, – пробормотал он сквозь зубы. – Ну да, в случае надобности, я сумею остановить их нелепые поползновения.

Но необходимость решать немедленно, и прежде всего сознание трудности убедить Мечу, заставили его в конце концов согласиться и, обернувшись к молодой девушке, он сказал на ее языке:

– Вао возьмет Мечу.

Великая радость отразилась на ее лице и жестом признательности она взяла его за руку.

Чтобы положить конец этим излияниям, до крайности смущавшим его в присутствии ученых европейцев, он командовал:

– В путь, господа!

Меча шла вслед за ним, потом, тронув его за плечо и прошептав, что она сейчас вернется, отошла в обратном направлении и скрылась в мраке подземелья. Часа через два, когда ученые стали уже тревожиться ее отсутствием, она появилась опять, принеся с собой карабин Мадембы, два револьвера, топор и кирку...

– Так как чужеземцы уходят, то им может понадобится их оружие, – решила она.

Тронутый обнаруженной ею разумной предусмотрительностью, Леон Беран поблагодарил ее словами и улыбкой.

Они не останавливались и еще несколько часов продолжали свое подземное путешествие.

Глава VI

МИНА

Чем дальше они подвигались вперед, тем темнее становилось. Путешественники находились теперь почти в полном мраке. Мечу это не смущало: ее глаза видели и в темноте, но мужчинам это затрудняло движение.

– Мои разведки доходили приблизительно до этого места, – заявил Леон Беран. – Мне кажется, что мы начинаем понемногу подниматься.

Чувствуя, что спутники его утомились, он сделал новый привал. Этим временем он воспользовался для расспросов Мечи о галерее. Оказалось, что Меча здесь никогда раньше не была и не думает, что она выводит из подземелья, так как из пещер, по ее словам, все выходы расположены только с противоположной стороны.

Это несколько смутило Берана, но у него все же оставалась надежда, что подземелье не все исследовано или что оно, из опасения вторжения в него, в давние еще времена было искусственно закрыто с той стороны. Конечно, и тогда перспектива получалась не из приятных.

– Ну что ж – посмотрим! Если придется копать, будем копать, – с помощью захваченных Мечей орудий – это возможно.

После получасового отдыха путники пошли дальше. Несмотря на протесты Леона Берана, Меча взяла его багаж и понесла его на голове.

Так с небольшими остановками они шли до семи часов вечера. Ученые выбивались из сил. Леон Беран сам чувствовал усталость. Путь в разреженном воздухе становился очень тяжелым. И уже в течение нескольких часов они должны были идти с зажженной свечой, одной из тех, которые приготовил Леон Беран. Дойдя до места, где галерея расширялась и округлялась, они решили остановиться.

– Здесь мы отдохнем, – распорядился молодой исследователь, бесспорный глава экспедиции. – Несколько часов мы соснем и пустимся дальше, когда достаточно восстановим свои силы.

Прикрепив свечу к выдвинувшейся части скалистой стены, он уселся, и Меча заняла место рядом с ним. Их примеру последовали оба ученых и Мадемба.

Из своего мешка исследователь извлек ломти жареной дичи и оделил ими всех. Один ломтик он передал и Мече.

Та, к великому его изумлению, отказалась.

– Меча никогда не ест на пути... Меча ест вот это.

И из маленького мешка, висевшего у ней за поясом рядом с ножом, она вынула какой-то особенный орех, очень твердый, разгрызла его своими стальными зубами, часть отдала своему другу, а остальное начала медленно жевать.

Из любопытства исследователь попробовал. Орех оказался вкусным, слегка терпким, но оставлявшим во рту впечатление свежести. Через минуту он почувствовал, что усталость исчезает, уступая место бодрости.

Он рассказал об этом своим спутникам.

Жан Норе объяснил:

– Без сомнения, по своим качествам этот плод походит на кокосовый орех. В Южной Америке индейцы также пользуются им, когда приходится испытывать сильное утомление. Но частое употребление таких средств несомненно опасно.

По окончании ужина Леон Беран предложил всем уснуть и потушил свечу. Меча улеглась рядом с ним и на ухо ему прошептала:

– Меча довольна.

Спали они долго. Спертый воздух подземелья, бедный кислородом, уменьшал их энергию.

Первая проснулась Меча и разбудила своего друга, погладив его по голове. Он зажег огонь, увидел по своим часам, что они спали десять часов, и предложил немедленно идти дальше.

Они прошли снова более шести часов и не видели еще конца своему путешествию. Оптимизм Леона Берана умень-

шался. Он начинал уже задавать себе вопрос, не втянул ли он своих сотоварищей в какую-нибудь безумную авантюру.

– А впрочем, – успокаивал он себя, – в худшем случае мы вернемся. Присутствие Мечи послужит к нашему спасению. Подумают, что мы просто совершали экскурсию вроде тех, какие так часто делали оба ученых. Но, конечно, это не ускорит нашего освобождения и нашего возвращения в Европу.

Наконец они решили отдохнуть и расположились позавтракать. Открыли коробки с консервами – к великому удивлению Мечи. Потом она встала и, указывая на галерею, сказала:

– Меча пойдет вперед.

– Иди, Меча, – согласился Леон Беран.

– Она быстрее нас, – объяснил он ученым, – она осматривает дорогу, по крайней мере часть ее, пока мы завтракаем. Мы узнаем, не представляет ли дальнейший путь каких-нибудь особенностей.

Четверо путников подкрепились и оказали большую честь бочонку с водой. Легкая лихорадка вызывала у них сильную жажду.

После еды оба ученых улеглись, чтобы дать некоторый отдых разбитым членам. Исследователь, погруженный в думы, закурил свою трубку.

Прошел час. Легкими, неслышными шагами Меча подошла к ним.

– Ну что, Меча? – спросил исследователь.

– Больше нет подземелья, – коротко ответила она.

Леон Беран привскочил.

– Как? Что ты говоришь?

Потом, более мягким тоном, на ее гортанном языке он ее переспросил:

– Что говорит Меча?

– Меча прошла галереей... Меча встретила скалу.

– Пойдем, посмотрим, – сказал он. – Иди, Мадемба.

Обращаясь к ученым, он сказал:

– Я оставлю вам свечу. Вы подойдете к нам. А мы пойдем вперед.

Он спешно двинулся дальше, сопровождаемый Мадембой. Меча шла впереди.

Они шли довольно скоро, в продолжение трех часов.

– Как поразительно быстро ходит этот ребенок, – думал Беран, – если в такое короткое время она успела пройти дорогу в двух направлениях.

Внезапно они очутились перед скалистой стеной. После самых тщательных изысканий со свечей в руках Леон Беран нигде не мог заметить продолжения пути. Но в противоположность тому, что наблюдалось до сих пор, здесь чувствовалась большая влажность. Этот факт вызвал у исследователя крик радости.

– Или я ошибаюсь, – сказал он, – или мы совсем недалеко от земной поверхности... Проникновение влажности несомненно указывает на то, что мы в данный момент находимся под лесом, подпочва которого отличается большой сыростью.

Он стал раздумывать, как им можно выйти на свежий воздух. Нельзя ли где-нибудь прокопать?

Он велел Мадембе взять кирку и постараться проделать вверху отверстие. Но, несмотря на усилия негра, ничего не выходило. Порфир не поддавался стали.

В это время подошли и ученые. Беран объяснил им вкратце, в чем дело и в каком затруднении он находится. Как вдруг он ударил себя по лбу и вскрикнул:

– Черт возьми. Да ведь у меня есть некоторое количество динамита.

Пошарив на дне своего мешка, он извлек оттуда двадцать доз динамита и положил их на землю, в сухом месте.

– Остается заложить мину. Но это не так-то просто.

Он сам взялся за кирку, но результата никакого не получил.

– Что хочет сделать Вао? – вмешалась Меча.

– Провертеть в скале дыру, вот такую. – И он показал руками, какой величины нужно сделать отверстие.

– Меча сделает, – сказала молодая девушка.

– Чем?

– Вот этим.

Она указала на свой топор.

– Ах, да нефрит, пожалуй, тверже порфира, – проговорил он про себя.

Меча сейчас же принялась за работу. Ей удалось пробуровать скалу, потом после долгих, терпеливых усилий отломать большие куски порфира и, наконец, сделать отверстие около десяти сантиметров ширины, столько же – вышины и в несколько сантиметров вглубь.

– Этого мало, – сказал Леон Беран.

Он показал ей, что отверстие должно быть глубже. Оставив тогда свой топор, Меча вынула свой нож и стала орудовать пилообразной стороной. Она выполнила задание, но на это ушло несколько часов. Исследователь посмотрел на часы и заявил:

– Теперь слишком поздно взрывать мину. Мы очутились бы на воле в полном мраке, не зная где. Лучше подождать до утра. А теперь будем спать. Я надеюсь: это – последняя ночь в подземелье.

На этот раз первым проснулся Леон Беран и тотчас вызвал Мадембу помогать закладывать мину. Подумав с минутой, сколько класть динамита, он решил положить его весь.

– Может быть, стена толще, чем мы думаем. И чем больше мы положим, тем шире образуется отверстие.

Он уложил в глубь дыры все двадцать доз, затем извлек пули из трех карабиновых патронов, а лежавший под ними порох высыпал в кусок ткани, который он свил.

– Много хуже, чем бикфордов шнур, – проворчал он, – но, надеюсь, этого довольно.

Он кончал последние приготовления, как Меча вдруг схватила его за руку.

Живое беспокойство отразилось на ее лице. Она повернулась в ту сторону, откуда они шли, и сказала:

– Племя...

Исследователь прислушался. Но его слух, менее тонкий и менее изощренный, не уловил ничего.

– Нет, Меча. Ты ошибаешься.

– Меча знает. Меча слышит шаги.

– Тогда надо спешить, – подумал он и, повернувшись к ученым, крикнул:

– Отходите возможно дальше. Я зажигаю.

Он вставил импровизированный огнепровод, приблизил свечу к его пустому концу и бросился назад, увлекая за собой Мечу.

Он наблюдал, как медленно горел кусок материи. А издалека теперь уже явственно доносился шум.

– Она права, – проговорил Беран, – приближаются.

Глава VII

КОНЕЦ МИРА

Раздался страшный взрыв, по всему подземелью отразился он, и среди ужасающего крушения скал Леон Беран почувствовал, что он поднимается, подбрасывается вверх.

В одну секунду он потерял сознание.

Ощущение сырости было первое, какое он испытал, придя в себя. Он оказался в плотной, смрадной воде.

Вокруг него болотные растения, водоросли. А наверху – солнце и голубое небо. Инстинктивно он пустился вплавь. Заметив над водой скалистый пригорок, он направился к нему, вышел и огляделся кругом.

– Но ведь это болото, – воскликнул он.

Он стал искать глазами своих спутников. И вскоре увидел, что два человеческих существа, с трудом плывя, направляются к нему. Он признал сначала Жана Норе, потом Леопольда Мессена. И тот, и другой сохранили свой багаж, несмотря на его тяжесть. Француз пристал первый. Леопольду Мессену надо было помочь, и Беран вновь бросился в воду и извлек его на скалистый островок.

Но он тщетно искал на поверхности воды следы Мечи и негра.

В трех или четырех километрах высился гигантский лес. А почти рядом, в расстоянии каких-нибудь нескольких сот метров, замечен был страшный водоворот. Вода сильным движением низвергалась куда-то в глубину.

Исследователь понял. Сырость, которую он заметил в конце подземной галереи, объяснялась просачиванием болотных вод. Подземелье лежало под жидким покровом, и теперь вода устремлялась туда через огромное отверстие, проделанное взрывом.

Теперь у него не было сомнения, что и молодая девушка, и Мадемба погибли, убитые куском скалы или брошенные взрывом на какой-нибудь выступ.

– Бедная Меча, – подумал Леон Беран, – такая милая, такая преданная... Но, по существу, это, пожалуй, для нее – самое лучшее... Каких радостей можно было ждать для нее после...

Его глаза увлажнились слезами, волнение давило ему сердце. С грустью подумал он и о Мадембе, – простом, боязливым, но верном.

– А наши преследователи, конечно, все погибли, застигнутые ринувшимся навстречу им потоком. Боюсь даже, как бы не затоплено было все подземелье – ведь оно ниже уровня воды, – как бы и все остальные члены племени не подверглись той же участи... Ужасно.

Он направился к ученым. Они были в полной прострации и плохо воспринимали то, что их окружало.

– Где же мы? – слабым голосом спросил Жан Норе.

– Положение наше не блестящее, – сказал Беран. – Изолированные на этом островке, без оружия, без орудий, с одной только провизией, сохранившейся в моем мешке, – я, право, не знаю, как мы выпутаемся.

Страшный шум прервал его слова.

Слышался треск, гремели обвалы. Дрожал и тот скалистый островок, на котором они находились,

Наконец, пораженные до оцепенения, они увидели, что и лес стал передвигаться, деревья стали принимать невероятные положения, как будто бы почва, на которой они росли, колебалась от небывалого землетрясения. Потом медленно весь занавес, замыкавший горизонт, опустился, точно схваченный подземными силами.

Безумные крики гигантских животных раздирали воздух. Вокруг них уровень воды быстро понижался.

Очнувшись от своего столбняка, оба ученые наблюдали теперь это апокалипсическое зрелище.

– Я понимаю, – сказал Леопольд Мессен, печально качая головой. – Вода, проникшая после взрыва в пещеры, вызвала крушение порфирового массива. А он представлял

собой арматуру острова. Один за другим стали падать внутри скалистые выступы, как части карточного домика. Под этой скалистой корой, должно быть, находится огромное пустое пространство. И весь остров мало-помалу погружается туда. Это конец одного из миров... Не знаю, каким чудом, но он пережил столько катаклизмов, отовсюду уносивших следы отдаленнейших веков. Но нынешний катаклизм кладет конец и этому необъяснимому пережитку... Мы будем единственными людьми, которые его видели...

И действительно, вдали, в громе сейсмического потрясения, берег острова постепенно исчезал.

— Да, — повторил задумчиво исследователь, — конец одного из миров...

Эпилог

НЕОЖИДАННОЕ СПАСЕНИЕ

Два дня и две ночи протекали среда перипетий катастрофы. Мало-помалу вода стала опускаться. До самого горизонта со всех сторон расстился теперь ровный покров. Никакого остатка, никакого следа не было от той сказочной страны, где они прожили столько недель.

Царило молчание, – подавляющее, мрачное. Ни одного движения, ни живого звука не было там, где несколькими днями раньше кипела такая богатая, причудливая жизнь.

Изолированные на своем скалистом острове, размеры которого с понижением воды значительно увеличились, без всякой защиты от палящих лучей солнца, три европейца ждали смерти. Никаких средств к спасению у них не было. Не было никакого материала, из которого можно было соорудить хоть какой-нибудь плот. Кругом – огромное, неодолимое водное пространство.

У них оставалось еще довольно много консервов, но трудно было пить грязную, густую воду, а жажда жестоко их мучила. Оба ученых почти потеряли сознание, они не двигались, не говорили. Леон Беран постоянно возвращался к неразрешимой задаче, и каждый раз должен был констатировать полную безнадежность.

* * *

Поднималась заря третьего дня.

Находившемуся в состоянии оцепенения исследователю стали слышаться звуки рожка, крики, шум голосов.

– Галлюцинация, – сказал он себе.

Все-таки с усилием он встает, всматривается вдаль.

– Боже мой, неужели это мираж?

Он видит барки с черными людьми, в регулярном порядке идущие одна за другой. Всмотревшись пристальнее, он подбегает к своим спутникам, толкает их, выводит их из столбняка.

– Люди приближаются, – кричит он. – Мы спасены.

Пошатываясь, они также поднимаются и смотрят туда, куда им указывает исследователь.

Лодки подходят; в них черные, в них солдаты, в них европейцы. Одна из них в скором времени причаливает.

Одним прыжком выскакивает из нее администратор Инонго, господин Райнар, и душит в своих объятиях Леона Берана.

За ним следует еще один человек, который подскакивает к ученым, пожимает им руки и восклицает:

– Ах! Mein Gott! Мы успели вовремя.

Это господин Шифт, собственной персоной, в совершенно здравом уме.

Трех переживших удивительнейшее приключение сажают в лодку. И после продолжительных приветствий объясняют им, как произошло это чудесное спасение.

Профессор Шифт отдан был на попечение выдающегося врача, присланного губернатором Конго, и в скором времени совершенно излечился. Он обстоятельно рассказал после этого о странном приключении с экспедицией и сообщил, что с лодки, на которой он бежал, он видел, как захватывают в плен двух его коллег. Немедленно же по телеграфному приказу из Европы стала организовываться спасательная экспедиция. И после нескольких недель утомительного странствования по болоту ей удалось достигнуть наконец этих мест. Издали в бинокль администратор Райнар заметил островок и направился к нему со всем отрядом.

– В течение последних двух дней нашего плавания, – заметил он, – мы пошли быстро, подгоняемые каким-то течением.

Леон Беран и оба его спутника переглянулись: они понимали, в чем дело.

– А теперь, – закончил администратор, – так как мы достаточно сильны, мы хотели бы взглянуть на этих знамени-

тых пещерных людей, на этих антропитеков, как называет их доктор Шифт. Мне очень интересно ознакомиться с этими новыми людьми, которыми я должен управлять. Ведь их территория входит в состав моего округа.

– Их территории больше нет. Течение, которое вас несло сюда, вызвано было устремлением воды, покрывающей теперь то место, где меньше недели тому назад расположен был доисторический остров.

И, в свою очередь, Леон Беран рассказал об их жизни в пещерах, об их бегстве, о взрыве и катаклизме и печально закончил:

– Для этих людей отдаленных эпох наше присутствие оказалось гибельным. Они умирают в конечном итоге от тех неведомых им сил, с которыми выступает наша цивилизация. И теперь, в недостижимой глубине болота, навеки скрылась отдаленнейшая эпоха со следами прошлых тысячелетий жизни нашей планеты.



Книга публикуется по изданию 1927 г. с исправлением опечаток, устаревших особенностей орфографии и пунктуации и ряда устаревших оборотов. Сохранено русское название романа вместо менее выразительного авторского «La Mission de Quatre Savants» («Миссия четырех ученых»).

На фронтиспise – обложка русского издания 1927 г. работы худ. Н. Трошина. Иллюстрация на обложке и рисунки в тексте взяты с обложек французских и испанских изданий романа 1925-1930 гг.

Оглавление

Часть первая. Тайна болота

Глава I. Пост Инонго	8
Глава II. Музей	14
Глава III. Отъезд	18
Глава IV. Курьеры	25
Глава V. Молчание	32
Глава VI. Без руля и без ветрил	40
Глава VII. Странное возвращение	46
Глава VIII. Две жертвы	52
Глава IX. Погасший свет	59
Глава X. Другой отъезд	66

Часть вторая. Сквозь мрак тысячелетий

Глава I. По дороге в неведомое	73
Глава II. Кошмарное видение	79
Глава III. Птица из глубины веков	87

Глава IV. Подъем	94
Глава V. Тревожное открытие	102
Глава VI. Страшная встреча	109
Глава VII. Махайрод	115
Глава VIII. Перед неприступной стеной	122
Глава IX. Мамонт и странные существа	127
Глава X. Женщина	132
Глава XI. Взяты в плен	139
Глава XII. Ученые отыскиались	144
Глава XIII. После аудиенции	149
Глава XIV. Приключения научной экспедиции	154
Глава XV. Тысячелетние обычаи	158
Глава XVI. Опять Меча	163
Глава XVII. Преданность науке	168
Часть третья. Конец одного из миров	
Глава I. Вечноженственное	175
Глава II. Бегство решено	181
Глава III. В подземном мраке	186
Глава IV. Удобный случай	193

Глава V. Бегство	198
Глава VI. Мина	203
Глава VII. Конец мира	209
Эпилог. Неожиданное спасение	212

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.